

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЕРИЯ «НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Основана в 1959 году

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
И ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ
им. С. И. ВАВИЛОВА РАН ПО РАЗРАБОТКЕ
НАУЧНЫХ БИОГРАФИЙ ДЕЯТЕЛЕЙ
ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ:

академик *Н.П. Лавёров* (председатель),
академик *А.М. Кутепов* (зам. председателя),
докт. экон. наук *В.М. Орёл* (зам. председателя),
докт. ист. наук *Э.К. Соколовская* (ученый секретарь),
докт. физ.-мат. наук *В.П. Визгин*, канд. техн. наук *В.Л. Гвоздецкий*,
докт. физ.-мат. наук *С.С. Демидов*, академик *Б.П. Захарченя*,
докт. физ.-мат. наук *Г.М. Идлис*, академик *Ю.А. Израэль*,
канд. ист. наук *С.С. Илизаров*, докт. филос. наук *Э.И. Колчинский*,
канд. воен.-мор. наук *В.Н. Краснов*, докт. хим. наук *В.И. Кузнецов*,
докт. ист. наук *Б.В. Лёвшин*, член-корреспондент РАН *М.Я. Маров*,
член-корреспондент РАН *В.А. Медведев*, докт. биол. наук *Э.Н. Мирзоян*,
докт. техн. наук *А.В. Постников*, член-корреспондент РАН *Л.П. Рысин*,
докт. хим. наук *Ю.И. Соловьёв*, докт. геол.-минерал. наук *Ю.Я. Соловьёв*,
академик *И.А. Шевелёв*, академик *А.Е. Шилов*

Н.В. Эйльбарт

**Юлиан
Доминикович
ТАЛКО-ГРЫНЦЕВИЧ –
исследователь
Забайкалья
1850–1936**

Ответственный редактор
доктор исторических наук
М.В. КОНСТАНТИНОВ

МОСКВА
«НАУКА»
2003

УДК 913(470)
ББК 26.8г
Э32

Рецензенты:

кандидат исторических наук *С.С. Илизаров*,
доктор медицинских наук *Н.А. Григорян*

Эйльбарт Н.В.

Юлиан Доминикович Талько-Грынцевич – исследователь Забайкалья. 1850–1936 / Н.В. Эйльбарт; Отв. ред. М.В. Константинов. – М.: Наука, 2003. – 167 с.: ил. – (Науч.-биограф. лит.)

ISBN 5-02-006469-6

Книга посвящена известному российскому и польскому учёному Ю.Д. Талько-Грынцевичу, посвятившему 16 лет исследованиям Забайкалья. Он принимал активное участие в создании и деятельности Троицко-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского географического общества. Круг интересов Талько-Грынцевича был чрезвычайно широк: антропологические, археологические, исторические, географические, биологические, этнографические и медицинские проблемы, а также вопросы организации народного образования и здравоохранения. В Кяхте учёный организовал музей, научную библиотеку, метеостанцию.

Для читателей, интересующихся историей науки.

ТП-2003-І-285

ISBN 5-02-006469-6

© Российская академия наук
и издательство “Наука”,
серия “Научно-биографическая
литература” (разработка, оформление),
1959 (год основания), 2003

Введение

История науки знает немало замечательных людей, неутомимых учёных-исследователей, выполнивших высокую просветительскую и культурную миссию в Сибири, продолжая в этом отношении благородное дело декабристов. Среди имён этих людей особое место занимает имя выдающегося российского и польского учёного и общественного деятеля Юлиана Доминиковича Талько-Грынцевича (1850–1936) – врача, археолога, антрополога, этнографа, внесшего неопределимый вклад в каждый из вышеперечисленных разделов естественных наук.

Ю.Д. Талько-Грынцевич родился в литовском городе Каунас (Ковно) в польской дворянской помещичьей семье. В 1876 году он окончил медицинский факультет Киевского университета и начал работать уездным врачом в Звенигородке – небольшом местечке недалеко от Киева. В 1884 г. молодой врач, проявляя интерес к археологии, производит раскопки скифских курганов в Киевской губернии. Высокий уровень знаний по анатомии человека, полученных в университете, помог ему по останкам, захороненным в кургане, определить антропологический тип древнего народа. По словам самого учёного, именно с этого момента он “находит” себя в науке, приходит к выводу, что антропология и археология являются именно теми областями науки, которым он хотел бы отдавать все свои силы¹. Главной целью антропологического изучения как живых людей, так и останков из древних могил, Талько-Грынцевич считал решение вопроса о происхождении славянских племён Восточной Европы. Так как в эпоху Великого переселения народов на территории Восточно-европейской равнины осели азиатские племена, то они, по мнению учёного, могли повлиять на формирование антропологического типа славян.

В 1892 г. Ю.Д. Талько-Грынцевич переезжает на службу в Забайкалье, далёкую восточную окраину Российской империи, поселяется в маленьком пограничном с Монголией городке Троицкосавске (ныне Кяхта), работает окружным врачом. Целью добровольного приезда в Сибирь Талько-Грынцевича было, по его словам, “изучение человека на Востоке”, начиная с его морфологии и заканчивая историей как древних, так и современных народов. “Положив себе задачу антропологическое изучение Забайкалья, мы не могли ог-

¹ Талько-Грынцевич Ю.Д. Сибирские страницы жизни, Чита, 2000.

раничиться одной какой-нибудь его частью, а напротив, желая, чтобы оно было насколько возможно полнее, принялись за всестороннее изучение жизни, ибо лишь все факты в совокупности могут представить характеристику населения страны”, (пишет Талько-Грынцевич в одной из своих работ². В Забайкалье учёный прожил шестнадцать лет, с 1892 по 1908 год.

Необходимо отметить, что при отсутствии в то время какой-либо чёткой и целенаправленной государственной политики в отношении культурного развития восточных окраин Российской империи, многое в этом отношении зависело от инициативы энтузиастов из среды интеллигенции, от финансовой поддержки местной администрации и меценатов. На территории тогдашней Забайкальской области передовым центром науки и культуры стала отнюдь не Чита (административный центр области, а Троицкосавск, где проживало много политических ссыльных – славных представителей русской интеллигенции. Троицкосавск и располагавшаяся в нескольких верстах от него купеческая слобода Кяхта, были в конце XIX века и центром чайной торговли; богатое кяхтинское купечество всегда с пониманием откликалось на просьбы о пожертвовании на организацию музея, библиотеки, метеостанции, на снаряжение многочисленных научных экспедиций. Именно в Троицкосавске, благодаря усилиям градоначальника А.И. Зеновича, стала выходить первая в Забайкалье газета “Забайкальские областные ведомости”. Здесь в конце XIX – начале XX века жили известные политические ссыльные и учёные-краеведы – Д.А. Клеменц, Н.А. Чарушин, И.И. Попов, А.К. Кузнецов, П.С. Михно, В.С. и М.И. Моллесон, Н.П. Левин, Н.Г. Сарычев и др.³ Талько-Грынцевич, имя которого приобрело мировую известность благодаря научным работам, написанным по материалам, собранным в Забайкалье, являлся одним из самых ярких представителей европейской научной мысли, когда-либо работавших в Сибири⁴.

В 1894 году в Троицкосавске открылся филиал Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела императорского Русского географического общества. “Правителем дел” отделения и фактическим его руководителем стал Ю.Д. Талько-Грынцевич, оставаясь на этой должности 14 лет, вплоть до своего отъезда в Польшу. На этом посту им была проделана большая работа по созданию в Кяхте музея археологических и антропологических находок, науч-

² Талько-Грынцевич Ю.Д. К вопросу об изучении физиологических явлений половой жизни женщин в Забайкалье, СПб., 1903, с. 3.

³ Евдокимова С.В. Кяхта – культурный центр Забайкалья XIX века // Тезисы и доклады научной конференции “Банзаровские чтения – 2”. Улан-Удэ, 1997; Заннер Э.П. Путешествие длиною в три столетия. Иркутск, 1973; Голенкова А.И. Следопыты Байкала. Иркутск, 1986; Серова О.В. Школа радости, М., 1985.

⁴ Окладников А.П. Кяхтинский музей и его вклад в археологию Забайкалья // История и культура Бурятии, Улан-Удэ, 1976.

ной библиотеки, метеостанции. Ю.Д. Талько-Грынцевич являлся также основателем и редактором журнала, выходившего в издательстве отделения Географического общества, “Трудов Троицко-савско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела императорского Русского географического общества”. Учёный способствовал организации, снаряжению и отправке археологических и этнографических экспедиций как в различные районы Сибири, так и в Монголию и Китай. Сам Талько-Грынцевич принимал деятельное участие в этих экспедициях. На территории Забайкалья им было раскопано и изучено более 500 древних могил. В 1896 году учёный произвёл раскопки на Суджинском доисторическом кладбище в Ильмовой пади, близ Кяхты. Талько-Грынцевич установил, что эти погребения принадлежат гуннам – древнему кочевому племени, жившему когда-то на территории Забайкалья, а в эпоху Великого переселения народов завоевавшего Римскую империю. Таким образом, он явился первооткрывателем гуннских захоронений и основоположником гуннской археологии⁵. Имя его прочно вошло в историю науки именно благодаря этому открытию.

Многолетние раскопки древних захоронений на территории Забайкалья позволили Талько-Грынцевичу создать первую классификацию забайкальских погребальных комплексов. Он подробно исследовал останки древних кладбищ, производил их антропометрическое измерение и на основании этого делал вывод о расовой принадлежности древнего народа, о его анатомических особенностях, антропологическом сходстве с современными жителями Забайкалья⁶.

Ю.Д. Талько-Грынцевич занимался также антропологическим изучением современных ему жителей Забайкалья, писал работы по антропологии бурят, монголов, северных китайцев, тунгусов (эвенков), а также забайкальских старообрядцев – семейских. Работы учёного, касающиеся медицинской тематики, затрагивали вопросы эпидемиологии, анатомии, физиологии, гигиены.

В 1908 г. Ю.Д. Талько-Грынцевич уехал из Забайкалья, получив место заведующего кафедрой физической антропологии при Ягеллонском университете в Кракове. Он руководил работой этой кафедры до 1932 г., посвятив остаток жизни обработке и публикации материалов, собранных им в Забайкалье.

К сожалению, как богатое научное наследие Талько-Грынцевича, так и многие факты его биографии остаются малоизученными. Имени Талько-Грынцевича не найти на страницах советских и российских энциклопедических изданий. О деятельности Талько-Грынцевича упоминается лишь в немногочисленной специальной

⁵ Коновалов П.Б. По следам Ю.Д. Талько-Грынцевича (Археологическая разведка хуннских погребений в Южном Забайкалье) // Труды Бурятского института общественных наук / БФ СО АН СССР, 1969.

⁶ Талько-Грынцевич Ю.Д. Древние памятники Западного Забайкалья (с картой их распределения) // Труды XII археологического съезда в Харькове, 1902, № 1. М., 1905.

литературе по археологии и антропологии, где даётся анализ нескольких из его основных работ в этой области. Библиография работ Талько-Грынцевича по сведениям, содержащимся в польской литературе, составляет около 300⁷. В настоящей книге мы коснёмся научного наследия учёного, созданного им в “забайкальский” период, и лишь вскользь коснёмся работ, написанных в Польше и о Польше.

Следует отметить, что исследовательскую деятельность Талько-Грынцевича отличает прежде всего энциклопедичность, широта затрагиваемых им вопросов. Это и антропологические, и археологические, и исторические, и географические, и биологические, и этнографические, и медицинские проблемы, а также вопросы народного просвещения и организации здравоохранения.

Значительная часть работ Талько-Грынцевича посвящена медицинской тематике: анатомическим и физиологическим особенностям организма забайкальцев и европейцев, эпидемиологии инфекционных заболеваний, санитарной статистике, казуистическим случаям из медицинской практики. Работы Талько-Грынцевича по медицинской тематике до сей поры остаются совершенно не изученными, а между тем сразу же после выхода их в свет они получили довольно широкий резонанс, в том числе и в солидных центральных изданиях. Талько-Грынцевич впервые описал анатомические особенности жителей Забайкалья, структуру заболеваемости и пр. Особенно важным представляется то обстоятельство, что до приезда в Забайкалье Талько-Грынцевич проводил аналогичные исследования населения Киевской губернии, поэтому наиболее ценным является проведенный им сравнительный анализ особенностей анатомии и физиологии человека в Европе и в Забайкалье. Установив целый ряд отличий между структурой заболеваемости в Киевской губернии и в Забайкальской области, Талько-Грынцевич выявляет ряд климатических, расовых, культурных причин, по которым могли происходить эти отличия. Многие суждения Талько-Грынцевича оригинальны и не потеряли своего значения и в настоящее время, на их основе необходимо продолжать более подробное изучение особенностей организма жителей Забайкалья, а это весьма актуально для современной медицины.

В настоящее время в научной литературе отсутствует характеристика основных трудов Талько-Грынцевича по археологии, антропологии, этнографии Забайкалья. Масштабы археологических и антропологических изысканий Талько-Грынцевича огромны, этим вопросам посвящена большая часть его научного наследия. Это наследие представляет в настоящее время большую ценность, так как за последние 100 лет произошла значительная ассимиля-

⁷ *Slabszczyński W. i T. Słownik Podrozników Polskich*, Warszawa, 1992.

ция описанных учёным этнических групп, изменился их образ жизни, утрачены многие обычаи и традиции. Поэтому работы Талько-Грынцевича содержат ценные сведения для современных исследователей. Многие из этих работ не только не подвергались современному научному анализу, большей частью они неизвестны даже специалистам, занимающимся тем или иным вопросом антропологии и археологии Сибири и Забайкалья. Нами впервые в отечественной истории представлена полная библиография работ Ю.Д. Талько-Грынцевича, опубликованных на русском языке и написанных им в Забайкалье.

Историография и источники

Исследования, посвящённые жизни и творчеству Ю.Д. Талько-Грынцевича, можно разделить на две группы: труды, изданные в Польше, на польском языке, и опубликованные в России.

Интерес к жизни и творчеству Талько-Грынцевича возник на родине учёного, в Польше, ещё при его жизни. Можно сказать, что Грынцевичу повезло – он смог увидеть свою официальную биографию в самых престижных энциклопедических изданиях Польши. Первая биографическая статья о Талько-Грынцевиче принадлежала К. Столыхво. Она была написана в 1907 г. и опубликована в журнале “Светское обозрение”. В 1936 г. К. Столыхво опубликовал посмертную биографию Талько-Грынцевича в польском журнале “Антропологическое обозрение”, эта же статья была переиздана в 1962 г. в “Польском биографическом словаре”. В 1926 г. в том же “Антропологическом обозрении” вышла статья друга учёного, А. Вжосека (впоследствии он был редактором его мемуаров), посвящённая жизни и деятельности Талько-Грынцевича. Однако, эти статьи составляли в лучшем случае два десятка страниц и носили самый общий характер. Желая осветить многие подробности из своей жизни и подвести её итоги, Талько-Грынцевич сам берётся за перо, изпод которого выходят два тома его мемуаров: “Из прожитых дней” (1930) и “Воспоминания последних лет” (1932).

Вышеприведённые издания явились в последующем той основой, на которой создавались другие работы, касающиеся жизни и деятельности Талько-Грынцевича. Однако, не существует специализированной монографии, посвящённой жизни и деятельности учёного. Вот шесть основных работ, в которых упоминается Грынцевич: Т. Слабчинский “Связи польских исследователей народов Сибири с Русским географическим обществом” (1976), А. Ясицкий “Сто лет польской антропологии” (1957), “Юлиан Талько-Грынцевич” (в издании “Биографии польских учёных”, 1985), А. Вжосек “Библиография польской антропологии” (1959), С. Конопка “Польская медицинская библиография XIX века” (1982) и “Очерки о деятелях естественных наук в Польше” (1983).

В совокупности в этих статьях и монографиях дан анализ трудов, написанных и изданных учёным на польском языке. Польскими биографами и антропологами упоминаются только названия работ Талько-Грынцевича, изданных им в Забайкалье, причём далеко не всех. Лишь несколько строк, переходя из издания в издание, сообща-

ют о том, что работы Талько-Грынцевича, написанные в Забайкалье, публиковались им в “Трудах” Троицкосавско-Кяхтинского отделения Географического общества, обстоятельный же анализ их вовсе отсутствует. Таким образом, польские исследователи жизни и деятельности Талько-Грынцевича делают акцент на том, что он сделал в Польше, как прославил польскую антропологию и археологию, на его работе на посту заведующего кафедрой физической антропологии Ягеллонского университета в Кракове.

Другую группу литературы о жизни и творчестве Талько-Грынцевича составляют труды на русском языке. Её, в свою очередь, можно разделить на две подгруппы: литература биографического плана и специализированная литература по тем научным направлениям, в которых работал Ю.Д. Талько-Грынцевич (издания по антропологии, археологии, этнографии).

Что касается российской биографической литературы о Ю.Д. Талько-Грынцевиче, то её список ограничивается несколькими статьями. Необходимо отметить, что за последние 70 лет имя Талько-Грынцевича в нашей стране было незаслуженно забыто. Его имени нет в Большой Советской Энциклопедии. В пятый том Сибирской Советской Энциклопедии, который, к сожалению, так и не был издан, планировалось включить лишь краткий очерк о жизни и деятельности Ю.Д. Талько-Грынцевича⁸. Заслуга “воскрешения” из небытия имени Талько-Грынцевича принадлежит забайкальским краеведам. Первой о нём упомянула А.Н. Орлова – сотрудник Кяхтинского музея – в книге “Краеведы города Кяхты”⁹. Известный врач и краевед Е.Д. Петряев, долгое время работавший в Чите, написал краткую биографию Талько-Грынцевича с упоминанием нескольких его трудов в книгах “Исследователи и литераторы старого Забайкалья” (1954) и “Краеведы старого Забайкалья” (1981). В личном архиве Е.Д. Петряева нами обнаружена афиша лекции, прочитанной Талько-Грынцевичем в пользу Кяхтинского музея. Единственной биографической статьёй о Талько-Грынцевиче, оценивающей его главным образом как врача, стала статья профессора Харьковского медицинского института В.Д. Отамановского “Ю.Д. Талько-Грынцевич”, опубликованная в журнале “Советское здравоохранение” за 1962 год. Позднейшее краткое упоминание о Талько-Грынцевиче содержится в обзорной монографии профессора иркутского университета Б.С. Шостаковича “История поляков в Сибири”(1995).

Ко второй подгруппе, как мы уже говорили, относится специальная литература по археологии, антропологии и этнографии Забайкалья. В этих работах даётся оценка исследований Талько-Грынцевича с позиций современных представлений по этим вопросам.

⁸ БСЭ. М., 1971, т. 25; ССЭ, Нью-Йорк, 1992, т. 4. с. 1085.

⁹ Орлова А.Н. Краеведы города Кяхты // Труды Кяхтинского музея, 1949.

Однако, порой даже в специализированных исследованиях упоминания о Грынцевиче весьма скупы. Например, в учебнике Г.С. Лебедева “История отечественной археологии” Талько-Грынцевичу посвящена всего одна строка, где он весьма туманно упоминается в связи с “раскопками в Сибири”¹⁰. Характеристику работам Талько-Грынцевича по археологии, антропологии и этнографии Забайкалья можно найти в исследованиях следующих специалистов, вплотную занимавшихся этими вопросами: Г.П. Сосновского “Дэрестуйский могильник” (1935), “Плиточные могилы Забайкалья” (1941), “Раскопки в Ильмовой пади” (1946), “О поселении гуннской эпохи в долине р. Чикоя” (1947); А.П. Окладникова “Археологические исследования в Бурят-Монголии” (1951), “Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Глазковское время” (1955), “Кяхтинский музей и его вклад в археологию Забайкалья” (1976); С.И. Руденко “Культура хуннов и ноинулинские курганы” (1962); П.Б. Коновалова “По следам Ю.Д. Талько-Грынцевича” (1969), “Исследования погребальных памятников хунну в Бурятии” (1976), “Древние культуры Бурятии и этническая динамика” (1990), “Какие археологические памятники связаны с историей бурятского народа?” (1993); С.С. Миняева “Сюньну” (1988); Т.М. Михайлова “Из истории бурятского шаманизма с древнейших времён по XVIII век” (1980); С.В. Данилова “Археологические памятники долины р. Джида (поздняя бронза, раннее железо, средневековье)” (1992); М.В. Константинова “Каменный век восточного региона Байкальской Азии” (1994), “Оракулы веков” (1997); А.В. Давыдовой “Иволгинский археологический комплекс” (1995, 1996); Н.Н. Крадина “Империя хунну” (1996). Исследования Талько-Грынцевича по антропологии Забайкалья упоминаются и анализируются в работах Г.Ф. Дебеца “Палеоантропология СССР” (1948), Н.Н. Дикова “Бронзовый век Забайкалья” (1958), Р.Ф. Тугутова “Раскопки гуннского могильника в Черёмуховой пади” (1959), Н.Н. Мамоновой “К антропологии гуннов Забайкалья” (1974), И.И. Гохмана “Антропологическое изучение Забайкалья в Троицкосавско-Кяхтинском отделении Русского географического общества” (1977), А.И. Бураева “Антропологический состав современного населения Бурятии по данным краниологии” (1993). Однако, ни одному из исследователей не удалось собрать и проанализировать все работы Талько-Грынцевича в этой области. Многие научные статьи Талько-Грынцевича вообще ими не упоминаются¹¹.

Научно-исследовательские работы по отдельным отраслям науки, написанные Ю.Д. Талько-Грынцевичем в Забайкалье, можно разделить на семь основных групп, исходя из общности тематики.

¹⁰ Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб, 1992, с. 272.

¹¹ Талько-Грынцевич Ю.Д. О человеческих костях, найденных в окрестностях Усть-Кякты (Забайкальской области). Иркутск, 1895; *Он же*. Поляки. Антропологический очерк, М., 1901.

К первой группе относятся работы на тему медицины, до сегодняшнего времени остающиеся неизученными. Если в вышеперечисленной отечественной литературе можно встретить упоминание о Талько-Грынцевиче как об археологе или антропологе, то тема “врач Талько-Грынцевич” нигде не затрагивается, и вопрос о его работе в этой области вообще не рассматривается. А между тем, Грынцевич был не только талантливым практикующим врачом, диагностом высшего класса, но и учёным-медиком, и доказательством тому служат его работы по медицинской тематике. Научные работы по медицине, написанные им в Забайкалье, впервые осветили некоторые вопросы, касающиеся особенностей анатомии и физиологии жителей этого региона. В нашей книге впервые проведён тематический анализ и систематизация работ Талько-Грынцевича по гигиене, анатомии, физиологии, климатологии, эпидемиологии, акушерству и гинекологии. Как в изданиях по истории здравоохранения Забайкалья, так и в работах по истории медицины в России отсутствует даже упоминание об этом выдающемся человеке.

Широкий резонанс при жизни автора получила только одна его работа, под названием “О чумных заболеваниях в Монголии” (1900), посвящённая эпидемиологии и клинике лёгочной чумы. Она цитировалась в центральных российских медицинских изданиях (“Военно-медицинском журнале” (1900) и “Русском архиве патологии, клинической медицины и бактериологии” (1901)). В советский период о Грынцевиче-враче в центральном научном медицинском издании было упомянуто лишь один раз (в журнале “Советское здравоохранение” за 1962 год (см. выше). В этой статье, весьма скромной по объёму, было сказано лишь об одной работе Талько-Грынцевича по медицине Забайкалья – “Климат Троицкосавска-Кяхты в гигиеническом отношении”. Об этой же работе пишет Е.Д. Петряев в “Исследователях и литераторах старого Забайкалья”, а также о статье “О чумных заболеваниях в Монголии”. Таким образом, отсутствует не только анализ работ Талько-Грынцевича по медицине с точки зрения современной науки, но и их библиография. Мы собрали и подвергли научному анализу медицинские исследования Талько-Грынцевича, на основании данного анализа определили их место и значение для здравоохранения Забайкалья и для науки того времени. В тексте нашего исследования приводятся работы Талько-Грынцевича по медицине, написанные им в Польше и на Украине, а также их краткое содержание, здесь же рассмотрим его труды по медицине Забайкалья. Самым первым из них стала статья, опубликованная в “Протоколах заседаний Забайкальского общества врачей в Чите за 1894 и 1895 гг.” под названием “Случаи применения метода Лабурда”, где автор описывает применение им на практике метода стимуляции дыхания по Лабурду. Несколько научных статей Талько-Грынцевич посвятил климатологии и бальнеологии (“Климат Троицкосавска-Кяхты в гигиеническом отношении” (1897), “К вопросу

изучения высоты стояния почвенной воды в городе Троицкосавске и его слободе Усть-Кяхте” (1902), “Ямаровка как курорт и будущая санатория Восточной Сибири” (1905)). Анализируя климат Забайкалья, Талько-Грынцевич впервые находит связь между ним и заболеваемостью населения, выявляет природные факторы, оказывающие наибольшее влияние на здоровье забайкальцев. Поэтому в этих работах он объясняет структуру заболеваемости и эпидемиологию различных заболеваний, например, дизентерии, гриппа. Работа по анатомии “Некоторые данные о весе мозга жителей Забайкалья” (1909) – первая попытка в истории забайкальской медицины определить особенности анатомии головного мозга коренного населения края (так называемых “инородцев”) и русских переселенцев. И, наконец, самая объёмная работа учёного по медицинскому тематике (“К вопросу об изучении физиологических явлений половой жизни женщин в Забайкалье” (1903). В ней весьма обстоятельно отражены следующие аспекты: структура заболеваемости женщин разных сословий и рас в Забайкалье, их репродуктивная способность и пр., в сравнении с аналогичными в европейской России.

В работе Талько-Грынцевича “Продолжительность жизни русского населения в Забайкалье” (1898) проводится анализ продолжительности жизни населения в Забайкалье в сопоставлении с другими областями Российской империи, выявляются причины, по которым, по мнению автора, имела место подобная разница.

Но в историю науки Талько-Грынцевич вошёл, прежде всего, как археолог и антрополог. К выделенной нами второй группе мы отнесли 14 исследовательских работ учёного именно в этих отраслях знаний. Его труды по археологии и антропологии, как было сказано выше, анализируются в специальной литературе по этим вопросам. Самая известная его работа по археологии – “Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади” (1899). Впервые в Забайкалье, на Суджинском кладбище, автором были произведены раскопки гуннских захоронений. На основании китайских письменных источников Талько-Грынцевич воссоздаёт историю таинственно исчезнувшего народа. Необходимо отметить, что в отечественной науке имя Талько-Грынцевича чаще всего упоминается в связи с раскопками гуннских археологических памятников, ведь Ю.Д. Талько-Грынцевичем впервые в истории археологии погребения в срубах были отнесены к истории гуннов. В данной работе приводится анализ погребального обряда, его описание, а также публикуются таблицы по антропометрическому исследованию костей. Это исследование Талько-Грынцевича известно всем археологам и антропологам, когда-либо занимавшимися палеоантропологией Забайкалья.

В “Трудах” Троицкосавско-Кяхтинского отделения Географического общества Ю.Д. Талько-Грынцевич опубликовал свои “Материалы к палеоэтнологии Забайкалья”, состоящие из семи частей и

описывающие археологические раскопки разных лет. Эти “Материалы” стали основой для написания в последующем обобщающих трудов (см. ниже).

Антропологическое изучение живых людей являлось, пожалуй, более важным для Талько-Грынцевича, чем изучение ископаемых останков. Более чем тридцатилетний опыт работы практикующего врача, отличное знание анатомии и физиологии человека, наконец, то, что лечение больных Талько-Грынцевич совмещал с их антропологическим изучением, позволили ему собрать материал в колоссальных для того времени масштабах. Знания же врача помогли Грынцевичу сделать научные выводы, сопоставить зависимость анатомии того или иного индивидуума, его физиологии и заболеваемости от хозяйственно-культурного уклада, характера питания, обычаев. Эти выводы очень ценны и для современной медицины, однако, до сих пор работы Талько-Грынцевича по антропологии современных автохтонов не подверглись обстоятельному изучению. Причина здесь кроется не только в забвении имени Талько-Грынцевича, но и в том, что для проведения этого анализа нужно обладать знаниями по медицине, которые, к сожалению, не в полной мере имеются у специалистов-антропологов. Между тем, труды Талько-Грынцевича по антропологии Забайкалья и Монголии ценны ещё и тем, что, спустя столетие, многие антропологические группы подверглись значительной ассимиляции, а то и вовсе растворились в более крупных этносах.

Первой этнической группой, исследованной Талько-Грынцевичем, были великороссы – забайкальские старообрядцы или “семейские”. Их изучению посвящены две работы: “К антропологии великороссов. Семейские (старообрядцы) забайкальские” (1898) и “Семейские (старообрядцы) в Забайкалье” (1894). Следующей группой для изучения стали северные китайцы, проживающие в так называемом Маймачене – торговой слободе, в нескольких верстах от Троицкосавска, их изучению посвящено исследование: “Заметки по антропологии северных китайцев. Китайцы кяхтинского и ургинского маймачена” (1899). Коренное население Забайкалья и Монголии описывается в работах: “Народности Центральной Азии (монголо-халхасцы, буряты и тунгусы)” (1902), “К антропологии тунгусов. Иройские хамнеганы” (1905).

Необходимо отметить, что антропологические исследования различных этносов у Талько-Грынцевича сочетались с изучением истории и этнографии этих народов. Работы по истории и этнографии “инородцев” составляют третью группу его трудов. В неё мы включили следующие работы: “К этнографии Китая” (1895), “Древние обитатели Центральной Азии” (1900).

Главной целью археологических, антропологических и этнографических работ для Талько-Грынцевича являлась попытка приоткрыть завесу над тайной происхождения современных народов, вы-

явить их сходства и отличия от древнего населения Забайкалья. Собранный Грынцевичем огромный материал по вышеупомянутым отраслям знаний стал основой для его обобщающих трудов, в которых сконцентрировались плоды его многолетней работы. Эти обобщающие труды выделены нами в следующую, четвёртую группу работ Талько-Грынцевича. К обобщающим трудам забайкальского периода деятельности Талько-Грынцевича мы относим следующие: “К антропологии Забайкалья и Монголии” (1902), “Материалы к антропологии и этнографии Центральной Азии” (1926), “Население древних могил и кладбищ Забайкальских” (1928), “Древние аборигены Забайкалья в сравнении с современными инородцами” (1906).

В пятую группу работ Талько-Грынцевича объединены его исследования биографического характера, представляющие собой небольшие статьи, посвящённые жизни и творчеству географов, биологов, путешественников. Несмотря на скромный объём, в них содержится важная информация о том или ином учёном, библиография его трудов. Статьи подобного плана готовились Талько-Грынцевичем для сообщения на заседаниях Географического общества. Исследуя биографию того или иного учёного, Талько-Грынцевич прорабатывал большое количество, как русской, так и зарубежной литературы, что становится сразу понятным при изучении его статей. К таковым мы отнесли следующие: “К 600-летию юбилею Марко Поло” (1895), “К 100-летию рождения Осипа Михайловича Ковалевского (1800–1900)” (1902), “Памяти Фридриха Ратцеля” (1905), “Памяти Элизе Реклю” (1906), “Карл Линней (по поводу 200-летия со дня его рождения)” (1907), “Памяти Л.Х. Хохряковой” (1909), “Памяти В.С. Моллесона” (1900) и другие

К шестой группе работ Талько-Грынцевича мы причисляем работы так называемого общеобразовательного содержания, затрагивающие насущные вопросы повышения уровня знаний членов отделения Географического общества. К таким работам относятся: “К вопросу о происхождении человека” (1905), “Экскурсия в Чехию и Моравию” (1911), “Съезд археологов и антропологов в Праге в 1912 году” (1914).

В седьмую группу работ Талько-Грынцевича мы включили его ежегодные отчёты о деятельности Троицкосавско-Кяхтинского отделения Географического общества. Было бы неверным считать их только формальными документами, сухо подводящими итоги деятельности общества за истекший год. Ю.Д. Талько-Грынцевич выражает в них своё мнение по тому или иному научному вопросу, разработкой которого он занимался в отчётный год. Таковы “Отчёт о деятельности ТКОПОИРГО за 1899 год”, “Отчёт о деятельности ТКОПОИРГО за 1902 год”, “Отчёт XIII-й о деятельности ТКОПОИРГО за 1906 год”, “Отчёт о деятельности ТКОПОИРГО за 1907 год”. В них учёный даёт краткую оценку работе общества за истекший год, а также предлагает членам отделения обсудить пред-

ложенные им планы дальнейшей деятельности. Своего рода итогом подобных отчётов стал внушительный по объёму “Обзор деятельности отделения”, составленный Ю.Д. Талько-Грынцевичем и хранителем Кяхтинского музея, М.И. Моллесон, в год десятилетия ТКОПОИРГО (1904). В этом документе представлены и результаты постоянного труда Талько-Грынцевича на посту “правителя дел” общества, а также планы его работы на следующее десятилетие. Они заключались в организации археологических, этнографических, ботанических и других экспедиций в мало изученные районы Забайкальской области, Монголии и Китая.

Таким образом, работы Талько-Грынцевича, написанные им в Забайкалье, можно разделить на семь основных групп. Это характеризует свидетельствует о разносторонности его научных исследований, широкой осведомлённости учёного в различных областях знаний.

Подведём некоторые итоги. В польской исторической науке имя Талько-Грынцевича было признано ещё при его жизни, когда в престижных энциклопедических изданиях появилась его биография. Однако, в большинстве своём они всего в нескольких словах повествовали о сибирском периоде его жизни, выдвигая на первый план исследования в Польше, заслуги перед польским обществом. Таким образом, в целом жизнь и деятельность Талько-Грынцевича остаётся малоизвестной. Но, как видим, ни один из отечественных исследователей, занимающийся когда-либо оценкой наследия Талько-Грынцевича по археологии и антропологии Забайкалья, не затрагивал факты его сибирской биографии, содержащиеся не только в мемуарах учёного. Совершенно “нетронутыми” оказались на этот счёт фонды Государственного архива Читинской области, фонды Читинского областного краеведческого музея, содержащие множество документов, дополняющих, а порой и опровергающих данные из мемуаров Талько-Грынцевича.

В библиографии работ Ю.Д. Талько-Грынцевича, опубликованной в польских изданиях (см. выше), почти отсутствуют работы, написанные в Забайкалье. В российских изданиях упоминается чуть более десятка из них. Нам удалось найти и проанализировать около сорока работ Ю.Д. Талько-Грынцевича, написанные им в Забайкалье, более двадцати из них не упоминались ни в российских, ни в зарубежных исследованиях, не говоря уже о том, что они не подвергались научному анализу. Не было определено их значение для того времени, не отмечена та роль, которую они сыграли в формировании знаний о народах Забайкалья в конце XIX – начале XX века.

Всесторонней оценки жизни и деятельности Талько-Грынцевича не существует ни в российской, ни в польской историографии. Данная работа – попытка собрать воедино как можно больше сведений о замечательном польском учёном, определить ме-

ру его вклада в те отрасли знаний, исследованием которых он занимался.

В нашем исследовании использованы различные источники: архивные документы, мемуары самого учёного, а также периодические научные журналы – “Протоколы” и “Труды” ТКОПОИРГО, а также “Протоколы заседаний Забайкальского общества врачей в Чите”.

В Государственном архиве Читинской области имеется первый врачебный фонд Забайкальского Областного Правления, в котором содержится личное дело врача Ю.Д. Талько-Грынцевича. В этом личном деле находится часть его служебной переписки, краткие биографические сведения, сведения об имущественном положении и свидетельства о состоянии здоровья. Много информации о врачебной деятельности учёного содержится в других делах первого врачебного фонда ГАЧО¹². В основном это переписка Талько-Грынцевича с главным врачебным инспектором Забайкальской области, а также его врачебные отчёты, касающиеся заболеваемости инфекционными болезнями, акты санитарной экспертизы, протоколы вскрытий и другие. Все эти документы позволяют получить объективную информацию о работе, проделанной Ю.Д. Талько-Грынцевичем, когда он исполнял обязанности окружного врача, а также многие неизвестные до сей поры сведения, касающиеся его биографии. В фонде “Переписка о снаряжении экспедиций” обнаружены письма Талько-Грынцевича, касающиеся этнографических и археологических исследований в Забайкалье¹³. В этих письмах автор намечает план дальнейшего изучения народов Забайкалья, выделяет его основные направления.

В Польше широко известны мемуары учёного, состоящие из двух частей. Забайкалью в них посвящены четыре небольшие главы первой части. Несмотря на то, что в воспоминаниях представлен немалый фактический материал, они носят весьма субъективный характер и нуждаются в дополнении и сопоставлении с архивными материалами, хранящимися в ГАЧО. Эти мемуары остаются почти неизвестными в нашей стране. Нами впервые выполнен и опубликован в издательстве Забайкальского государственного педагогического университета перевод на русский язык первой части воспоминаний Талько-Грынцевича “Из прожитых дней”. В настоящем исследовании широко использованы факты из мемуаров учёного.

“Протоколы” и “Труды” Троицкосавско-Кяхтинского отделения Географического общества, содержат немало сведений о дея-

¹² ГАЧО, 1вр, оп. 1, д.94, лл. 7, 104, 114, 120, 128, 137, 140, 141, 149; оп. 2, д. 627, л.12; д. 1086, л. 15; д. 237, л. 9; д. 215, лл. 80, 81; д. 618, лл. 2–4, 6–8; д. 607, л. 4, 7; д. 196, л. 232; д. 360, лл. 212–222, 225; д. 308, лл. 7, 12, 17, 29, 33; оп. 3, д. 82, л. 61; оп. 2, д. 618, лл. 2, 4, 6–8; д. 196, л. 232; д. 360, лл. 12–14, 219; д. 286; д. 607, лл. 4, 7; д. 308, лл. 7, 12, 17, 29, 33.

¹³ ГАЧО, ф.115, оп. 1, д. 46, лл. 151–153, 156.

тельности Талько-Грынцевича в качестве “правителя дел” отделения. Протоколы собраний членов общества, опубликованные в этих изданиях, позволяют осветить те аспекты научной и просветительской деятельности учёного, о которых не упоминается ни в его мемуарах, ни в архивных источниках.

“Протоколы и труды Забайкальского общества врачей” дают представление о насущных вопросах в медицине, которые решались в то время врачами Забайкальской области, об участии Ю.Д. Талько-Грынцевича в работе этой организации и о его взглядах на решение тех или иных проблем здравоохранения.

Жизненный путь

Жизнь и деятельность Ю.Д. Талько-Грынцевича мы можем оценивать изучая, прежде всего, его научные труды по медицине, антропологии, этнографии, археологии и истории. Некоторые моменты жизни учёного освещают архивные материалы¹⁴. Однако, последние представляют собой в этом отношении гораздо меньший объём информации, чем мемуары, написанные Талько-Грынцевичем уже спустя много лет после его отъезда из Забайкалья. Эти мемуары, вышедшие на польском языке в Варшаве, состоят из двух частей: “Из прожитых дней (1850–1908)” и “Воспоминания последних лет (1908–1932)”. В первой части этих мемуаров Грынцевич рассказывает о ранних годах своей жизни, обстоятельствах, побудивших его ехать на службу в Сибирь, а также о жизни в Троицкосавске.

Что касается второй части мемуаров (“Воспоминания последних лет”), то она является прямым продолжением первой, отражает последние годы жизни учёного. По признанию Талько-Грынцевича, в первой части своих мемуаров он был более искренним и открытым, чем во второй части, посвящённой последним 24 годам, потому что о многих людях и событиях должен был умолчать, и поэтому они не могли быть оценены беспристрастно.

Приступая к написанию мемуаров, Талько-Грынцевич говорит: “Когда в последние годы я взялся за подведение итогов всей моей жизни, чувствуя её приближающийся конец, я находился под впечатлением от слов Адама Мицкевича, говорившего, что человек должен это сделать только на закате своих дней, писать мемуары, давая этим свидетельство в том, что никогда уже не приступит к делам”¹⁵. Свои мемуары Талько-Грынцевич посвящает “Кристине Талько-Грынцевич, любимой жене, верной подруге и помощнице в научной работе все 40 лет, будь то в Средней Азии, или во время скитаний по России во время войны, или на Виленщине, или в Кракове, или на Подгалье, или на Поморье”¹⁶. Мемуары Талько-Грынцевича написаны в лучших традициях мемуарного жанра второй половины XIX века. Чтобы наглядно представить авторский стиль,

¹⁴ ГАЧО, 1вр, оп. 1, д. 94, лл. 7, 104, 114, 120, 128, 137, 140, 141, 149; оп. 2, д. 627, л. 12; д. 1086, л. 15; д. 237, л. 9; д. 215, лл. 80, 81; д. 618, лл. 2–4, 6–8; д. 607, лл. 4, 7; д. 196, л. 232; д. 360, лл. 212–222, 225; д. 308, лл. 7, 12, 17, 29, 33; оп. 3, д. 82, л. 61; ф. 115, оп. 1, д. 46, лл. 151–153, 156.

¹⁵ *Talko-Hryncewicz J. Wspomnienia z lat ostatnich.* Warszawa, 1932, s. 9.

¹⁶ Там же.

в данный раздел включены цитаты из мемуаров учёного в нашем переводе.

Как ни труден для обработки и как ни спорен мемуарный материал, он многое даёт при условии критического к нему отношения. Время, естественные ошибки памяти, а подчас и тенденциозность автора заставляют с большой осторожностью подходить к мемуарной литературе вообще и проверять её сведения более достоверным материалом. Однако, не стоит забывать, что очень часто сделать это просто не представляется возможным.

Мемуары Ю.Д. Талько-Грынцевича ценны не только тем, что знакомят нас с некоторыми малоизвестными фактами из жизни автора. Эти мемуары – целостное историко-художественное полотно; читая их, мы живо и легко представляем Польшу, Украину, Забайкалье начала XX века, тот порядок вещей, который существовал в тогдашнем обществе. Талько-Грынцевич обладал незаурядным талантом писателя-беллетриста и те яркие образы, которые он создавал в повестях и новеллах, вышедших из-под его пера, также использовал и при описании собственной жизни. Поэтому читатель получил возможность сопереживать, чувствовать то, что, вероятно, довелось прочувствовать и познать Грынцевичу.

Общественно-политический строй Российской империи, важные события, происходившие в конце XIX – начале XX веков не обошли стороной Ю.Д. Талько-Грынцевича. Будучи ребёнком, он стал свидетелем общественных волнений, захлестнувших восточные земли бывшей Речи Посполитой в ответ на подавление восстания, вспыхнувшего в Варшаве в 1861 году. Ярко и красочно описывает Талько-Грынцевич свои патриотические чувства, которые он не в состоянии был тогда сдерживать, и уверен, что если бы не юный возраст, то оказался бы среди партизан, решивших с оружием в руках отстаивать независимость родины. Отражение в мемуарах находит и внутренняя политика царизма в период после подавления восстания – запрещение говорить на польском языке, читать патриотическую литературу, аресты, суды, казни. Сам будущий учёный стал жертвой произвола в этой гнетущей обстановке насилия и всеобщего подозрения. В 1864 году умерла мать Талько-Грынцевича, это стало для него большой утратой. Через несколько дней после похорон он всё же пошёл в гимназию, обстановка в которой была ему ненавистна. По принятому тогда польскому обычаю жилет мальчика был обшит белой нитью в знак траура, его он носил под мундиром. “Помню, что два одноклассника, оба русских – сын полицмейстера Васильев и сын жандармского полковника Блау смеялись, что я, как польский патриот, ношу траур по родине, на что я не обращал внимания. В первых числах мая, во время экзамена по математике, когда я стоял у таблицы, в класс вбежал директор и приказал мне расстегнуть мундир. Увидев на жилете белый шнурок, он набросился на меня, как бешенный, спрашивая, что это значит. Я ответил,

что это траур по матери и что я ношу его уже три месяца. Директор не обращал внимания на мои слова и трясаясь от гнева сказал: “У вас, поляков, всегда так – сначала демонстрации, траур, возмутительные гимны, потом – в лес, и, наконец, будешь висеть, как твои “братья”. В конце концов он выбежал из класса и приказал мне идти за собой. Из коридора свернул в сени, а оттуда в маленькую комнату, позвал сторожа, чтобы тот принёс розги. После прихода сторожа с розгами, директор несколько раз выбегал и снова возвращался, увеличивая наказание от 20 до 100 розг. Добродушный сторож Симон в отсутствие директора шептал мне по-польски: “Просите прощения у директора”, на что я ему отвечал: “За что мне просить прощения, если я не сделал ничего дурного”. Я стоял, как вкопанный, не произнося ни слова, не проронив ни слезинки, считая себя героем. Наконец, измученный директор, дабы выйти из глупой ситуации, прислал всегда улыбающегося инспектора, который обратился ко мне с вопросом, что я натворил, раз директор так разгневался. Когда я ему всё разъяснил, он приказал мне идти в класс для окончания экзамена, а Симону поручил отдать траурный шнурок с жилета. Так закончилась эта история, воспоминание о которой настолько же неприятно, насколько возвеличило меня в собственных глазах”, – пишет Талько-Грынцевич в мемуарах¹⁷.

Следует отметить, что несмотря на впечатления детства, и учитывая то время, когда писались мемуары (надо сказать, что в 30-е годы XX века в Польше Ю. Пилсудского русофобия была возведена чуть ли не в ранг государственной идеологии), Талько-Грынцевич с нескрываемой любовью пишет о 16-ти годах, прожитых им в Сибири и даже приводит в пример европейцам сибирскую доброту, открытость, гостеприимство и называет это время лучшим в своей жизни.

Политические взгляды Ю.Д. Талько-Грынцевича следует отнести к либеральным. По его собственному выражению, он старался “не поддерживать крайностей”, коими считал космополитизм и национализм. Как человек широко образованный, занимавший определённое положение в обществе, он видел те злоупотребления, фискальство и жестокость бюрократической системы, которые в конце концов, погубили Российскую империю. По его мнению, России не хватало талантливых администраторов, “могущих удовлетворить потребности всех”, понять нужды представителей различных сословий и вероисповеданий. Мемуары Талько-Грынцевича – замечательный бытовой документ. В них удивительно ярко запечатлён быт России на рубеже веков времён Александра III и Николая II через призму дворянского либерализма. Здесь мы встретим откровенное и беспристрастное описание взяточничества и протекционизма, возмущение самодержавным деспотизмом. По мнению Талько-

¹⁷ *Talko-Hrynczewicz J. Op. cit., s. 20.*

Грынцевича, жители Сибири имели больше понятий о свободе, нежели население в европейской России. Отсюда – многочисленные конфликты с представителями царской администрации. Талько-Грынцевич, обладавший гордым и независимым, “истинно польским” характером, получил в Забайкалье прозвище “гордого поляка” и “истинного аристократа”. Неудивительно, что очень скоро он начал конфликтовать с вышестоящим “начальством”. С горечью и сарказмом учёный пишет об этом в своих мемуарах: “Когда я приехал в Забайкалье, долгое время губернатора не было. Вскоре на эту должность был назначен Евгений Осипович Мациевский. По фамилии можно было подумать, что он польского происхождения, но вскоре губернатор дал понять, кем был. Прежде, чем прибыть в Троицкосавск, он назначил на должность полицмейстера своего протеже, привезённого из Москвы, Стреченевского. Это был отставной поручик, смотритель здания юнкерской школы в Москве, женатый на молодой и кокетливой учительнице, родственнице губернатора. Обязанности полицмейстера Стреченевского заключались в возможности часто делать мелкие пакости кому попало. Сибирское население, имеющее больше понятия о свободе, чем в метрополии, не могло к этому привыкнуть, смеялось и издевалось над фискальством полицмейстера.

Приезд губернатора в Троицкосавск – страница из отношений, достойных пера Гоголя. Полицмейстер с восемью старшими встретил губернатора за несколько вёрст от города верхом, после этого сатрап великолепно въехал в Троицкосавск. Вошёл в собор, приветствуемый духовенством, а затем в полицию, где ему представили собранное чиновничество, затем поехал в управление казачьим войском, посетил школы и другие заведения. После полудня городское купечество дало обед в его честь, пригласило на него и служащих. За стол село несколько десятков особ. Посередине, под царским портретом, посадили губернатора, а рядом с ним – двоих купцов. После изысканных блюд и изобильных вин налили пенящееся шампанское. Расчувствовавшийся губернатор начал длинную речь, которую я хорошо запомнил. Повернувшись к царскому портрету, он благодарил за своё возвышение из маленького командира пехотного полка на такую высокую должность и клялся верно служить к удовольствию горожан. Далее он сказал, что своим возвышением обязан главному начальнику Приамурского края генералу Духовскому, с которым вместе служил в Москве. Припомнил, что имеет жену и много детей, которых привёз с собой. Тяжёлую дорогу, по которой прибыл, щедро вознаградило то, что он узнал край, о котором не имел понятия, а теперь, узнав его, убедился, что не Сибирь должны считать местом ссылки, но скорее Россию, когда как здесь земля богатая и изобильная во всём, а люди добрые и симпатичные, одним словом – рай, где губернатор готов жить и умереть, особенно среди кяхтинского купечества. В конце оратор, коснувшись разных

жизненных вопросов и дешевизны продуктов в Сибири, перешёл к политике. Объяснил, что Англия интригует относительно России и старается приблизиться к её восточной границе, но напрасно, потому что русские имеют наилучшую армию и сердца, покорившие все народы, за что ими любима, а Англия, эта “жидовка-торговка”, которая всё добывает обманом и лицемерием, ненавидима во всём мире. Наконец, снова повернувшись к царскому портрету, провозгласил тост за здоровье царя и всей его семьи, три раза выкрикнув “ура”, поддерживаемый другими. Речь губернатора, вызывающая смех своей наивностью, была предметом долгих разговоров и комментариев во всём городе. Во время обеда несколько его участников напились, а лесничий, добрый и всеми любимый поляк, по выходе губернатора в соседнюю комнату, уселся верхом на шею одного попа, другого тянул за бороду, обнимался, а потом остатками пира – фруктами, сладями, пирожными и конфетами щедро наполнял длинные карманы их ряс, говоря, что одно – для жён, другое – для деток. Попы, несмотря на притворную строгость, смеялись, с охотой наполняли карманы, радуясь, что “наш Иван Антонович душа просто, а не человек!”. Такие были в то время нравы в далёкой Кяхте!

После первого выступления губернатор уехал, оставив в городе, как он выражался, своё правое око – полицмейстера, который нетактичным обхождением и вмешательством в дела разных служащих возбудил всеобщую неприязнь. У этого типа была какая-то мегаломания, он восставал против себя каждого, неустанно писал доносы и притеснял жителей. Одним из таких дел была борьба полицмейстера с общественным врачом Писаревским. Полицмейстер добивался принять в госпиталь больных, присланных им, а это в большинстве случаев, опираясь на инструкции городского управления, Писаревский не мог выполнить. Дело дошло до губернатора, который громил и стращал магистрат, а главное – упрямого врача.

Вскоре наступил второй приезд губернатора из резиденции Чита. Он уже не был таким милым, как в первый раз. Получив от полицмейстера рапорт, обвиняющий служащих, каждому сделал выговор, стращая наказаниями. Он задержался у полицмейстера, а узнав о плохих отношениях между ним и Писаревским, вызвал врача и сделал ему суровый выговор, затем сделал замечание по поводу того, что тот не умеет стоять перед начальством, рук и ног держать как надо, потом приказал исполнить распоряжение полицмейстера, на что получил отказ, что исполнит лишь в том случае, если будет иметь правовую основу. В здании полиции были собраны чиновники для представления губернатору. Пришла и моя очередь. Губернатор неожиданно спросил меня, кого я считаю своим начальником. Сразу я не мог понять вопрос, спустя минуту сказал, что имею начальника в лице военного губернатора. “А здесь, на месте?” – спросил он. Поняв, что тоже попал в чёрный список, я ответил, что здесь начальника не имею. Губернатор со мной не согласился и объяснил,

что как окружной врач я подчиняюсь власти начальника Округа, а как городской врач – полицмейстеру. Я не согласился с этим, ссылаясь на военный устав, и так мы препирались довольно долго. Спустя год я получил письмо от своего непосредственного начальника, доктора Цитовича из Читы, главного врача казачьего войска и, вместе с тем, врачебного инспектора, человека доброжелательного, с которым я находился в дружеских отношениях. Он писал, что вскоре в Троицкосавск собирается губернатор, который вспоминал, что во время последнего пребывания в Троицкосавске был очень мной недоволен и велел напомнить, что не забыл мою неучтивость и дерзость относительно него, и если стерпел это спокойно, то единственно потому, что не хотел компрометировать меня среди собравшихся чиновников. Я написал инспектору, что не согласен с мнением Мациевского, делаю это не только в собственных интересах, но и в интересах других врачей, и думаю, что каждый поступил бы так на моём месте. Со Стреченевским, человеком злым и ограниченным, я имел несчастье часто встречаться по служебным делам в полиции, хотя всё знакомство ограничивалось поклоном. В полицию часто приводили преступников, лишённых своего положения, пойманных беглых и людей без паспорта, а по уставу моей обязанностью было сделать заключение: здоров ли и сколько выдержит плетей. За время моей 16-летней службы в основном я категорически заключал, что тот или иной болен и не выдержит телесного наказания. Сначала полицмейстер пробовал возражать, что тот или иной здоров, а когда убедился в безрезультатности этого, несколько раз подавал на меня жалобу в прокуратуру, дескать, я несовестливо исполняю свои обязанности и подрываю тем самым его авторитет, но ничего этим не добился. В конце концов он успокоился на том, что мог досаждать мне. Во время моего отъезда по служебным делам, к моей жене пришёл артист Эрмла, чех, с рекомендательным письмом из Иркутска. Он выступал с концертом смычкового квартета и поскольку сразу все типографии были заняты, просил одолжить гектограф, используемый для печати приглашений на собрания членам отделения Географического общества. Моя жена по своей обычной любезности, не зная фискальных правительственных распоряжений, исполнила невинную просьбу. Я возвратился из Округа и получил от полицмейстера грозную бумагу с вопросом, зачем имею гектограф и принимаю заказы? Далее он уведомлял, что согласно правовой статье я действую во вред государству и буду привлечён к ответственности. Я ему изложил, что гектограф – собственность отделения Географического общества, а вопрос о заказах считаю беспредметным, если жена во время моего отсутствия одолжила гектограф, то сделала это по незнанию. От Эрмла полицмейстер добивался, чтобы тот добавил на афишу, что она напечатана на моём гектографе, но когда артист потребовал отменить концерт, полицмейстер смягчился. Через несколько месяцев я получил обвинение из Забайкаль-

ского окружного суда. Меня привлекли к судебной ответственности, а суд в служебном порядке назначил мне защитника. Заседание суда состоялось, но я был освобождён от ответственности”¹⁸.

Несмотря на критику недостатков, существующих в общественном строе Российской империи, октябрьские события 1917 года были в глазах Талько-Грынцевича огромной трагедией всего русского общества. По словам учёного, “разнузданные большевистские банды” приложили максимум усилий для разрушения того пласта культуры, который создали в Забайкалье подвижники – члены русского Географического общества. Вполне понятно то обстоятельство, что Талько-Грынцевич, польский дворянин и владелец имений, был сторонником законности (в либеральном смысле этого слова) и общественной субординации.

Вышесказанное даёт объяснение тому, почему мемуары Талько-Грынцевича ни разу не публиковались на русском языке. Несмотря на то, что его научные труды успешно использовались отечественными учёными, мемуары Талько-Грынцевича, сам факт их существования, был известен очень немногим в нашей стране. Между тем, они представляют ценность не только в плане биографии самого автора.

Род Талько-Грынцевичей принадлежал к старинному литовскому гербу “Илгов” и, согласно легенде, вёл своё происхождение от некоего Вилкоша – ловчего при дворе литовского князя Кейстута. Вилкош имел двоих сыновей – Талько и Грынко, которые и явились родоначальниками дворянского рода Талько-Грынцевичей.

Ю.Д. Талько-Грынцевич родился 12 августа 1850 года по старому стилю в Рукшанах, родовом имении, расположенном на реке Неман, недалеко от города Ковно. Его родители – помещик Доминик Талько-Грынцевич и Леокардия Фицгер, дочь ковенского городского врача, были весьма несчастливы в браке, и спустя четыре года расстались. После ранней смерти обоих родителей воспитание Талько-Грынцевича взяли на себя родители матери.

С детских лет Грынцевича интересовала история и геральдика. Желание изучать происхождение своего народа возникло у юного гимназиста под влиянием учителя истории, который высмеивал польскую независимость, а литовскую шляхту называл ополяченными и окатоличенными русскими. Будучи в корне не согласен с мнением учителя, Талько-Грынцевич стремился найти наиболее убедительный способ научно доказать родство отдельных народов; это стремление привело его к занятиям антропологией.

Дед юного Грынцевича, ковенский врач Адам Фицгер, настаивал на том, чтобы внук получил медицинское образование, которое, по его мнению, обеспечило бы ему независимую жизнь.

¹⁸ *Talko-Hryncewicz J. Op. cit., s. 51–54.*

В 1868 году Талько-Грынцевич отправился в Петербург, чтобы окончить там последний класс гимназии и поступить в Петербургскую медико-хирургическую академию. В Петербурге жил дядя Грынцевича, Болеслав Фицгер, гофхирург и придворный врач великой княгини Марии Николаевны. Пользуясь своими связями, он содействовал зачислению племянника в 1870 году в Петербургскую медико-хирургическую академию. В те времена Медико-хирургическая академия являлась военным учреждением, готовившим врачей для армии. Преподавателями Талько-Грынцевича в академии были такие светила науки как физиолог И.М. Сеченов, анатомы В. Грубер и П.Ф. Лесгафт (чьими именами названы анатомические образования – канал Грубера и треугольник Лесгафта), химик-органик А.П. Бородин (автор знаменитой оперы “Князь Игорь”).

По причине пошатнувшегося здоровья Талько-Грынцевич вынужден был сменить климат на южный, и с 1872 года продолжил учёбу в Киевском университете им. святого Владимира.

В феврале 1876 года он сдал выпускные экзамены. 31 мая 1876 года Грынцевич был удостоен звания врача и получил диплом за номером 1506¹⁹. Он не хотел ехать в глубь России и получил работу в Звенигородке, украинском городке в Киевской губернии.

Спустя несколько месяцев, молодой врач пришёл к выводу, что должен пополнить знания, полученные в киевской клинике, особенно в области акушерства и гинекологии. Признанными авторитетами в этих областях медицинской науки были французские и австрийские учёные, поэтому Грынцевич решает стажироваться в клиниках Парижа и Вены.

Очень скоро Грынцевич приходит к выводу, что в Париже слабо развита специализация отдельных отраслей медицины, а порядки и чистота в клиниках и госпиталях Парижа заставляли желать много лучшего. Например, антисептическое лечение ран, которое повсеместно применялось в то время в России и Германии, в Париже ещё только получало право на существование. В Париже Грынцевич слушает лекции знаменитого хирурга и антрополога Пьера Поля Брока, основателя Парижского института антропологии, они производят на молодого врача сильное впечатление.

В Вене Грынцевич проходил стажировку в госпитале Алгемейнес Кранкенхаус (самом знаменитом в то время в Европе). Грынцевич занимался здесь вопросами акушерства и гинекологии, посещал клиники профессоров Брауна и Схаута.

На обратном пути в Россию Грынцевич посещает Краков, знакомится с известными антропологами И. Майером (председателем Академии Искусств) и И. Коперницким, с которым с тех пор стал тесно сотрудничать.

¹⁹ ГАЧО, 1 вр., оп. 1, д. 94, л. 117.

Врачебная деятельность всё меньше удовлетворяла Талько-Грынцевича. Он начал понемногу пробовать силы в литературе, писал статьи, письма, казуистические наблюдения из врачебной практики, помещая их в варшавских медицинских журналах: “Врачебной газете”, “Медицине” и в краковском “Врачебном обозрении”. В дальнейшем он расширил круг литературной деятельности, писал в научно-литературные и общественно-политические журналы, в популярное в то время “Еженедельное обозрение”, выходящее под редакцией Адама Вислицкого, “Варшавскую газету” под редакцией Станислава Лешновского, “Правду”, а потом в “Новь” А. Свентоховского. В то время в Петербурге начал выходить журнал “Край” под редакцией Эразма Пильца. Талько-Грынцевич писал в разные разделы “Края”. Это были статьи научного и общественного содержания, рецензии и критические заметки, а также новеллы. В его письмах с Украины под названием “С берегов Тылича”, он подписывался псевдонимом Ян Илговский, обсуждая в них, благодаря свободной цензуре, общественные, государственные и национальные проблемы юго-западных провинций. Эти статьи писались в течение нескольких лет и в своё время пользовались большим успехом у читателей. В это время из-под его пера выходит политическая повесть “Перелом”. Статьи Талько-Грынцевича на медицинские темы в основном основывались на его практической работе наблюдений: “Лечение рвоты у беременных” (1879), “О дифтерите” (1880), “Наблюдение физиологических проявлений половой жизни жительниц звенигородского уезда” (1886).

Одним из решающих обстоятельств, побудивших Талько-Грынцевича ехать на службу в Сибирь, стали его финансовые затруднения. Он был втянут в имущественные дела своих разорившихся родственников в качестве поручителя, что привело к большим долгам. Необходимо было найти средства на жизнь, а также занятие, которое отвечало бы не только его квалификации, но и природным наклонностям. Он получил предложение от И. Коперницкого работать в Кракове, но, поскольку с русским дипломом невозможно было заниматься врачебной деятельностью на территории Австро-Венгрии, ему пришлось отказаться.

К тому времени он уже опубликовал несколько работ по антропологии, мало тогда известной в России науке, имел связи со многими российскими учёными в Петербурге и Москве, а также с немецкими исследователями.

Бывая в Петербурге, он время от времени писал рефераты из своих научных работ в Географическое общество, Антропологическое общество, польский Союз естествоведов и врачей и др.

Одной из его первых работ по антропологии является работа по изучению чувашей. К ней Грынцевич приступил в феврале 1891 года, наблюдая в Киеве за чувашами, служащими в армии.

Талько-Грынцевич утверждает, что поездка в Сибирь более всего привлекала его с точки зрения антропологических исследований.

Уже тогда он придавал большое значение влиянию финской и монгольской рас на восточно-европейцев, на образование славянского типа. “Я хотел узнать Сибирь, её землю, по которой 150 лет странствовали целые поколения наших изгнанников, оставивших после себя светлый след. Первые наши исследователи Сибири, открывая тайны природы, обессмертили свои имена: Бенедикт Дыбовский, Александр Чекановский, Ян Черский. Хотел и я, идя по их стопам, впервые начать физическое изучение человека на Востоке, а также его раннюю культуру. Для этих целей я решил похлопотать о какой-либо государственной должности в Сибири, дабы заплатить долги и заняться научной работой,” – пишет Талько-Грынцевич в своих мемуарах²⁰. Однако, документы, найденные нами в фондах ГАЧО, свидетельствуют о серьёзных финансовых затруднениях учёного, из чего следует, что Сибирь стала для него альтернативой “долговой яме”.

Перед отъездом в Сибирь Талько-Грынцевич решает жениться. Кристина Викторовна Шабуневич на десятки лет стала его верной подругой. Она проживала в своём имении Антоново Марьямпольского уезда Сувалкской губернии. Венчание состоялось в воскресенье 10 декабря 1891 года.

20 апреля 1892 года Грынцевичи выехали в Сибирь. А.И. Зенович, бывший троицкосавский градоначальник, поляк по происхождению, способствовал тому, чтобы Талько-Грынцевич получил должность троицкосавского окружного врача.

Выше уже было упомянуто о сложном материальном положении, в котором находился Талько-Грынцевич. В своих мемуарах, по вполне понятным соображениям, учёный умалчивает о многих обстоятельствах в этой связи. Однако, в фондах ГАЧО удалось обнаружить несколько документов, проливающих свет на любопытные обстоятельства. Спустя некоторое время после приезда Талько-Грынцевича в Троицкосавск на его имя поступило два судебных иска. Один был предъявлен Грынцевичу сестрой его супруги, Марией Викторовной Шабуневич и составлял вместе с процентами 37 973 рубля. Эти деньги по частям высчитывались из жалованья Талько-Грынцевича. Вскоре поступил и другой иск, подлежащий взысканию. Вот выписка из журнала Троицкосавского окружного полицейского управления за 1894 год: “Житель города Гайсина Подольской губернии Меер Иосифович Файнштейн, прислав при прошении исполнительный лист мирового судьи 1-го участка Гайсинского Округа, по которому присуждено просителю с троицкосавского окружного врача Юлиана Доминиковича Талько-Грынцевича 500 рублей судебные издержки и за ведение долга 7 рублей (всего 507 рублей просить предложить г. Грынцевичу произвести добровольную уплату означенных денег, а в случае отказа взыскание это

²⁰ Талько-Грынцевич Ю.Д. Сибирские..., с. 34.

обратить на движимое его имущество, при недостатке какой-либо на пополнение всей суммы долга, наложить арест на жалование и другие оклады, получаемые г. Грынцевичем на должности Троицкосавского окружного врача. При предъявлении этого иска г. Грынцевич отозвался, что имущества никакого на удовлетворение долга не имеет, а потому просит взыскивать из получаемого им жалования. Вследствие этого Окружное полицейское управление просило такое уже городское о розыске имущества, принадлежащего г. Грынцевичу, на что получен акт постановленный полицейским надзирателем 1 участка города Троицкосавска, из которого видно, что по произведённому розыску принадлежащего ему имущества, кроме ношенного платья подлежащего описи не найдено”²¹.

По иску М.В. Шабуневич из жалования Талько-Грынцевича ежемесячно высчитывалось 45 рублей 53 копейки (из получаемых в месяц 113 рублей 83 копеек, то есть 2/5 его жалования). Если, исходя из этого, производить выплату по второму иску, то есть по 7 рублей в год, выплата такого долга растянулась бы на 70 лет. Об этом истец был уведомлен Окружным полицейским управлением. Следовательно, уместно было бы предположить, что именно финансовые затруднения являлись первостепенным обстоятельством, под давлением которого Талько-Грынцевич вынужден был 16 лет прожить в Забайкалье.

Учёный признаёт: “Я смотрел на мою работу на чужбине как на временную и взгляд мой был обращён на далёкий Запад. Сначала моим намерением было после нескольких лет возвратиться на родину, но я остался в Сибири значительно дольше прежде всего потому, что должен был закончить многие начатые работы, а в будущем заплатить лежащие на мне долги. Хотелось собрать хоть небольшой капиталец”²².

Вскоре Грынцевича избрали членом Академии Искусств в Кракове, он получил предложение от профессора Э.К. Янчевского возглавить кафедру физической антропологии в Ягеллонском университете.

Больших трудов стоило Талько-Грынцевичу получить увольнение со службы. Нехватка врачей на далёких восточных окраинах Российской империи заставляла правительство как можно дольше задерживать служащих, стремящихся вернуться на Запад. Первое прошение Талько-Грынцевича об отпуске от 8 марта 1908 года было отклонено. За ним последовало второе, с приложением свидетельства о состоянии здоровья Талько-Грынцевича.

“Ввиду расстройства здоровья, лишаящего меня возможности исполнять служебные обязанности, я принуждён вторично просить Врачебное отделение об исходатайствовании мне отпуска, так как

²¹ ГАЧО, 1 вр., оп. 1, д. 94, л. 104.

²² Талько-Грынцевич Ю.Д. Сибирские..., с. 77.

городовой врач Троицкий в назначенный срок не вернулся. Прилагая при сём медицинское свидетельство о болезни, покорнейше прошу исходатайствовать мне отпуск в Европейскую Россию и за границу сроком на 6 месяцев с содержанием. Покорнейше прошу не отказать, сообщить мне о результатах моего ходатайства об отпуске, т.к. в случае отказа я принуждён буду подать прошение на ВЫСОЧАЙШЕЕ имя об увольнении меня вовсе от службы по расстроенному здоровью”²³.

Вот текст свидетельства о состоянии здоровья Ю.Д. Талько-Грынцевича, подписанное заведующим городской троицкосавской больницей врачом А.И. Филипповым и врачом К.П. Козихом: “Мы, нижеподписавшиеся врачи, произвели освидетельствование здоровья коллежского советника Юлиана Грынцевича, вследствие личной просьбы его и при этом нашли следующее: Грынцевич, 58 лет от роду, крепкого телосложения, цвет лица землистый, слизистые оболочки бледны, язык обложен, подкожно-жировой слой развит слабо, кожа дрябла, артерии окклюзированы; живот в верхней части несколько вздут, при ощупывании его в подложечной области прощупывается небольшая опухоль, болезненная; в остальных органах ничего ненормального не замечено. Субъективные признаки: больной жалуется на диспепсические явления, отсутствие аппетита, изжогу, рвоту после еды, боли под ложечкой и постоянный запор. На основании вышеизложенных субъективных и объективных признаков мы пришли к заключению, что у коллежского советника Грынцевича имеется глубокое поражение желудка, вероятнее всего *cancer ventriculi* (рак желудка. – *Примеч. автора*), требующее клинического лечения, для сего ему необходим продолжительный отпуск”²⁴.

Нужно отметить, что столь серьёзный диагноз, поставленный коллегами Грынцевича, безусловно, в действительности не имел места, так как после него мнимый больной прожил почти 30 лет. Однако, подобный ход был необходим для того, чтобы иметь шанс получить увольнение.

Прошения Талько-Грынцевича не имели успеха, он даже обращался к врачебному инспектору А.Д. Давыдову с просьбой ходатайствовать перед губернатором о его отставке. Однако военный губернатор Эбелов подписал соответствующие бумаги только после поданного прошения на ВЫСОЧАЙШЕЕ имя²⁵. 12 мая 1908 года Грынцевич получил отставку, состоял на государственной службе в Забайкалье 16 лет 5 месяцев 11 дней. Разумеется, вышеприведённые бюрократические проволочки не нашли отражения в мемуарах учёного.

²³ ГАЧО, 1 вр., оп. 1, д. 94, л. 140.

²⁴ ГАЧО, 1 вр., оп. 1, д. 94, л. 141.

²⁵ Там же, л. 149.

Много тёплых слов было высказано Ю.Д. Талько-Грынцевичу при его отъезде из Троицкосавска. Он получил много адресов (письменных поздравлений) и подарков от горожан, Трудового дома и Охранителя для сирот (название некоторых детских домов в царской России. – *Примеч. ред.*), в которых много лет работал бесплатно, от отдельных пациентов и самых бедных горожан. Грынцевич пишет: “Благодаря за эту доброжелательность, начну с того, что в общем русские, а ещё более сибиряки, скупее в словах, чем мы, поляки, а поэтому слова признания, которые я услышал, принимал как искренние, и за все доказательства признательности и симпатии приношу горячую и сердечную благодарность. Несколько ораторов назвали меня “врачом бедных”, и это прозвище я считаю для себя наивысшим.

Приглашённый на высокую должность профессора, я стремился далеко на Запад, оставляя места, где прошла лучшая часть моей жизни, и людей, которые помогали мне в работе, со всеми прощался и сердечно благодарил, особенно сотрудников и друзей по работе, память о которых мне дорога. Троицкосавск и Кяхта памятны для меня и потому, что здесь после 32-х лет, я окончил свою врачебную практику. Моя жена тоже стала предметом оваций, получила адреса и благодарность от нескольких учреждений: Трудового дома и воскресной школы, в которых много лет работала бесплатно.

В конце мая 1908 года мы покинули Троицкосавск. С нами сердечно попрощались близкие и знакомые. Я оставлял край, где прошла самая плодотворная часть моей жизни, в котором я старался быть хорошим гражданином. Однако я всегда помнил, что являюсь в нём только гостем и принадлежу другому обществу. Меня понимали и не считали это за преступление, уважая мои убеждения. В моих мыслях рисовались новые горизонты: работа среди своих, к чему я всегда стремился. С далёкого Востока я был призван к огню польской культуры, почитая это для себя за честь. Радовались этому и мои сибирские друзья, понимая, что предотвратить отъезд не смогут.

После нашего приезда в Краков начался как бы новый этап жизни, мы приспособивались к условиям вовсе отличным от тех, среди которых жили на далёких восточных границах Азии.

Прошло уже 20 лет после моего возвращения на родину, но новые впечатления не изгладили былых воспоминаний, несмотря на то, что прошло много лет, война и многое переменялось. Воспоминания до сих пор представляют для меня живую связь с тем далёким краем, в котором я встретил столько сердечной теплоты и гостеприимства”, – так завершает Ю.Д. Талько-Грынцевич свои воспоминания “Из прожитых дней”²⁶.

12 сентября 1908 года Талько-Грынцевич был утверждён в звании профессора антропологии Ягеллонского университета. С этого

²⁶ Талько-Грынцевич Ю.Д. Сибирские..., с. 81–82.

времени все его силы направлены на организацию и обустройство кафедры. Она расположилась в старинном средневековом здании collegium iuridicum . В этом же здании по улице Гродской жил и сам профессор Грынцевич с 1918 по 1931 год. Вот как пишет Грынцевич во второй части своих мемуаров о первых шагах в организации кафедры: “В это здание были перенесены вновь учреждённые университетские кафедры, в том числе и кафедра антропологии, занимающая пять помещений и маленькую рабочую комнатку с печью для приготовления препаратов, а также тёмную комнату для фотографии. Несмотря на плохую реставрацию здания, я радовался, что имею хоть какое-нибудь пристанище, где могу, наконец, распаковать и разместить коллекции и нормально работать. Речь шла не о шикарной мебели, но только о достаточном её количестве, чтобы я мог всё разместить и расставить. Я использовал для этих целей старые шкафы и столы, от которых спешили избавиться некоторые кафедры университета. Целыми днями вместе с моим постоянным ассистентом Евгением Франковским я работал над приведением в порядок и размещением коллекций, готовил препараты для лекций. Наконец, когда состоялось предварительное учреждение кафедры, я открыл её инаугурационной лекцией в первые дни ноября 1911 года, в присутствии многочисленных слушателей и любезных коллег, поддержавших меня. Как новый предмет антропология снискала большую популярность, лекции посещали в основном слушатели с Философского факультета, в то время редко их посещали медики, потому что тогда этот предмет не был ещё обязательным. Спустя четыре года число моих слушателей начало уменьшаться. Наступали времена протеста и патриотического подъёма. Краковские площади заполнила молодёжь. Краков, как это не раз бывало в истории, превратился из сосредоточения наук и искусств в военный лагерь, в котором при звуках выстрелов смолкли музы.

С самого начала моей педагогической деятельности я не хотел укладывать свой курс лекций в школьный годичный курс, а каждый год читал разные разделы антропологии. В первый год я читал историю развития антропологии во взаимосвязи с другими науками, делая акцент на значение антропологии для науки вообще. Затем я читал зоологическую антропологию, то есть сравнивал строение человека со строением животных, а в особенности с наиболее близким к нему человекообразными обезьянами. В следующем году преподавал раздел доисторической антропологии, первое появление человека на земле, где должен был касаться вопросов: геологии, различных форм жизни на земле, первобытного человека, человеческих рас и их материальной культуры. Третий год лекций я посвятил современным народам разных частей света, физиологическим процессам: появлению на свет младенцев, кормлению грудничков, питанию людей, половой жизни (в особенности женщин), проявлениям психики и т.д., а в завершении – предыстории славян и антро-

пологии современных поляков. Такую программу лекций по антропологии я заимствовал из записок нашего величайшего антрополога Исидора Коперницкого, который понимал физическую антропологию как всесторонне разработанную монографию о человеке. Мой план лекций был апробирован нашим великим зоологом Бенедиктом Дыбовским, в то же время известным знатоком антропологии. Однако мой курс, занимавший почти четыре года, оказался слишком длинным для большинства обучаемых. Потом я должен был сократить его до двух лет. Кроме трёх часов еженедельно лекций по физической антропологии, я читал один час в неделю антропологическую анатомию, а именно остеологию, сравнительное строение людей и животных, а также различных рас между собой. Лекции по антропологической анатомии были рассчитаны на малую осведомлённость студентов с анатомией человека. Один час в неделю я посвящал рассказу о методах, применяемых в антропологии”²⁷.

Первая мировая война застала Талько-Грынцевича в Финляндии, где он производил антропологические измерения местного населения. Во время войны в течение четырёх лет он является главным врачом лазарета для раненных в Петрограде, а затем в Киеве, который сам организовал. В то же время он преподавал антропологию на высших польских курсах в Петрограде, а затем в Польском Университетском Коллегиуме в Киеве²⁸. С наибольшей теплотой Талько-Грынцевич относился к раненым, поступавшим в лазарет, если узнавал, что тот или иной является забайкальцем.

Октябрьские события 1917 года застают Талько-Грынцевича в Петрограде. Во второй части своих воспоминаний он, как очевидец, описывает то, что происходило в столице, и его свидетельство является ценным историческим документом. Только в 1920 году Грынцевич возвращается в Краков, в уже независимую Польшу, где получает звание почётного профессора Ягеллонского университета. Он прилагает немалые усилия к созданию кафедры антропологии при Виленском университете²⁹. В 1926 году Талько-Грынцевич был удостоен высокой правительственной награды – командорского креста ордена Polonia Restituta.

Работа Талько-Грынцевича в краковский период велась в трёх направлениях:

1. Изучение остеологического материала краковских кладбищ (X–XIX веков), результаты его вошли в работу под названием “Жители Кракова X–XIV веков, антропо-био-социологический очерк”(1926).

2. Изучение физического развития школьников (проводившееся ежегодно).

²⁷ *Talko-Hryncewicz J.* Op. cit. S. 25–26.

²⁸ *Jasicki A.* Osrodek Krakowski // w : Sto lat antropologii polskiej, Wrocław, 1957.

²⁹ *Stolyhwo K.* Talko-Hryncewicz // “Swiatowit”, t. 8, 1907, s. 65 ; S.P. prof. dr. Juljan Talko-Hryncewicz // “Przegląd Antropologiczny”, t. 10, 1936, s. 3–8.

3. Антропологическое изучение польских горцев (гуралей), измерение 1300 представителей этой народности (“Польские горцы как антропологическая группа”, 1916; “Материалы к антропологии польских горцев”, 1934).

Талько-Грынцевич занимался антропологическим изучением останков польских королей, был инициатором создания Музея этнографии на Вавеле (старинной резиденции польских королей). Изучал антропологию кашубов – жителей северных районов Польши (“Кашубы как антропологическая группа”, 1925). В 1927 году им издана работа “Антропологический тип Ю. Словацкого”, в 1933 – очерк “К проблеме человеческих рас”. Изучение останков из старинных литовских кладбищ велось Талько-Грынцевичем совместно с антропологом Г.Ф. Гоейром (1921).

Талько-Грынцевич являлся также автором очерков, посвящённых польским исследователям Сибири: “Поляки как исследователи Дальнего Востока” (1924), “Бронислав Пилсудский как исследователь Дальнего Востока” (1920). Работы Талько-Грынцевича были опубликованы на трёх языках: русском, польском, французском.

В 1931 году Талько-Грынцевич уходит в отставку, работает над мемуарами. Свою огромную библиотеку, архив и переписку Грынцевич передал кафедре антропологии Ягеллонского университета. Часть имущества он завещал в качестве стипендиального фонда для стипендии своего имени Краковской Академии Искусств, предназначенной учёным, работающим в сфере антропологии³⁰.

Редактор мемуаров Талько-Грынцевича А. Вжосек так писал об учёном: “Профессор Талько-Грынцевич принадлежит, несомненно, к тому редкому типу польских учёных, которые живут для науки и только для науки. Его жизнь, полная трудов и заслуг, должна служить примером для младшего поколения учёных”³¹. Знаменитый исследователь Сибири Ян Чекановский отмечал необычайное трудолюбие Талько-Грынцевича и его преданность науке³².

Ю.Д. Талько-Грынцевич умер 26 апреля 1936 года в возрасте 85-ти лет и похоронен на Раковицком кладбище в Кракове³³.

³⁰ S. Konopka S. Polska bibliografia lekarska XIX wieku, t. XI, Warszawa, 1982, s. 19–26.

³¹ Wrzosek A. Julian Talko-Hryncewicz // “Przegląd Antropologiczny”, t. 1, z. 2, 1926, s. 59–79.

³² Biografii uczonych polskich, cz. II, Nauki biologiczne, PAN, 1985, s. 393–396.

³³ Polski słownik biograficzny, t. X/1, z. 44. PAN, 1962, s. 55–56.

Научное наследие Ю.Д. Талько-Грынцевича

Настоящий раздел книги посвящён богатому наследию Ю.Д. Талько-Грынцевича в различных областях знаний. Поскольку большинство работ учёного не только неизвестны широкому кругу исследователей, но и их издания давно уже являются библиографической редкостью, в данной части мы изложим краткое содержание его трудов и определим их значимость для науки.

Медицина

29 декабря 1891 года Юлиан Доминикович Талько-Грынцевич был назначен Троицкосавским окружным врачом с жалованьем 1400 рублей в год (из них 700 рублей составляло жалованье, и 700 рублей – столовые)³⁴. Сохранился сопроводительный отзыв Департамента полиции, в котором указывалось, что “названный врач поведения хорошего и ни в чём предосудительного, в нравственном и политическом отношениях, замечен не был”³⁵.

Обязанности окружного врача в те времена требовали высокой квалификации и навыков. Талько-Грынцевич должен был оказывать как хирургическую, так и терапевтическую помощь, а также родовспоможение. Судебно-медицинская экспертиза тоже входила в его работу и обязывала к выездам в отдалённые поселения для вскрытия, примерно, раз в месяц. Один раз в год Грынцевич участвовал в работе комиссии по рекрутскому набору. Широкий круг обязанностей требовал от врача знаний во всех областях медицины. В течение трёх лет, с 5 марта 1894 по 25 августа 1897 года Талько-Грынцевич исполнял ещё и должность Троицкосавского городского врача³⁶. Кроме того, в течение многих лет он бесплатно лечил самых бедных больных в Трудовом доме и Охранителе для сирот, благодаря чему горожане называли его “врачом бедных”. Это звание Талько-Грынцевич ценил превыше всяких наград.

Талько-Грынцевич ежемесячно составлял безупречные врачебные отчёты, выгодно отличающиеся своей обстоятельностью от отчётов его коллег. Он также заполнял всю документацию на врачей, работающих под его началом, вплоть до их так называемых личных карточек, хотя мог препоручить это самим врачам. Это обстоятель-

³⁴ ГАЧО, 1 вр., оп. 2, д. 627, л. 12.

³⁵ ГАЧО, 1 вр., оп. 1, д. 94, л. 7.

³⁶ ГАЧО, 1 вр., оп. 2, д. 1086, л. 15.

ство свидетельствует о присущем Талько-Грынцевичу чувству ответственности не только за проделанную им самим работу, но и за работу тех, кто служил под его началом.

В штате медицинского Троицкосавского округа с Ю.Д. Талько-Грынцевичем работало четыре сотрудника: старший окружной фельдшер Леонтий Фёдорович Бородатых, младший окружной фельдшер Степан Иванович Ивановский, младшая окружная повивальная бабка (акушерка) Елена Ивановна Иванова, заведующий медицинской частью на золотых промыслах системы реки Джиды фельдшер Александр Павлович Гарапин³⁷. В том же штате города Троицкосавска Талько-Грынцевич руководил работой девяти сотрудников, среди них общественный врач Григорий Моисеевич Писаревский, старший городской фельдшер Егор Трофимович Трофимов, младший городской фельдшер Леонтий Фёдорович Бородатых, городская повивальная бабка фельдшерица Ванда Николаевна Казагранди, фельдшер городской больницы Владимир Савельевич Осоков, общественная повивальная бабка Авдотья Романовна Прохорова, общественный врач Андрей Константинович Плотников, общественный фельдшер Пётр Иванович Сомов, общественная повивальная бабка Анна Филаретовна Верницкая³⁸.

Очевидно, что для руководства не только средним медицинским персоналом, но также и врачами, нужен недюжинный организаторский талант и широкие познания во всех областях медицины, и этими качествами, бесспорно, обладал Юлиан Доминикович.

Послужной список Ю.Д. Талько-Грынцевича безупречен. 29 декабря 1894 года за выслугу лет он был утверждён в чине коллежского асессора, а 25 апреля 1896 года – титулярного советника. 20 марта 1900 года произведён в надворные советники, 7 ноября 1903 года – в коллежские советники. В чине коллежского советника Талько-Грынцевич вышел в отставку, за его плечами было 32 года врачебной практики. Приказом от 1 января 1906 года Талько-Грынцевич был награждён орденом святой Анны III-й степени.

В 1908 году правление Общества Трудовой помощи в городе Троицкосавске обратилось к Троицкосавскому уездному начальнику со следующей просьбой: “Согласно постановлению Общественного собрания членов Общества Трудовой помощи в городе Троицкосавске, состоявшемся 29 ноября 1907 года и разрешению г. Военного Губернатора Забайкальской Области Правление Общества возбуждает перед комитетом Попечительства и Трудовой помощи ходатайство о награждении г-на Троицкосавского уездного врача Талько-Грынцевича, почётной наградой, за полезную его деятельность, оказанную Обществу”³⁹. Речь шла о награждении врача орде-

³⁷ ГАЧО, 1 вр., оп. 2, д. 237, л. 9.

³⁸ ГАЧО, 1 вр., оп. 2, д. 215, лл. 80–81.

³⁹ ГАЧО, 1 вр., оп. 1, д. 94, л. 137.

ном святого Станислава II-й степени. Хотя это предложение не вызвало возражений у губернатора, соответствующий указ так и не был подписан. Для Талько-Грынцевича важна была не награда и внимание “начальства”. Оказание помощи бедным он считал христианским и врачебным долгом.

За время пребывания в Забайкалье Ю.Д. Талько-Грынцевич проявил себя не только как талантливый и знающий практикующий врач, но и как учёный-исследователь, начавший впервые в Забайкалье изучать анатомо-физиологические особенности его жителей. Рассмотрим отдельные отрасли медицины, в которых он работал.

Эпидемиология

Эпидемиология – учение об объективных закономерностях, лежащих в основе возникновения, распространения инфекционных болезней и методах профилактики и ликвидации этих болезней. На рубеже XIX–XX веков эта наука находилась в зачаточном состоянии, пробивая себе дорогу через суеверия, предрассудки и невежество.⁴⁰ Возбудители большинства инфекционных заболеваний – патогенные микроорганизмы, ещё не были идентифицированы и сама инфекционная природа многих заразных болезней не была научно доказана. Существовали мнения, что переносчиками заболеваний могут быть и животные, но и это оставалось гипотезой⁴¹.

Пожалуй, самое пристальное внимание учёных того времени привлекала чума, эпидемии которой вспыхивали почти ежегодно в разных уголках земного шара, унося сотни тысяч жизней. В 1894 году возникла последняя пандемия чумы, несмотря на систему карантинных она охватила 87 портов и городов Азии, Европы, Северной Америки и Австралии. Пандемия “чёрной смерти” послужила своеобразным толчком к изучению эпидемиологии этого заболевания. В 1894 году в Гонконге двое учёных С. Китагато и А. Иерсен независимо друг от друга открыли возбудителя чумы в материале из трупов умерших от чумы людей и выделили культуру этого микроба. Иерсен, кроме того, обнаружил возбудителя чумы и в трупах крыс, установив тем самым, что источником заражения людей в Гонконге служили грызуны (крысы). В 1898 году французский учёный П. Симон доказал роль блох в распространении инфекции. В 1897 году воспитанник Новороссийского университета В.А. Хавкин в Бомбее (Индия) приготовил и испытал на себе чумную вакцину, доказав её безвредность, он приступил к широкой иммунизации людей⁴².

⁴⁰ Очерки русской культуры XIX века. М., Изд-во Моск. Ун-та, 2000, т. 2; *Заблудовский П.Е.* История отечественной медицины. М., 1960.

⁴¹ *Орлов А.М.* Эпидемические болезни. М., 1974.

⁴² *Васильев К.Г., Сегап А.Е.* История эпидемий в России. М., 1960.

В Монголии и Забайкалье время от времени вспыхивали локальные эпидемии чумы, не получавшие распространения благодаря малой численности населения и большой удалённости поселений друг от друга. Чаще всего власти даже не знали об их возникновении. Однако, осенью 1899 года болезнь была занесена в Ургу, столицу Монголии. Это вызвало панику в русской колонии Урги и русское консульство забило тревогу. По распоряжению временного губернатора Забайкальской области, в ноябре 1899 года в Ургу был командирован троицкосавский окружной врач Ю.Д. Талько-Грынцевич. Он должен был выяснить характер заразной болезни и пресечь её распространение в России. В архиве сохранилась даже телеграмма врачебного инспектора Забайкальской области доктора А.Д. Давыдова, информирующая Грынцевича о командировке в Монголию: “Врачу Грынцевичу. Немедленно выехать Ургу, куда командирован. Распоряжение консула”⁴³.

Известие об отъезде врача произвело в Троицкосавске большой переполох. С ним прощались, как с едущим на смерть. Многие советовали вообще не ехать, представившись больным и доказывали, что посылать окружного врача за границу правительство не имеет права, ведь это не входит в непосредственные обязанности службы. Однако, сам Талько-Грынцевич не допускал даже мысли уклониться от поездки, считая, что эта трусость недостойна звания врача⁴⁴. Супруга Грынцевича, по природе своей очень впечатлительная, поражённая известием о предстоящей поездке мужа, решила ехать вместе с ним, несмотря на все уговоры и увещания Талько-Грынцевича.

Испытав все неудобства зимней дороги, – сорокоградусный мороз, пронизывающий ветер, ночлег в дымных юртах и прибыв, наконец, в Ургу, Талько-Грынцевич узнал, что за несколько месяцев до этого эпидемия угасла. Учёный приступил к сбору информации об эпидемии, опрашивал очевидцев, записывал даже народные предания о “чёрной болезни”. Нужно отметить, что монголы крайне неохотно рассказывали о симптомах болезни, боясь прогневать её, что крайне затрудняло сбор сведений о ней. Однако, сразу был найден естественный источник чумы – им оказался монгольский суслик-тарбаган или байбак.

По рассказам местного населения, эпидемия вспыхнула первоначально в 500 верстах к северо-западу от Урги, где 20 человек взяли за раскопку древней каменной могилы, будучи уверены, что найдут там клад. Обрадованные находкой – большим слитком серебра – кладоискатели прожили возле могилы 8 дней и пировали: ели тарбаганов, которые водились в этой местности в изобилии и являлись любимым кушаньем местного населения. Все кладоискатели

⁴³ ГАЧО, фонд 1 вр., оп. 3, д. 82, л. 61.

⁴⁴ *Talko-Hryncewicz J. Z przerzytych dni, Warszawa, 1930.*

заболели и умерли. В продолжение восьмидневного пира к могиле приезжал народ из окрестностей, чтобы осмотреть клад. Несколько слитков серебра было послано ламе, который вскоре заразился и умер. За два месяца, с августа по сентябрь, эпидемия унесла жизни 300 человек. Болезнь проявлялась следующими симптомами: очень высокой температурой тела, головной болью, бредом, болью в груди, одышкой, кровохарканьем, иногда лёгочным и носовым кровотечением. Люди умирали спустя 2-3 дня после начала болезни, но иногда она продолжалась всего несколько часов и заканчивалась смертью⁴⁵.

Паника, возникшая вследствие большой смертности населения, заставила монгольские власти принять меры против распространения болезни. Всякое сообщение с заражёнными местностями было прекращено, установлен строгий карантин, сожжены юрты, где были заболевшие; жители же перекочёвывали на новые стоянки. Эти меры прекратили эпидемию, но, как считал Талько-Грынцевич, немалую роль в угасании эпидемии сыграли наступившие холода. В Ургу, столицу Монголии, чума была занесена китайскими торговцами. В гостинице “Барун-дянь” умерло несколько китайцев.

Другим очагом эпидемии стал северо-восточный район Монголии, где возникновение болезни местные жители приписывали употреблению в пищу мяса антилопы (“дзерена”).

Болезнь, называемая европейцами чумой, давно была известна монголам. Талько-Грынцевичу удалось установить, что древние буддийские религиозные законы запрещали употреблять в пищу тарбаганье мясо и посещать храм в шубе из меха этого животного, предписывали сожжение вещей и юрт умерших от чумы. Талько-Грынцевич не сомневался, что чума передаётся человеку от тарбагана и вызывает смерть, поэтому называл болезнь людей “тарбаганьей чумой”. Нужно отметить, что в то время имелось немало сторонников ошибочного взгляда, согласно которому чума людей и чума тарбаганов являлись как бы разными, не связанными между собой болезнями. Конечно, даже обывателям, жившим на русско-монгольской границе, было издавна известно, что всем, прикоснувшимся к тарбагану, угрожает смертельная болезнь. Для медицинского работника, уже не один год жившего вблизи границы, сомнения в этом не было, да и быть не могло.

Учёный установил существование самостоятельного монголо-забайкальского природного резервуара чумы и отверг мнение, что болезнь заносилась сюда из Индии. “Принимая во внимание географическое положение Монголии, её отдалённость от мест заболевания чумой, как Индостан, южный Китай, Тибет и Маньчжурия, её огромные малозаселённые пространства и, наконец, особые клима-

⁴⁵ Талько-Грынцевич Ю.Д. О чумных заболеваниях в Монголии // Труды ТКОПОИРГО, т. II. Вып. 1 и 2, 1899, М., 1900, с. 96–110.

тические условия, неблагоприятные для продолжительного сохранения бактерий заразных болезней, а также и то, что болезнь появлялась отдельными разбросанными гнёздами, можно положительно отвергнуть мнение о занесении болезни с юга, а, напротив, признать её самостоятельно развившеюся при известных благоприятных для того условиях.

Подобно тому, как в Индостане убедились, что причина чумного заболевания людей есть болезнь, передающаяся им от грызунов – мышей и крыс, аналогичная болезнь переходила здесь к людям от заболевших байбаков, с тою только разницей, что в Индостане передателями болезни от крыс и мышей бывают блохи, клопы, мухи и другие насекомые; здесь же пока констатированы только случаи заражения людей от непосредственного прикосновения с больными байбаками, употребление в пищу их мяса, а в особенности снятия с них шкур⁴⁶.

Итак, Талько-Грынцевич был убеждён, что тарбаганы болеют чумой и заражают ею человека. Он подробно описал симптомы чумы у тарбаганов: больные грызуны не прячутся в норы и дольше бегают осенью по полю; больные байбаки не лают, они вялы, походка их неровная, в подмышечной впадине иногда заметна красная флюктуирующая опухоль. Чумных байбаков сородичи выгоняли из нор, и больные тарбаганы являлись лёгкой добычей людей и животных.

Ю.Д. Талько-Грынцевич отмечал, что в Монголии чума протекала в лёгочной форме (кровотечение из лёгких, носа, кровохарканье, боль в груди), а в Забайкалье – в бубонной форме (высокая температура тела, головная боль, бред, расстройство органов пищеварения, воспаление бедренных, подмышечных, реже паховых и шейных лимфатических узлов)⁴⁷. Самое интересное, что в то время ещё не было достоверно известно, что бубонная и лёгочная чума являются двумя формами одного заболевания и вызываются одним возбудителем – чумной бациллой, и предположение Грынцевича о единой природе этих двух, казалось бы совершенно разных заболеваний, – догадка⁴⁸. Учёный был уверен в этом, основываясь на собранных им фактах, хотя его исследования и не подтверждены бактериологическими исследованиями. Ведь если источник как бубонной, так и лёгочной чумы – байбак, то логично предположить, что это одно и то же заболевание. Коллега Талько-Грынцевича, забайкальский врач В.Я. Кокосов, установил, что тарбаган является разносчиком бубонной чумы, Грынцевич же на вопрос о сущности эпидемии в Монголии однозначно отвечал: это тарбаганья лёгочная чума, а её аналог в Забайкалье – бубонная чума. В работе “О чумных заболеваниях в

⁴⁶ Талько-Грынцевич Ю.Д. О чумных заболеваниях..., с. 104.

⁴⁷ Лобанов В.Н. Патологическая анатомия и патогенез чумы у человека, М., 1956.

⁴⁸ Голубинский Е.П. О чуме в Сибири, Иркутск, 1987.

Монголии” Талько-Грынцевич пишет: “Характер эпидемической болезни, появляющейся в Монголии и Забайкалье, изучат в будущем более подробно бактериологи и решат, происходит ли эта болезнь от одной общей с индийской чумой бактерии, или от отдельной, как равно и то, почему в Забайкалье происходили бубонные заболевания, а в Монголии лишь лёгочные. Может быть, в будущем некоторые захотят отрицать тождество этой болезни с чумой и увидят новую неизвестную форму болезни, однако теперь, благодаря собранным фактам, поддерживаемым наблюдениями, сделанными в Забайкалье, я предполагаю, что как здесь, так и в Монголии мы имеем *чумное заболевание* и что к многочисленным эндемическим гнездам этой болезни, разбросанным по всему земному шару, а в особенности рассеянными по обширному пространству Азии, как в Гонконге, Гималайских горах, Юнале, на границе Тонкина, наконец, в Маньчжурии, следует причислить также Забайкалье и Монголию”⁴⁹.

В этом коротком, но ёмком заключении, Ю.Д. Талько-Грынцевич говорил о двух вещах: о самостоятельном монголо-забайкальском резервуаре чумы и о единой этиологии бубонной и лёгочной её форм. Эти выводы сразу же подхватили такие солидные центральные издания, как “Русский архив патологии, клинической медицины и бактериологии”⁵⁰ и “Военно-медицинский журнал”⁵¹. В них, ссылаясь на наблюдения Ю.Д. Талько-Грынцевича, делался вывод, что “тарбаганья болезнь на людях является азиатской лёгочной чумой”.

На местном уровне заключения Грынцевича также были удостоены самого пристального внимания как общественности, так и коллег-врачей. На годичном заседании Забайкальского общества врачей 14 января 1900 года доктор А.Д. Давыдов сделал доклад о чуме, эпидемия которой произошла в Монголии, сославшись на данные Талько-Грынцевича⁵². Данные о чуме были опубликованы Грынцевичем в газете “Забайкальские областные ведомости”⁵³.

Несмотря на важность заключений, сделанных Ю.Д. Талько-Грынцевичем в Монголии, мы не найдём имени учёного в списке имён людей, изучавших эпидемиологию чумы. Лавры достались другим. В 1911 году русским учёным Д.К. Заболотным на станции Борзя из трупа умершего от чумы тарбагана была выделена чумная бацилла. В любой литературе по истории медицины мы можем прочитать: Д.К. Заболотный открыл, что тарбаган является переносчи-

⁴⁹ Талько-Грынцевич Ю.Д. О чумных заболеваниях..., с. 109, 110.

⁵⁰ Скрживан О. Наши сведения о тарбаганьей чуме // Русский архив патологии, клинической медицины и бактериологии, т. XI, вып. 6, 1901, с. 608–612.

⁵¹ Руденко А.М. Тарбаганья чума // Военно-медицинский журнал, 1900, № 12, с. 3567–3575.

⁵² Протоколы и труды Забайкальского общества врачей за 1899–1900 гг., Чита, 1901, с. 5, 6.

⁵³ ЗОВ, 1900, № 7.

ком чумы и доказал, что бубонную и лёгочную чуму вызывает один и тот же возбудитель – чумная бацилла; его сотрудник И.С. Дудченко пришёл к заключению: существует самостоятельный монголо-забайкальский эндемический очаг чумы. Работа же Талько-Грынцевича “О чумных заболеваниях в Монголии” вышла одиннадцатью годами ранее, чем исследование Д.К. Заболотного (1911) и девятью годами ранее работы И.С. Дудченко (1909), а именно в 1900, в ней высказаны аналогичные заключения. Конечно, Грынцевич не доказал своё мнение на уровне микроскопического исследования, как это сделал Заболотный, но если вести речь именно о *первенстве гипотезы*, то оно, конечно же, не принадлежит ни Заболотному, ни Дудченко, как в этом уверяют официальные источники. Предположение о том, что тарбаганы являются разносчиками чумы, возникли у врачей восточных окраин России и до исследования Талько-Грынцевича, однако не были официально опубликованы. Книга Д.К. Заболотного “Лёгочная чума в Маньчжурии в 1910–1911 гг.”, вышла только в 1915 году, то есть на пятнадцать лет позже статьи Грынцевича. Заболотный подвёл своеобразный итог в изучении эпидемиологии чумы на основании того “научного сырья”, которое было накоплено врачами, работавшими на границе с Монголией. Быть может, в его руках побывал и труд Ю.Д. Талько-Грынцевича. Интересны слова современника и коллеги Грынцевича, члена Забайкальского общества врачей В.Я. Кокосова: “Невозможно врачам забайкальских захолуствий, ...не имеющих даже ножниц для сделания конвертов, стоять на одном уровне с исследователями бактериологических кабинетов. Наша обязанность перед совестью: собрать возможно подробные сведения, передать личные наблюдения над вероятной грозной опасностью; обоснованные научные выводы (если не будет поздно) сделают врачи, поставленные в более благоприятную обстановку”⁵⁴.

Целесообразно привести здесь краткие современные данные об эпидемиологии чумы, дабы объяснить феномен: один и тот же возбудитель чумы вызывает столь разную клиническую картину – лёгочную и бубонную формы. Эту загадку жаждал разгадать Ю.Д. Талько-Грынцевич. Начнём с того, что *источники заражения, механизм передачи инфекции* различны. Основным источником инфекции при бубонной чуме являются популяции грызунов (в том числе и тарбаганов). Люди заражаются через укусы заражённых блох, ранее обитавших в норах грызунов. Заражение бубонной чумой при непосредственном контакте с источником инфекции связано со способностью возбудителя проникать через незаметные (а тем более через заметные) повреждения кожи. Снятие шкурки, разделка тушки производятся, как правило, без соблюдения мер предосторожности. При бубонной чуме характерна локализация бубонов в

⁵⁴ Цит. по : *Казимиров В.В.* По следам забытой жизни, Чита, 1957. С. 22, 23.

подмышечной области (заражение через кожу рук). Человек, больной бубонной чумой, не осложнённой поражением дыхательных путей, является безопасным для окружающих. Доказательством этого служит то, что лица, ухаживавшие за больными бубонной чумой, никогда не заражались⁵⁵.

В эпидемиологии лёгочной чумы основным, а возможно и единственным источником инфекции является больной человек. Заболевание лёгочной чумой возникает, как правило, при контакте с больным бубонной чумой, у которого развилась вторичная чумная пневмония. Воспаление лёгких, вызванное чумной палочкой, сопровождается сильным кашлем с обильным выделением пенистой мокроты с примесью крови (её количество достигает десятков литров), содержащей огромное количество возбудителей болезни. Поэтому больной с вторичной лёгочной пневмонией легко заражает окружающих людей. При воздушно-капельном пути заражения заболевание начинается с воспаления лёгких (первичная лёгочная чума, наблюдаемая Грынцевичем в Монголии). Такие заболевания могут наблюдаться и при заносе инфекции на слизистые оболочки рта при употреблении в пищу мяса грызунов⁵⁶. Таким образом, при одном и том же возбудителе в зависимости от способа заражения развиваются различные клинические формы чумы. Бубонная возникает при подкожном заражении, а первичная лёгочная – при попадании возбудителя в трахею. Вот и решение логической задачи – монгольское население, болевшее лёгочной чумой, употребляло в пищу мясо тарбаганов, тогда как русское население Забайкалья заражалось бубонной чумой, обрабатывая шкурки больных животных, не употребляя тарбаганье мясо в пищу.

Определив, что свирепствовавшая в Монголии эпидемия есть лёгочная чума, Ю.Д. Талько-Грынцевич предложил несколько первоочередных мер, необходимых для исполнения русским консулом и монгольскими властями. Они состояли в следующем:

1. Просить китайские власти под надзором консульства произвести немедленно дезинфекцию гостиницы “Барун-дянь” в Урге, в которой были смертельные случаи от чумы.

2. Побудить китайские власти к ежегодным периодическим очисткам Урги, по мере возможности, хотя бы весной и осенью.

3. Распространять среди китайского и монгольского населения и их властей краткие сведения о чуме и о рекомендуемых против неё мер.

4. Иметь как в консульстве, так и в русских торговых домах дезинфицирующие средства, известь и зелёное мыло и раздавать их бесплатно китайцам, монголам и их властям.

5. Просить как русских, проживающих в Урге, так и китайские власти наблюдать за каждым подозрительным случаем, о болезни

⁵⁵ Бибикова В.А., Класовский Л.Н. Передача чумы блохами, М., 1974.

⁵⁶ Руднев Г.П. Клиника чумы, М.-Л., 1940.

или смерти сообщать консульству для принятия мер против распространения эпидемии.

6. Признано необходимым, чтобы в Урге был постоянный врач, который мог бы следить за эпидемиями .

По возвращении в Троицкосавск Талько-Грынцевич докладывал о результатах поездки министру внутренних дел. В результате правительство запретило выезд русских подданных в Монголию, остановило караваны с чаем и другими товарами, идущие из Урги в Россию, запретило также вывоз из Монголии шкур тарбаганов, которые миллионами шли в Россию для производства рукавиц.

Через несколько лет в Троицкосавске был открыт бактериологический институт, занимавшийся приготовлением противочумных и других сывороток для человека и животных. Очевидно, что усилия врачей-чумологов не пропали даром: правительство наконец-то обратило внимание на проблемы далёкой восточной окраины.

Талько-Грынцевич ещё не раз был командирован в Монголию по поводу вспышек чумных эпидемий. Так как он зарекомендовал себя в качестве ответственного и грамотного специалиста, русский консул в Урге требовал отправки туда именно Талько-Грынцевича. Из Урги в Троицкосавск слались телеграммы следующего содержания: “Немедленно командуйте Ургу счёт консульства врача Грынцевича предложив ему донести подробно характере заболеваний”⁵⁷. Весной 1900 года в Монголии вновь была зарегистрирована вспышка чумы, Талько-Грынцевич пробыл в отъезде с 14 по 23 мая, принимая все меры для остановки эпидемии⁵⁸.

Другим страшным заболеванием, ставшим “бичом” тогдашнего общества, была натуральная оспа. До применения оспопрививания оспенные эпидемии по своей опустошительности не уступали чумным. Со второй половины XVIII века в России применялось оспопрививание детритом, полученным от вакцинации коров. Однако сами оспопрививатели в подавляющем большинстве случаев не имели медицинского образования, а низкая санитарная культура населения того времени способствовала развитию множества осложнений от самой прививки. К тому же прививка была делом сугубо добровольным, и это обстоятельство значительно уменьшало эффект от иммунизации. Особенно неблагоприятной в этом отношении была Монголия. Забайкальские власти постоянно должны были опасаться вспышки там оспенной эпидемии, которая легко могла перекинуться в приграничные русские районы.

Ю.Д. Талько-Грынцевич вплотную занимался проблемами, связанными с угрозой заражения оспой. Он неустанно пытался донести как до вышестоящего начальства, так и до простого обывателя, что само оспопрививание приобретает смысл лишь при его определён-

⁵⁷ ГАЧО, фонд 1 вр., оп. 1, д. 94, л. 120.

⁵⁸ ГАЧО, 1 вр., оп. 1, д. 94.

ной массовости, следует принять конкретные меры, дабы повысить уровень санитарной культуры населения и избежать грозных осложнений вакцинации. Для этого Талько-Грынцевич предлагал меры, доступные для каждого оспопрививателя. Вот как он пишет об этом в донесении главному врачебному инспектору В. Анрепу: “Вакцинация производилась обыкновенно выписанным из Европейской России детритом. Вакцинации не производят правильно и в достаточном количестве, так как многие от этого уклоняются. Толчком к усилению прививки служит появление в окрестностях эпидемии натуральной оспы. Оспопрививатели мало подготовлены к этому, а при нечистоте рук и инструментов иногда вызывают у прививаемых рожистое воспаление, или воспаление подкожной клетчатки. Мы при вакцинации применяем и советуем другим частое обжигание иглы или ланцета. Перед прививкой предварительное обмывание руки тёплой водой с мылом, а затем крепким спиртом”⁵⁹.

В конце декабря 1902 года троицкосавский окружной врач Ю.Д. Талько-Грынцевич вновь совершил поездку в Монголию для определения сущности болезни с высокой смертностью, вспыхнувшей там. Вот что удалось узнать на месте: “ В одной версте от заштатного Буринского дацана (дацан – буддийский храм. – *Примеч. автора*), при котором нет ширетуя (настоятеля), а таковой приезжает лишь от времени до времени, и где живёт в качестве зрителя старик тэлун (староста), стояли две юрты. В юртах этих жило две семьи. В одной – женщина и трое детей, а в другой отец старик и четверо детей. По словам старика тэлун и других соседних монгол, в юртах появилась болезнь и все в них вымерли, кроме старика”⁶⁰. Кто болел “цаган бурханом” (белый бог), кто “хара цыцыком” (чёрный цветок). Этими именами монголы называли натуральную и чёрную оспу. Монголы-соседи, при содействии местных властей, для локализации болезни отгородили юрты на далёком расстоянии верёвками и, таким образом, прекратили всякое сообщение с больными жителями юрт, лишёнными пищи. Такая мера была настолько эффективна, что как монголы, так и русские, имеющие в этих местах сенокосы, объезжали злополучные юрты за несколько вёрст даже и после того, как их обитатели вымерли. В начале вымерла юрта, в которой жила мать и трое детей, когда вымерла вторая юрта, оставшийся в живых старик забрал свою и соседнюю юрту и, оставив трупы, ушёл за реку Орхон, где население было многочисленнее. Оспа начала свирепствовать по всей Монголии, опустошая огромные территории.

По возвращении в Троицкосавск Талько-Грынцевич выступил на заседании Географического общества с докладом об эпидемии оспы. Он отметил следующее: “Известно, что натуральная оспа не

⁵⁹ ГАЧО, фонд 1 вр., оп. 2, д. 618, л. 8.

⁶⁰ Труды ТКОПОИРГО, т. V, вып. 2, 1902, СПб., 1903, с. 51, 52.

прекращается в Монголии, навещая её каждые 2 или 3 года с большей, или меньшей силой, и если всё население Монголии от неё не вымирает, то лишь благодаря его редкости, трудностям путей сообщения и, наконец крутым карантинным мерам. Из соседней Монголии натуральная оспа очень часто заносится в соседнюю русскую территорию, где хотя и производится ежегодная предохранительная прививка, но лишь у детей в первых месяцах жизни, а не повторяется в известные периоды у взрослых, притом прививка по закону не обязательна. Что же касается монгол, то там, как известно, охотно во многих местах занимаются прививками предохранительной оспы, но, к сожалению, не имеют детрита. Следовало бы им доставлять даровые прививки, как в виду личной самозащиты, так равно и филантропии, которая этим путём более всего может принести пользы здешнимномадам и убедить их в силе и превосходстве западной цивилизации”⁶¹. Таким образом, залогом успеха в иммунизации против оспы, по мнению Ю.Д. Талько-Грынцевича, является её массовость, а достичь последней возможно бесплатным оспопрививанием. К сожалению, существенно улучшить положение в этой области было не во власти простого окружного врача, вышестоящие инстанции зачастую оставались слепы и глухи к таким жизненно важным рекомендациям.

Ежегодно Ю.Д. Талько-Грынцевич составлял отчётную “Ведомость о ходе предохранительной оспы” по своему округу, где отмечал количество привитых, число лиц, у которых прививка принялась либо не принялась, а также тех, кто не был привит⁶². Если же вдруг случались спорадические случаи заболевания натуральной оспой, Талько-Грынцевич немедленно отправлял донесение во Врачебное Отделение Забайкальского Областного Правления, в котором указывал также на принятые против распространения болезни меры⁶³. За год в Троицкосавском округе от оспы прививали около 900 детей⁶⁴.

Интересны наблюдения Ю.Д. Талько-Грынцевича в отношении эпидемиологии гриппа. В первый раз он наблюдал вспышку эпидемии осенью 1893 года в Троицкосавске. Весной 1894 года эпидемия достигла пика, затем начала постепенно угасать. Вновь грипп начался зимой 1894-1895 года, однако, его распространённость не достигла уровня предыдущей зимы. Таким образом, Талько-Грынцевичем была замечена *волнообразность* данного заболевания. Талько-Грынцевич пришёл к крайне интересному выводу: “Год 1894, в течении которого эпидемия гриппа достигла наибольшей своей силы, был самым тёплым из наблюдаемых годов и имел среднегодовую

⁶¹ Труды ТКОПОИРГО, с. 51, 52.

⁶² ГАЧО, 1 вр., оп. 2, д. 360.

⁶³ ГАЧО, 1 вр., оп. 2, д. 196.

⁶⁴ ГАЧО, 1 вр., оп. 2, д. 360, л. 219.

температуру +0,6 °С. ...При высокой температуре замечались значительные колебания в месяцы с наибольшей интенсивностью гриппа”⁶⁵. Необходимо отметить, что столь явные особенности взаимосвязи пика эпидемии гриппа и климатических изменений, выявленные Грынцевичем, не объяснены наукой и в наши дни.

Представление о характере и количестве случаев других инфекционных заболеваний, с которыми столкнулся троицкосавский окружной врач, дают ежемесячные ведомости “О ходе эпидемий на людей”, составляемые городским полицмейстером по данным, предоставляемым врачами. В них отмечалось кроме числа заболевших количество выздоровевших и умерших. В подавляющем большинстве случаев это были следующие заболевания: грипп, фолликулярная жаба (ангина), катаральная ангина, корь, ветряная оспа, рожа, заушница (свинка), скарлатина, дифтерия, сифилис, брюшной тиф, коклюш, дизентерия, туберкулёз⁶⁶. При появлении случаев вышеозначенных болезней принимались соответствующие меры – санитарная обработка и дезинфекция помещений, изоляция больных. Однако крайняя бедность не позволяла хоть сколько-нибудь ограничить распространение “социальной” болезни – туберкулёза. Ю.Д. Талько-Грынцевич сетовал на то, что “никакой организации для борьбы с туберкулёзом не существует и меры против распространения означенной болезни среди населения предприняемы не были”⁶⁷.

За время шестнадцатилетней службы Ю.Д. Талько-Грынцевича в Троицкосавске в городе много было сделано для усовершенствования методов профилактики инфекционных заболеваний. Талько-Грынцевич писал об этом: “Постоянного контроля над дезинфекцией и правильной организацией дезинфекционной службы здесь не существовало. В городе Троицкосавске в 1896 году по случаю появившихся нескольких случаев дифтерита и более распространеннейшей эпидемии натуральной оспы был открыт особый барак для заразных больных и на этом дворе на средства города устроена паровая дезинфекционная камера с довольно простым устройством для стирки белья и его выщелачивания, как и дезинфекции паром других вещей. Дезинфекционной камерой, как и дезинфекцией в частных домах заведовали особые дезинфекторы из местных жителей, или фельдшера под наблюдением врачей. В 1897 и 1898 годах во время эпидемии скарлатины и брюшного тифа, а в 1900 во время скарлатины, была опять восстановлена та же дезинфекция. В последние годы во время появления спорадических случаев заболевания заразными болезнями была употребляема под наблюдением врачей и фельдшеров в частных домах дезинфекция парами форма-

⁶⁵ Талько-Грынцевич Ю.Д. Климат Троицкосавска-Кяхты в гигиеническом отношении, Иркутск, 1897, с. 66.

⁶⁶ ГАЧО, 1 вр., оп. 2, д. 286.

⁶⁷ ГАЧО, 1 вр., оп. 2, д. 607, л. 4.

лина, полы, окна и двери смывались зелёным мылом, бельё советовалось выщелачивать”⁶⁸. В применении методов профилактики инфекционных болезней Талько-Грынцевич принимал самое деятельное участие.

Предупреждение инфекции было в те времена единственным оружием, которым врачи могли бороться с эпидемией, эффективных методов лечения тогда не существовало. Карантин и дезинфекция зачастую позволяли ограничить распространение болезни одним или несколькими домами. Вот один из примеров, из практики Грынцевича: “5 июля обратилась казачка Войтюховская за медицинской помощью с больною горлом дочерью Татьяною 6 лет. На другой же день в этом же доме Войтюховской заболел горлом квартирант её, пятилетний Демид Носов. Первый ребёнок умер 6 июля, а второй 8 июля. В обоих случаях констатирован дифтерит зева. Были приняты меры к предупреждению заболевания. Изоляция больных, насколько крайняя бедность жильцов позволила, выкуривание серой, побелка стен известью, промывание полов и стен зелёным мылом с примесью карболовой кислоты. Кроме двух sporadicческих случаев заболевания дифтеритом в одном доме, новых случаев заболевания не наблюдалось”⁶⁹.

Конечно, не всегда удавалось найти средство профилактики заболевания, в особенности тогда, когда не была правильно определена его причина. Самым распространённым заболеванием, носящим характер эпидемии, в летнее время был так называемый “кровавый понос”. Период пика заболеваемости совпадал с дождливым временем года и периодом разлива местных рек и речек. Ю.Д. Талько-Грынцевич так определил этиологию этого заболевания: “Болезнь эту нужно приписать значительному колебанию температуры дня и ночи во время жаркого лета и охлаждением питьём кишечника, к которому предрасположены преимущественно дети”⁷⁰. С современной точки зрения инфекционная этиология болезни более чем очевидна. Грынцевич ошибался в своих выводах. Свою точку зрения об этиологии “кровавого поноса” Талько-Грынцевич подтверждал следующим примером: “Взгляд на этиологию летних поносов наглядно подтверждает эпидемия 1892 года, наблюдаемая в станице Шаргольской Троицкосавского Округа. Во время жаркого июля эпидемия навестила эту станицу, отличающуюся, как известно, среди станиц особенно хорошими гигиеническими условиями, лежащую на возвышенном берегу Чикоя, вблизи леса; жители пользуются хорошей водой из колодцев, и никаких иных причин заболевания, кроме атмосферических, нельзя было отыскать....Болезнь в течении полутора месяцев дала большой процент заболеваемости и смертности и

⁶⁸ ГАЧО, 1 вр., оп. 2, д. 607, л. 7.

⁶⁹ ГАЧО, 1 вр., оп. 2, д. 196, л. 232.

⁷⁰ Талько-Грынцевич Ю.Д. Климат..., с. 65.

стала прекращаться лишь с охлаждением средней дневной температуры”⁷¹. Грынцевич делал здесь основной упор на высокое качество воды из колодцев и поэтому исключал инфекционную этиологию заболевания. Однако, в настоящее время известно, что в период разлива рек сильно загрязняются грунтовые воды, и вода в колодцах становится не чище воды из рек. При снижении температуры воздуха болезнетворные микроорганизмы погибают, поэтому к осени эпидемия прекращалась. Простого кипячения было бы достаточно для предотвращения болезни. Однако Талько-Грынцевич исходил из уровня знаний своего времени и современная оценка его диагностической ошибки вряд ли справедлива.

Таким образом, за время своей шестнадцатилетней службы в Троицкосавске Ю.Д. Талько-Грынцевич вплотную занимался теоретической и практической эпидемиологией почти всех известных тогда инфекционных заболеваний, и некоторые его предположения в этой отрасли были очень ценны для того времени. Выявление взаимосвязи между болезнями человека и природными условиями – основная черта, проходящая красной нитью через все исследования Ю.Д. Талько-Грынцевича.

Гигиена, физиология, санитарная статистика

Гигиена как наука была интересна Ю.Д. Талько-Грынцевичу не только как область знаний, применение которой на практике позволило бы предотвратить многие инфекционные и профессиональные заболевания. Прежде всего он изучал гигиену окружающей среды и влияние её факторов на организм человека. Пытаясь найти взаимосвязь между факторами окружающей среды и заболеваемостью, Грынцевич пришёл к выводу о том, что “человек подвержен различным заболеваниям, являясь беспрестанно орудием внешних атмосферических и климатических условий местности”⁷². Прежде всего, факторы окружающей среды, по мнению учёного, влияют на физиологию человека, деятельность его органов и систем. Он сравнивал различные физиологические показатели человека на Западе и таковые же в Забайкалье. Различие становится очевидным.

Основную часть своих наблюдений Талько-Грынцевич проводил в Троицкосавске. Сначала учёному предстояло выявить основные особенности климата этой местности, а затем связать эти особенности с заболеваемостью. В 1897 году выходит его работа “Климат Троицкосавска-Кяхты в гигиеническом отношении”. Грынцевич считал, что в гигиеническом отношении климат юго-востока Забайкалья представляет собой нечто среднее между северным (сухим и холодным) и горным альпийским. Однако, несмотря на высокое по-

⁷¹ Талько-Грынцевич Ю.Д. Климат..., с. 65, 66.

⁷² Талько-Грынцевич Ю.Д. К вопросу об изучении..., с. 3.

ложение над уровнем моря, что позволило бы причислить данную местность к горному альпийскому климату, она отличается малым количеством осадков и безлесной местностью. Это придаёт Троицкосавскому округу сходство с горами Северной Америки. Крайне низкое атмосферное давление (698 мм рт. ст.) и большой перепад зимне-летних температур (суровая зима и знойное лето) являются, по мнению учёного, главными факторами, влияющими на физиологию человека в Забайкалье. Вот как пишет Талько-Грынцевич об особенностях жизнедеятельности организма в этих условиях: “Под влиянием здесь смешанного климата, с преобладающими особенностями горного, деятельность волосных сосудов кожи (т.е. капилляров. – *Примеч. автора*) усиливается, а лёгких уменьшается, дыхание делается полнее и глубже, сопровождаясь большим выделением водяного пара и углекислоты и более значительным потреблением кислорода. То же самое, что происходит в лёгких и сердце, делается в мозгу, печени и других внутренних органах, опоражниваемых от крови, с увеличением деятельности мышц и отделений кожи и с уменьшением выделений желчи, мочи и семени. Климатические особенности производят поэтому усиление процесса горения и выработки большого количества животной теплоты. Ускоренный обмен веществ придаёт климату характер легко укрепляющего, что отражается и на его жителях. Организм их требует более питательной пищи, изобилующей углеводами. Особенности климата и питания повлияли на физическое строение и психическую сферу жителей Забайкалья... Сильные ветры, особенно в весеннее время, ясное небо, яркое солнце, согревающее и осушающее воздух, низкое барометрическое давление predisполагают к приливам ко внутренним органам, вызывающим носовые и лёгочные, геморройные и маточные кровотечения, что наблюдается довольно часто у беременных и родящих; оно predisполагает девушек в начале менструации к анемии... Перемена стояния барометра вызывает у многих периодические мигрени и боли в мышцах... В общем атмосферические явления оказывают сильное влияние, predisполагающее к нервным заболеваниям”⁷³.

Ю.Д. Талько-Грынцевич абсолютно правильно определил, что с повышением теплообразования в организме, вызванным низкой температурой окружающей среды, повышается уровень основного обмена, а вследствие этого и потребность организма в главном источнике энергии – углеводах. Частота и глубина дыхания увеличиваются за счёт уменьшения концентрации кислорода в атмосферном воздухе, организм испытывает кислородное голодание и старается компенсировать это. Учёный отметил весьма существенную особенность – увеличение количества кровотечений и увеличение их длительности, что в конечном итоге часто вызывает анемию (ма-

⁷³ Талько-Грынцевич Ю.Д. К вопросу об изучении..., с. 6, 7.

локровие). Он правильно определил одну из главных причин этой особенности – низкое атмосферное давление, которое неминуемо влечёт за собой кислородное голодание. Конечно, в настоящее время известно немало причин, вызывающих аналогичные симптомы, например, низкая свёртываемость крови и недостаток в пище некоторых биологически активных веществ. Заслуга же Грынцевича состоит в том, что он обратил внимание на эти физиологические особенности организма забайкальцев и попытался их объяснить, исходя из уровня знаний своего времени.

Талько-Грынцевич отмечал также ещё одну существенную особенность климата Троицкосавского округа – насыщенность электричеством сухого воздуха осенью и зимой и во время продолжительных засух. Грынцевич предположил, что этот фактор неминуемо должен влиять на организм человека, но отмечал, что это влияние пока не изучено. К сожалению, влияние этого фактора не изучено и в наши дни.

Ю.Д. Талько-Грынцевич отмечал, что в целом уровень заболеваемости в Забайкалье гораздо выше, чем в Европейской России. Он пытался найти связь между количеством заболевших определённой болезнью и погодными и климатическими условиями этого года. Основой статистических данных, публикуемых учёным, служили его ежегодные отчёты, составляемые по долгу службы для Врачебного Отделения Забайкальского Областного Правления. За год к троицкосавскому окружному врачу обращалось в среднем около тысячи пациентов. Все зарегистрированные нозологические формы Талько-Грынцевич делил на четыре основные группы. К первой группе он относил сифилис, грипп, дизентерию, брюшной тиф, бугорчатку, коклюш, венерические болезни, крупозную пневмонию, корь, тиф, оспу, заушницу, рожу, круп. Ко второй – малярию и зоб. К третьей – чесотку, глисты, трифиноз. К четвёртой группе были отнесены так называемые “внутренностные” болезни – болезни органов пищеварения, дыхания, кожи и клетчатки, нервной системы, мышечный ревматизм, болезни глаз, травматические повреждения, новообразования, болезни органов слуха, половых органов, органов кровообращения, болезни беременности и послеродового периода, мочевыводящих путей, отравления. Также врачом велась статистика смертности, чаще всего он отмечал следующие болезни, приведшие к смерти: круп, коклюш, грипп, дизентерия, бугорчатка, крупозная пневмония, органические болезни сосудов, желудочно-кишечный катар, брайтова болезнь (воспаление почек. – *Примеч. автора*), воспаление головного мозга, апоплексия и паралич, малярия и алкоголизм⁷⁴. Исходя из данных годичных врачебных отчётов составлялась медицинская статистика заболеваемости населения. Талько-Грынцевич отмечал, что в целом пациенты чаще обраща-

⁷⁴ ГАЧО, 1 вр., оп. 2, д. 360. лл. 213–214.

лись с “внутренностными болезнями”, реже с “заразными и миазматическими”. Пик заболеваемости воспалением лёгких приходился на время с января по июнь, фолликулярной ангины – на февраль, коклюша – на сентябрь и октябрь. В период с 1893 по 1895 год врач отмечал увеличение почти в три раза обращаемости пациентов с нервными болезнями – неврозами, невралгиями, неврастениями, истериями, болезнями психической сферы, а также с болезнями верхних дыхательных путей.

Получив весьма значительные данные санитарной статистики, Талько-Грынцевич пытался, и не безуспешно, связать увеличение заболеваемости той или иной болезнью с климатическими и погодными особенностями данного года. Конечно, очень и очень часто не удавалось выявить какую-либо закономерность, однако сам по себе объём собранного и обработанного материала был огромен, и оценка этого материала была бы крайне интересна современным врачам-гигиенистам.

Как было сказано выше, Ю.Д. Талько-Грынцевич самым подробнейшим образом изучал влияние климата на физиологию человека. В 1903 году им была издана работа под названием “К вопросу об изучении физиологических явлений половой жизни женщин в Забайкалье”. Грынцевич прошёл стажировку по акушерству и гинекологии во Франции, ознакомился с работами зарубежных коллег по этому предмету. Он считал, что состояние репродуктивной функции женщины зависит от наследственности, климата, а также от расовой принадлежности и социальных условий. Материалы для вышеназванной работы собирались учёным 8 лет, с 1894 по 1902 год. Всего в исследовании участвовали 2047 женщин. При выяснении анамнеза учитывались: возраст, семейное положение, сословие, национальность, занятие, национальность и возраст мужа, время наступления первой менструации, выхода замуж, наступления климакса, первых и последних родов, исход каждых родов, количество детей. Большое внимание Грынцевич уделял социальному положению, отдельно определял показатели для каждого сословия: мещанок, казачек, крестьянок, “привилегированных”, “инородок”. Особое внимание учёный уделял женщинам, принадлежащим к старобрядческой секте так называемых семейских, считая их носительницами чистейших славянских черт, без примеси “инородческого” элемента. Помимо собственных данных Ю.Д. Талько-Грынцевич использовал статистику, полученную от акушеров (так называемых *повивальных бабок*), они сообщали окружному врачу об общем числе рожениц, количестве первородящих, умерших, оперируемых, заболевших послеродовыми болезнями, количестве живых и мёртвых новорожденных, а также о числе детей, умерших в течение месяца⁷⁵.

⁷⁵ ГАЧО, 1 вр., оп. 2, д. 360, л. 212.

В результате своего исследования и сопоставления с данными, собранными в Звенигородском уезде Киевской губернии (где он долгое время работал врачом) Талько-Грынцевич установил, что первая менструация наступает в Забайкалье в среднем в возрасте 16-ти лет, причём у буряток позднее, чем у русских. Для девушек привилегированных сословий характерно более раннее начало менструации – в среднем в 15 лет. Если сравнивать средние цифры по Забайкалью с аналогичными в Западной Европе и России, это средние показатели. Средний же климактерический возраст для забайкальских женщин – 46 лет. В Европейской России этот возраст – 44 года⁷⁶. Таким образом, в Забайкалье, по сравнению с Европейской Россией, женщины начинают менструировать несколько позднее, но и климакс у них наступает на два года позже. Если же взять продолжительность всего репродуктивного периода (от начала менструации до климакса), то у забайкальских женщин он меньше, чем у европейских. Ю.Д. Талько-Грынцевич наблюдал совершенно здоровую женщину, имевшую троих детей, у которой никогда не наступали месячные. С точки зрения науки этот феномен необъясним и сам по себе невозможен, хотя, доверяя словам учёного, здесь, вероятно, можно говорить о медицинской казуистике.

Первые роды у женщин наступали в среднем на 20-м и 21-м году жизни, преобладающий пол младенца – мужской. Последние же роды наступали чаще всего на 39-м и 40-м году жизни, преобладающий пол младенца – женский. На 100 родившихся младенцев приходилось примерно семь выкидышей. Многоплодные роды (двойни и тройни) встречались в Забайкалье гораздо реже, чем в Европейской России. Грынцевич отмечал, что “ если частоту многоплодных родов считать выражением большей воспроизводительности организма женщины, то окажется, что в Забайкалье приходится не только меньшее среднее число родов на каждую женщину, но и меньше многоплодных родов”⁷⁷.

Среднее же число родов на каждую женщину составляло 7, тогда как в Европейской России эта цифра возрастала до десяти. Количество бесплодных женщин в Забайкалье почти в два раза больше, чем в Европе. Таким образом, учёный сделал вывод о том, что репродуктивная функция женщин в Забайкалье значительно ниже.

Талько-Грынцевич проводил уникальный сравнительный анализ между особенностями половой сферы женщин Забайкалья и Европы, для Забайкалья такие данные были получены *впервые*. Результаты исследования Ю.Д. Талько-Грынцевича интересны и в том плане, что в настоящее время, спустя сто лет, сроки и продол-

⁷⁶ *Talko-Hrynczewicz J. Spostrzezenia objawow fizjologicznych zycia plciowego u mieszkanek powiatu Zwinogradzkiego i okolic do niego przyległych (gubernii Kijowskiej) // Zbior Wiad. do antrop. kraj., t. X. Dz. II. Akad. Umiej. Krakow, 1886, s. 15–18.*

⁷⁷ *Талько-Грынцевич Ю.Д. К вопросу об изучении... с. 42.*

жительность репродуктивного периода женщин значительно изменились.

В 1898 году вышла работа Грынцевича “Продолжительность жизни русского населения в Забайкалье”. Данные для неё были получены на основании записей смертности в одиннадцати церковных приходах за 23 года (с 1869 по 1891). В работе приводились данные об истории заселения русскими Забайкалья, об общем количестве русского населения Забайкальской области, а также сведения о числе умерших по возрастам за 23 года. Здесь вновь, как и в предыдущих работах, учёный проводил сопоставление данных по Забайкалью с данными по другим областям России. Рождаемость и смертность женщин оказывается гораздо выше мужской, поэтому мужское население преобладало над женским. Естественный прирост населения в Забайкалье составлял 1%, как и по России в целом. В декабре 1904 года на одном из заседаний Географического общества Ю.Д. Талько-Грынцевич вносит предложение помещать таблицы с регистрацией смертности по городу Троицкосавску в “Трудах” общества ежемесячно. Предложение было принято и выполнялось неукоснительно ⁷⁸.

Выше были подробно описаны исследования Ю.Д. Талько-Грынцевича, в которых он проводил параллель между климатом и заболеваемостью. К особенностям Забайкалья относилось большое количество целебных источников (к тому времени их было известно 90). Грынцевича весьма заинтересовал один из них, бивший над рекой Ямаровкой, в нескольких сотнях вёрст от Троицкосавска. Ранее Талько-Грынцевича исследованием этих вод занимался врач К.П. Козих.

Целебный источник был открыт местными жителями в 50-е годы XIX столетия. Бурят-зверолов бежал по кровавым следам подстреленного им изюбра и наткнулся на источник с кипевшей водой, напившись из которого, зверь ушёл дальше. С тех пор местные жители с целью лечения стали посещать целебные источники.

Пытаясь привлечь внимание властей к Ямаровке, Грынцевич опубликовал статью, посвящённую этому источнику, в “Трудах” Географического общества “Ямаровка как курорт и будущая санатория для Восточной Сибири”. В этой работе на основании бальнеологического анализа ямаровских вод были определены показания к её применению. К особенностям этой воды относились: её очень низкая температура (всего 1,5 °С), что способствовало растворению в ней в большом количестве углекислоты; непостоянство химического состава сухого остатка (в течение 30-ти лет было сделано 6 анализов воды и все они дали разные результаты). К основным, более или менее постоянным компонентам воды, относились: сернокислый натрий, кальций и магний, хлористый натрий,

⁷⁸ Труды ТКОПОИРГО, т. VI, вып. 2, 1903, СПб., 1904, с. 4–6.

двуокись калия, натрия, кальция, магния, железа; глинозём, кремнезём, фосфорнокислый кальций, двууглекислые железо и кальций. Однако не только воды, но и климат в окрестностях Ямаровки, по мнению Ю.Д. Талько-Грынцевича, исцелял больной организм. Меньшая разница зимне-летних температур, высокая влажность, чистый воздух благотворно влияли на людей с воспалением верхних дыхательных путей, способствовали отхождению мокроты и уменьшению одышки.

Как показала практика, воды Ямаровки идеально подходили людям с заболеваниями желудочно-кишечного тракта. Улучшалось состояние больных с привычными запорами и геморроидальными кровотечениями, язвой желудка, болезнями печени, причём действие вод могло быть очень быстрым. Для больных с патологией мочеполовых органов успешно использовались ванны из ямаровских вод⁷⁹.

Хотя за период с 1898 по 1903 год Ямаровку посетило около 700 пациентов, она оставалась совершенно необорудованной в качестве здравницы. Ю.Д. Талько-Грынцевич был глубоко убеждён, что источник ни в коем случае не должен использоваться властями в качестве доходного предприятия – пусть он будет доступен для всех слоёв населения. Больше число пациентов на водах дадут возможность врачам подробнее изучить свойства источника, его действие при различных болезнях. Вместе с тем должен проводиться более обстоятельный химический анализ вод Ямаровки. Что же касается изучения благотворных свойств климата будущего курорта, то Троицкосавско-Кяхтинское отделение Географического общества уже сделало первый шаг в этом направлении – создало здесь собственную метеорологическую станцию. К сожалению, надежды Ю.Д. Талько-Грынцевича на то, что власти в скором времени обратят внимание на целебный источник, не оправдались. Тем не менее Географическое общество, вдохновляемое Талько-Грынцевичем, не прекращало своей работы в этом направлении. Обстоятельно была изучена и описана флора и фауна в окрестностях целебного источника.

Ю.Д. Талько-Грынцевич считал, что вода Ямаровского источника должна вывозиться во все города и селения Восточной Сибири.

В начале этой главы мы упомянули о санитарной гигиене, выполнении правил которой в масштабе Округа непосредственно занимался Ю.Д. Талько-Грынцевич. По долгу службы он принимал участие в различных санитарных комиссиях. Санитарными делами в Округе заведовал Комитет общественного здоровья, который и создавал комиссии для проведения санитарно-гигиенической экспертизы. Комиссия обычно состояла из Троицкосавского окружного вра-

⁷⁹ Талько-Грынцевич Ю.Д. Ямаровка как курорт и будущая санатория для Восточной Сибири // Труды ТКОПОИРГО, т. VII, вып. 1, 1904, СПб., 1905, с. 36–70.

ча, ветеринарного врача и полицейского пристава. Сам акт экспертизы составлялся и подписывался только окружным врачом.

В 1898 году Ю.Д. Талько-Грынцевич проводил санитарно-гигиеническую экспертизу вновь открытого Верхне-Дуренского кожевенного завода купца Корнакова. Для этого завода кожи приобретались в Монголии и Маймачене, где обрабатывались без соблюдения санитарных норм и правил. Поэтому комиссия постановила, чтобы кожи привозились из Монголии минуя русские поселения, они должны быть тщательно покрыты брезентом, обмазанным дёгтем, смолой или керосином (из-за боязни заражения всё той же тарбаганьей чумой). Сырьё должно было привозиться только на заводских подводах и целиком поступать в выделку. Грынцевич также настаивал на приостановке “замачивания” кож в реке Чикое, так как вниз по течению находились русские деревни⁸⁰.

Приведём здесь дословно один из санитарных актов, составленных Ю.Д. Талько-Грынцевичем в результате проверки состояния золотых приисков.

“На промыслах системы реки Джиды “Молчанова и компании” разрабатывались 3 прииска, которые вместе затрудняли до 400 рабочих. При посещении мною промыслов 24 августа 1898 года заразные болезни среди осмотренных 263 рабочих не обнаружены. Последний санитарный осмотр был произведён в июле 1895 года. Промыслами заведует медицинский фельдшер, живущий на Глафиrowsком прииске, где находится главное управление промыслов. На этом прииске имеется особая летняя больница на 8 кроватей и в этом же здании аптека, имеющая свыше 300 медикаментов. Аптека содержится в порядке и чистоте. В особом рядом стоящем здании при квартире фельдшера имеется приёмная комната на 2 кровати больных. Осмотрены на Глафиrowsком прииске: баня для рабочих, пекарня и место отпуска мяса для рабочих по особой таксе. Хлеб и мясо оказались доброкачественными. Рабочие получают продукты с приисков и сами готовят пищу. Казармы для рабочих помещаются в трёх отдельных зданиях и состоят каждая из одного отдельного помещения. Вход в каждую со двора. В казармах помещается до 45 человек, остальные рабочие живут в отдельных избушках. В казармах приходится до 10 кубических метров воздуха на человека. Каждое помещение имеет посередине печку и по 2 окна, отчего в них замечается недостаток света. На Любавинском прииске 3 казармы, две в одном здании, имеют 16 и 12 кубических метров воздуха, а одна отдельная – 15 кубических метров. Помещения светлые. Недостатком устройства казармы является отсутствие хотя бы маленьких кладовых для пищи и одежды; во избежание несчастных случаев вышки, на которых рабочие спят летом и прячут своё имущество, имели двери и лестницы или были совсем

⁸⁰ ГАЧО, 1 вр., оп. 2, д. 360, л. 225.

заколочены. На прииске Никольском рабочие харчуются тоже сами, получая продукты по установленной таксе. Мясо и хлеб оказались доброкачественными. Вода ключевая, как и на предыдущих приисках, чистая и вкусная. Рабочие помещаются в трёх казармах светлых и чистых, в которых приходится на человека от 8 до 12 кубических метров воздуха. При казармах кладовки для хранения пищи. Баня, как и на вышеописанных приисках, дымная. Для временной помощи больным находится здесь покой на 2 кровати. Помещение тесное, а потому признано нужным, чтобы по количеству рабочих в летнее время покой был не менее, чем на 6 кроватей, тем более, что главная приисковая больница отстоит от Никольского прииска в 25 верстах. При прииске этом проживает фельдшер. На приисках в отчётном году обращалось за помощью к фельдшерам 1 496 человек. Наибольшее число обращающихся больных было с малярией (161), катаром дыхательных путей (158) и слизистым поносом (136)”⁸¹.

Приведённый выше один из многочисленных отчётов Ю.Д. Талько-Грынцевича свидетельствует о его профессиональной честности и высокой медицинской квалификации.

Анатомия и судебно-медицинская экспертиза

В обязанности Троицкосавского окружного врача входила судебно-медицинская экспертиза, которую нужно было проводить не только в самом Троицкосавске и округе, но иногда и в Селенгинском и Верхнеудинском округах. Такие судебно-медицинские экспертизы обязывали Ю.Д. Талько-Грынцевича к выездам по 8–10 раз в год, то есть почти ежемесячно. При огромных расстояниях каждая поездка длилась не менее двух недель.

В год Талько-Грынцевич производил около 30-ти вскрытий. В основном причиной смерти являлись: повешение, ранение острым орудием, ушибы, падение, утопление, отравление (неорганическими ядами, спиртом), апоплексия внутренних органов, самоубийство⁸². Талько-Грынцевич отмечает, что только в 30% смерть наступала от болезни, в остальных же либо насильственно, либо в результате алкоголизма. Окружного врача часто вызывали для медицинской экспертизы в Чикойский мужской монастырь – средоточие криминала, грабежа, драк и убийств, в которых участвовали и монахи.

Чтобы более конкретно представить работу судебно-медицинского эксперта, приведём здесь несколько отчётов Грынцевича по служебным поездкам.

“Совершил поездку в станицу Желтуринскую для вскрытия трупа найденного в колесе водяной мельницы инородца Цырена Орбаниева”.

⁸¹ ГАЧО, 1 вр., оп. 2, д. 360, л. 219.

⁸² ГАЧО, 1 вр., оп. 2, д. 360, л. 217.

“Совершена мною поездка в посёлок Токойский Желтуринской станицы для вскрытия удувившейся казачьей малолетки Анисии Паренсовой”.

“Совершена поездка для вскрытия трупа неизвестного человека, найденного в реке”.

“Выезд в Монголию на р. Орхон для вскрытия трупа убившегося при падении с высоты мещанина Вершинина, вскрытия убитого паровой машиной Плеханова на Джидинских промыслах”.

“Совершена поездка для вскрытия трупа неизвестного человека в станице Кударинской. При вскрытии обнаружена смерть от раздробления черепа”⁸³.

Остановимся более подробно на секционной работе Ю.Д. Талько-Грынцевича. Сохранилась инвентарная опись набора для судебно-медицинских вскрытий, которым пользовался Талько-Грынцевич. Нужно отметить, что и в наше время состав такого набора мало изменился. В первый ящик набора входили следующие инструменты: секционный нож Вирхова, грудино-рёберные хрящевые ножи, большая пила с откидным обухом, мозговой нож, большой и малый брюшистый скальпель, лекарский пинцет с зубцами, фельдшерский пинцет с зубцами, анатомические крючки (двойной и четверной), большие анатомические ножницы Рихтера, кишечные ножницы Клоке, анатомическое долото, механический молоток с крючком, рафиотом в виде пилы, ножевая пила, прямой циркуль, медная трубка (прямая и кривая), лупа, бритва, измерительная тесьма, медная линейка, катетер, длинный стальной зонд (желобоватый, малый стальной), иглы для швов, сифон оловянный инъекционный, разновес, баромокрометр, оловянная мензурка в 3 унции, циркуль Баделока. Во втором ящике находились: воронка, мензурка, спиртовка, стеклянная цилиндрическая чашка⁸⁴.

В Троицкосавске вскрытие производилось в комнате при общественной больнице, в станицах же часто в нанятых для этого помещениях или на открытом воздухе. При вскрытии Ю.Д. Талько-Грынцевичу ассистировал фельдшер Леонтий Фёдорович Бородастых. Большинство вскрытий производилось на 2-й или 3-й день, однако были случаи вскрытия через 1–2 недели. До вскрытия трупы летом сохранялись в погребах, зимой же их оттаивали, погружая в тёплую воду. Талько-Грынцевич всегда делал полное вскрытие трупа, начиная с тех органов, в которых предполагалось найти причину смерти.

Пользуясь возможностями судебно-медицинской экспертизы, Талько-Грынцевич проводил научное исследование головного мозга, причём до него никто в Забайкалье и даже во всей Сибири не занимался такого рода исследованием. Результаты проделанной рабо-

⁸³ ГАЧО, 1 вр, оп. 2, д. 308, лл. 7, 12, 17, 29, 33.

⁸⁴ Там же, 1 вр., оп. 2, д. 360, лл. 220, 221, 222.

ты стали основой статьи “Некоторые данные о весе мозга жителей Забайкалья”. Необходимо отметить, что в то время в Европе и Европейской России исследованием головного мозга занимались такие известные учёные, как французский анатом Брока и киевский анатом В. Беца, чьими именами названы структуры мозга (клетки Беца и двигательный центр речи Брока)⁸⁵. Ю.Д. Талько-Грынцевича интересовали прежде всего возрастные и расовые особенности мозга, и эти особенности, как считал учёный, выражались в его весе.

Всего Талько-Грынцевичем было взвешено 66 мозгов (48 мужских и 18 женских). Грынцевич делал оговорку, что в значительной степени причина смерти влияет на посмертный вес мозга; например, мозговое кровоизлияние или острое алкогольное отравление, вызывающее отёк мозга. Талько-Грынцевич подробно описывал методику, которой он придерживался при взвешивании мозга. Для определения отношения веса мозга к величине роста, сначала измерялся рост, а затем, после снятия волос, делалось три главных измерения головы: горизонтальная окружность, передне-задний и поперечный диаметр. Затем, после вскрытия мягких тканей и тщательного отсепаровывания мышц, повторялись те же измерения на костном черепе, чтобы установить разницу в размерах. После вскрытия полости черепа и отделения головного мозга от спинного на уровне перекрёста пирамид, мозг извлекался и линейным циркулем определялся длинник и поперечник большого и малого мозга. Мозг разделялся на три части. Правое и левое полушарие большого мозга отделялись друг от друга на уровне corpus callosum (мозолистого тела) проникновением скальпелем в узкую и глубокую щель между полушариями. Малый мозг отделялся от большого, в результате этого вытекало большое количество крови и мозговой жидкости (ликвора). Ввиду того, что не существовало специальных инструментов, позволяющих отделить мозг от мягкой мозговой и паутинной оболочек, мозг взвешивался с ними. Малый мозг при отделении от большого включал в себя четверохолмие, Варольев мост, продолговатый мозг и мозжечок. Таким образом, три части мозга взвешивались отдельно, а общий вес определялся арифметическим сложением.

Талько-Грынцевич, впервые проведя подобную работу в Забайкалье, пришёл к очень интересным выводам. Например, в подавляющем большинстве случаев вес правого полушария больше веса левого, причём это соотношение колеблется в разные периоды жизни. Общие выводы проделанной работы Ю.Д. Талько-Грынцевич определил так: “Средним весом головного мозга жители Забайкалья мало отличаются от такового жителя России. Русские в Забайкалье по небольшому весу мозга и по отношению веса мозга к росту наиболее приближаются к малому весу мозга великороссов, уступающих

⁸⁵ Привес М.Г. *Анатомия человека*, М., 1985.

в этом отношении многим племенам России. Буряты, напротив, имеют вес мозга значительно больший, как абсолютный, так и по отношению роста, и по тяжести мозга среди многих племён могут занять выдающееся место. Что же касается большого мозга, то таковой, в среднем, у жителя Забайкалья мало отличается от среднего жителя России; русские в этом отношении мало отличаются от великороссов, буряты же имеют как абсолютный, так и относительный вес большого мозга по отношению ко всему мозгу – больший. Малый же мозг у русских забайкальских немногим меньше по весу, чем у жителей России; у бурят значительно тяжелее. Вообще, можно сказать, что разница в соразмерной тяжести отдельных частей мозга между русскими забайкальскими и бурятами меньше разницы веса всего мозга, как абсолютного, так и по отношению роста, при которой мозг является значительно более тяжёлым у бурят, чем у русских забайкальских”⁸⁶. Материалы для этой работы автор собирал 14 лет (с 1892 по 1906 год). Если учесть ещё и технику, по которой производились вскрытия, то становится понятным, что учёный проделал титанический труд.

Ю.Д. Талько-Грынцевич проводил и судебно-медицинское освидетельствование живых людей (определял степень тяжести ран и других повреждений). В то время по Сибири скиталось множество беглых каторжан и людей без паспорта. Как правило при поимке их приводили в полицейский участок. Обязанностью окружного врача было определить: сколько пойманный выдержит плетей. Как правило, почти всегда Грынцевич заключал, что плетей провинившийся не выдержит. Такое отношение к беглым красноречиво характеризует Талько-Грынцевича как истинного гуманиста.

Археология. Антропология. Этнография

Археология

Библиография трудов Ю.Д. Талько-Грынцевича включает в себя около 300 работ, многие из которых посвящены антропологии народов Российской империи и представляют большой научный интерес. По определению Талько-Грынцевича, “цель антропологии есть изучение жизни человека во всех отношениях, начиная с физической стороны, проявлений его духовной сферы и кончая жизненными физиологическими отправлениями...”⁸⁷.

Однако, особенно важным в отображении антропологии забайкальцев Талько-Грынцевич считал “изучение физическое или анатомическое современного человека, как живого, так и мёртвого, по-

⁸⁶ Труды ТКОПОИРГО, т. IX, вып. 2, 1906, СПб., 1909, с. 80–81.

⁸⁷ Талько-Грынцевич Ю.Д. К вопросу об изучении..., с. 3.

колений давно умерших и их культа в сравнении с современными”⁸⁸. Эту задачу помогла решить археология, которая предоставляла богатейший материал для антропологических исследований. Таким образом, предметом изучения в Забайкалье стали как палеоантропология, так и антропология современных форм. При изучении антропологии народов, населяющих Забайкалье, Талько-Грынцевич делал основной упор на соматологию, в том числе изучал физическое строение человека, его конституцию, полиморфизм представителей различных человеческих популяций; и в особенности на этническую антропологию, при этом изучал происхождение, хозяйственно-культурные уклады, расселение племён, устанавливал родственные и иные связи различных этнических групп населения⁸⁹. Как врач Талько-Грынцевич не мог не обратить внимания на особенности онтогенеза представителей различных народностей.

Представляется необходимым сказать здесь несколько слов о состоянии антропологической науки в XIX – начале XX вв.

Антропология в качестве самостоятельной дисциплины выделяется из круга естественных наук в середине XIX века⁹⁰. В России, как и в других странах мира, первые специальные антропологические научные учреждения и общества возникли в 50–60-х годах XIX века, стали издаваться первые работы по антропологии. Одним из основоположников отечественной антропологии являлся К.М. Бэр⁹¹. Именно Бэр впервые в России предложил классификацию черепа, основанную на точной системе его измерений в разных направлениях. Краниологическая система Бэра сыграла большую роль в истории физической антропологии и послужила рациональной основой для позднейших краниологических систем⁹². Когда Талько-Грынцевич начинал свою деятельность в области антропологии, эта наука не только в России, но и в большинстве других стран ещё не получила официального признания и оставалась вне программ университетов и академий. Накопление антропологических знаний протекало в России по двум основным русам: изучение особенностей физического типа различных народов, населяющих Россию, и развитие общетеоретических представлений по вопросу о происхождении человека. Ещё в 1805 году И. Венсович, один из основоположников антропологии в России, проводил чёткое разгра-

⁸⁸ Талько-Грынцевич Ю.Д. К вопросу об изучении..., с. 4.

⁸⁹ Райгородская И.А. Введение в антропологию, часть I, Антропогенез, Иркутск, 1997.

⁹⁰ Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Антропология, М., 1963.

⁹¹ Райков Б.Е. О жизни и научной деятельности К.М. Бэра // К.М. Бэр. История развития животных. Наблюдения и размышления, М., Изд-во АН СССР, 1950, т. 1, с. 400, 401.

⁹² Бэр К.М. Человек в естественно-историческом отношении // Русская фауна или описание и изображение животных, водящихся в Империи Российской, СПб., 1851, ч. 1, с. 389–623; *Он же*. О древнейших обитателях Европы // Западно-Русское географическое общество, СПб., 1863, кн. 1, с. 2–20; *Он же*. Описание черепов, вырытых из Александровского кургана // Древности Геродотовской Скифии, СПб., 1866, вып. 1, с. I–XVI.

ничество между антропологией в широком значении этого понятия – всеобъемлющей науке о человеке – и физической антропологией, которая занималась изучением строения человеческого тела, его физиологических функций и являлась, по его мнению, основой народной медицины.

Необходимо отметить, что накопление материалов о физическом типе разных народов России шло параллельно и в тесной связи с этнографическими исследованиями. Это красной нитью прослеживается во всех антропологических исследованиях Талько-Грынцевича.

Накопление антропологических сведений о населении России началось задолго до того, как были выработаны специальные методы антропологических исследований. Талько-Грынцевич применял антропометрические методы, разработанные в Париже профессором П. Брока, а также пользовался их модификацией – инструкцией московской школы антропологов во главе с А.П. Богдановым. Более того, Талько-Грынцевич следовал направлениям, разработанным в антропологии как зарубежными, так и отечественными учёными. Например, П. Брок произвёл сравнительно-анатомическую характеристику черепов современных парижан и черепов с древних парижских кладбищ⁹³. В Забайкалье Талько-Грынцевич составил сравнительно-анатомическую характеристику антропометрических показателей современных автохтонов, сравнивая их с останками в древних могилах; в Польше – сравнивал антропологический тип современных краковян и литовцев с останками со средневековых краковских и литовских кладбищ⁹⁴.

Талько-Грынцевич пользовался разработками профессора Богданова, считавшего, что сравнительная остеология – главная методика, на которую должен опираться антрополог в своём исследовании. Антропология вносит “в анатомический горизонт ширину и научность своего сравнительно-анатомического метода, вопросы анатомии человека получают новое значение и ведут к важным выводам о ней”⁹⁵. Выше уже упоминалось, что в последующем Талько-Грынцевич стал автором полного курса лекций по описательной анатомии человека и сравнительной анатомии рас и народов.

Богданов начал модифицировать и дополнять инструкцию Брока в 1865 году, этим методом выделения антропологических типов пользовался и Талько-Грынцевич. Поскольку в данном случае человек рассматривался с чисто физической стороны своей организации, эти вопросы, по данной инструкции, изучались методами и приёма-

⁹³ Ануцин Д.Н. О людях русской науки и культуры, М., Гос. изд-во геогр. лит., 1950.

⁹⁴ Талько-Грынцевич Ю.Д. Памяти Элизе Реклю // Труды ТКОПОИРГО, т. VIII, вып. 1, 1905, СПб., 1906, с. 58, 59.

⁹⁵ Богданов А.П. Соотношения в историческом развитии зоологических и медицинских учений. Вступительные лекции в курс зоологии для медиков, читанные в Московском университете в сентябре 1876 г., М., 1876, с. 25, 26.

ми, какими пользовалось естествознание. Так как во всех племенах наблюдаются значительные вариации, то ставился вопрос, что же “принимать здесь за характерный признак в этих видоизменениях: частость ли его проявления или наиболее типичное выражение его?... Метод средних чисел более объективен, более стоит вне произвола, но он, как и всякий вывод, основанный на изучении средних, даёт только частость проявления признака, большую или меньшую вероятность его наблюдения в данном населении или лучше в данной численности его особей, но грешит тем, что не выдвигает главного характеристичного от придаточного... Избрание наиболее типичного удобнее в том отношении, что оно даёт в одном представителе соединение признаков, особенно характерных, но оно субъективно, оно зависит от взгляда, часто от предвзятого мнения, не говоря уже об умышленном избрании типа, что также представляла антропология”⁹⁶. Грынцевич считал оба метода равноправными, подчёркивал значение наблюдения, умения исследователя выделить в населении характерных представителей, он овладел методом определения индивидуальных расовых типов. Его антропологическое исследование индивидуума состояло из двух частей: описательной (где визуально оценивались внешние покровы тела) и антропометрической, где сухой язык цифр выявлял особенность данной народности. Как и Богданов, Грынцевич подчёркивал значение унификации антропометрических приёмов, выполняющихся в строго определённой последовательности, которая теряется, если сразу несколько исследователей берутся за изучения отдельной группы населения, что совершенно недопустимо.

Талько-Грынцевич взял на вооружение и некоторые наработки другого современника, антрополога Д.Н. Анучина. Анучин занимался проблемой расового значения отдельных аномалий скелета, его основные разработки по этой теме вошли в книгу “О некоторых аномалиях человеческого черепа и преимущественно об их распространении по расам”⁹⁷. Талько-Грынцевич в работах, относящихся к антропологии забайкальских автохтонов, делал акцент не только на морфологические аномалии строения черепа и трубчатых костей как древних, так и современных обитателей Забайкалья, но и на особенности физиологии организмов различных народов, что в то время было возможно сделать только человеку, имеющему медицинское образование. Более подробно об этом аспекте его научной деятельности будет сказано ниже.

Как русская, так и французская школы антропологов вплотную занимались выявлением взаимосвязи между ростом населения и его географическим расселением. Талько-Грынцевич так-

⁹⁶ Богданов А.П. Антропологическая физиогномика // Антропологическая выставка, т. II (Приложение). Изв. ОЛЕАиЭ, 1878–1879, т. XXXI, с. 7.

⁹⁷ Левин М.Г. Очерки по истории антропологии в России, М., 1960.

же занимался этой проблемой, составлял сравнительные таблицы роста различных племён, что позволило ему сделать некоторые выводы по поводу общности происхождения некоторых народностей, по лингвистической группе, казалось бы, далёких друг от друга.

Большинство статей Талько-Грынцевича, касающиеся антропологии забайкальских народов, публиковались в московском “Русском антропологическом журнале”, редактором которого в то время являлся известный антрополог А.А. Ивановский. Ивановский считал, что антропологические группы нужно сравнивать между собой по “сумме разниц”. На основе суммы разниц по ряду признаков исчисляется средняя разница между каждыми двумя сравниваемыми группами и таким образом определяется степень сходства между народами. Несмотря на то, что Талько-Грынцевич долгое время сотрудничал с “Русским антропологическим журналом” и его редактором, он не принял на вооружение этот метод Ивановского, придавая большое значение таким важным признакам, как внешние покровы тела, их визуальная оценка антропологом.

Подводя некоторый итог о тогдашнем состоянии антропологической науки и места в ней работ Ю.Д. Талько-Грынцевича, следует сказать, что сама методика антропологических исследований учёного не являлась его собственной и не отличалась оригинальностью. Однако, поистине уникальным являлось сочетание антропометрического и физиологического исследования индивидуумов различных народов, что было доступно только человеку, обладающему медицинскими знаниями. Корифеи и основоположники русской антропологической школы не были медиками, их знание анатомии человека не были подкреплены глубокими знаниями его физиологии, а, как гласит постулат немецкого морфолога Р. Вирхова, “строение предопределяет функцию”. Как условия внешней среды влияют на изменчивость организма, как в связи с этим изменяется его физиология, а затем и морфология, как изучить эти физиологические функции? На эти вопросы невозможно ответить без специальных знаний и определённого практического опыта. Кроме того, всестороннее изучение человеческого тела было доступно только врачу, чем и занимался Талько-Грынцевич, в то время как морфологи-любители имели дело с ископаемыми останками, или, в лучшем случае, им удавалось получить согласие живых обследуемых на измерение роста. Уникальность исследований Талько-Грынцевича заключается в их всесторонности, именно в его работах антропология представляется нам “наукой о человеке”, а не только о его ископаемых останках.

Необходимо отметить, что ещё до приезда в Забайкалье Талько-Грынцевич прославился своими антропологическими и археологическими исследованиями на Украине. “Сами обстоятельства привели меня на путь, отвечающий моим увлечениям”, – сообщает учёный в

своих мемуарах⁹⁸. Работая врачом в Звенигородке Киевской губернии, Талько-Грынцевич часто ездил к больным в местечко Рыжановку. Немного в стороне от дороги, ведущей из Звенигородка в Рыжановку, находилась группа курганов (их было около 20-ти). Курганы стояли на ровной безлесной поверхности, покрытой толстым слоем чернозёма, возделываемого сотни лет. Они разрыхлялись плугом и утрачивали свою первоначальную форму, постепенно сравниваясь с землёй. Талько-Грынцевича очень заинтересовало их культовое назначение и содержимое. Курганы стояли на земле, принадлежавшей Анджею Грынцевичу, кузену Юлиана. Поэтому у него не было проблем с получением разрешения на раскопки. В апреле 1884 года Талько-Грынцевич принял за исследование самого высокого кургана – от основания до вершины имевшего около 12-ти метров. С западной стороны он образовывал некое подобие порога, поднимавшегося над поверхностью земли на 4 метра. Наняв 15 рабочих, Талько-Грынцевич предпринял раскопки кургана накрест двумя канавками. Работа заняла, примерно, 10 дней. В верхнем слое земли, кроме сгнивших древесных пней и костей грызунов был обнаружен небольшой треугольный бугор из плотной серо-жёлтой глины. Рядом с ним лежало несколько кусков угля, обломки бараньих рогов, конские кости, покрытые осколками двух разбитых греческих амфор. Докопав до нетронутой земли и окончательно убедившись в безуспешности дальнейших раскопок, Талько-Грынцевич счёл нужным прекратить исследование кургана. Однако, весной 1887 года стали распространяться слухи, что крестьяне, проезжавшие по дороге, останавливаются возле кургана, извлекают из него ценные предметы и продают их евреям. Снова осмотрев курган, Талько-Грынцевич удостоверился, что в западном конце его, на месте вышеупомянутого порога, после весенней оттепели образовалась большая четырёхугольная яма в форме широкого колодца, имеющая в длину и ширину около трёх метров, в глубину – примерно два метра. Некоторые предметы Талько-Грынцевичу удалось выкупить у крестьян, среди них: большая амфора из красной глины, бронзовая миса, несколько сот золотых изделий, диадема из золотых бляшек. На бляшках были отчеканены две фигуры, одна из них в левой руке держала меч, а в правой – рог изобилия; другая в правой руке держала скипетр, в левой – баранью голову, вокруг её шеи обвилась змея. Полагая, что под обвалившейся землёй находится больше предметов, Ю.Д. Талько-Грынцевич обратился в Краковскую Академию Искусств с просьбой прислать своего делегата для проведения дальнейших раскопок. Антропологическая комиссия Академии Искусств, признавая научную важность открытия, осенью 1887 года направила своего делегата Г.О. Оссовского, с которым Грынцевич продолжил раскопки. Уже спустя полтора часа после их начала, под порогом кургана они наткнулись на ката-

⁹⁸ Талько-Грынцевич Ю.Д. Сибирские..., с. 28.

комбу, построенную на его краю в качестве ложной гробницы. Когда-то из неё была вынесена глина на середину в длинный подземный коридор, и на этом месте насыпан курган. У входа в могилу археологи обнаружили выступ, на котором стояло несколько маленьких глиняных сосудов. В могиле лежал скелет женщины среднего роста, положенный на мох, что по Геродоту являлось знаком царского происхождения. В одной руке женщина держала бронзовый сосуд, сбоку имеющий прекрасно выделанный носик в форме львиной пасти. Внутри сосуда находилась небольшая серебряная ваза с ажурными стенками, искусно выполненная, относящаяся к эпохе расцвета греческих колоний на Чёрном море. На стенках вазы были изображены сцены погони псов за тиграми. Рядом стояла серебряная миска с ручкой и чёрная глиняная урна, лежали изделия из кости: шило, ложечка, иглы. По обе стороны от головы находились золотые наушники в виде слонов с висюльками. Шею украшало прекрасное золотое ожерелье, состоящее из бляшек двух видов: одни были круглыми, в форме розеток; другие – вогнутые, с отверстиями для нанизывания. Короткие рукава платья были украшены рядами золотых треугольных бляшек, называемых волчьими зубами, вставленных одна в другую острыми концами. На всю одежду были нашиты узоры из 390 золотых украшений округлой формы в виде розеток разной величины. Все пальцы рук украшали золотые перстни, в два из которых вправлены золотые монеты с изображением бога-покровителя Пантикапея (греческой колонии на берегу Чёрного моря, около современной Керчи) и грифона. Монеты были ценны тем, что по ним оказалось возможным определить возраст захоронения (около 650–480 гг. до н.э.). На двух других перстнях изображался лук, колчан, грифон и пегас. Три кольца оказались гладкими, с приклепанным к золоту оловом, с грубыми и примитивными узорами. Ю.Д. Талько-Грынцевич сделал вывод, что перстни принадлежали народу с высокой культурой, в отличие от грубых колец, принадлежавших варварам. На руках были браслеты, на одной – серебряный, из толстой витой проволоки, закрученной спирально, на его изгибах крепились небольшие пуговицы, украшенные орнаментом; на другой – золотой. У ног лежали серебряные шарики для поддержания длинной одежды.

Раскопки продолжались до глубокой ночи. На дороге, ведущей к кургану, собралось множество любопытных проезжающих. Пользуясь полумраком и поспешностью, с которой велись раскопки, рабочим удалось взять некоторые ценности.

Ю.Д. Талько-Грынцевич пришел к выводу, что Рыжановский курган был насыпан кочевниками – скифами, это доказывало, что этот народ селился так далеко к северу от Крыма, где археологами были обнаружены похожие захоронения.

При раскопках Рыжановского кургана Талько-Грынцевич впервые провел антропологическое исследование останков, найденных в захоронении. И здесь ему, как никогда, помогли медицинские позна-

ния в области анатомии человека. Как, например, отличить останки молодого человека от индивидуума в старом возрасте? Самое простое – по костям черепа, поскольку именно череп лучше всего сохраняется в погребениях. Если череп принадлежал молодому индивидууму, то сами контуры костей черепа более гладкие, альвеолярные отростки верхней и нижней челюстей хорошо выражены, свод его тонкий, швы не сращены, губчатое вещество развито умеренно. Если же мы видим череп человека пожилого, признаки будут совсем другими: выраженные височные и выйные линии – места прикрепления жевательных, позвоночных и шейных мышц; атрофированные и истончённые альвеолярные отростки челюстей, массивный свод черепа с разросшимся губчатым веществом, заросшие швы, выраженные надбровные дуги и сосцевидные отростки⁹⁹. Часто череп молодого мужчины трудно отличить от черепа женщины. Здесь на помощь приходит другой дифференциальный признак – кости таза. Талько-Грынцевич с большой тщательностью производил измерение таза, его выводы таковы: женский таз меньше по размеру, но зато шире и глубже мужского, кости его более тонкие, крылья подвздошных костей – развёрнутые; мужской таз массивный, мелкий и узкий, крылья подвздошных костей обращены кнутри.

Талько-Грынцевич проводил только основные, самые общие измерения, перечень которых содержался в инструкциях по антропометрии того времени. Конечно, в наше время перечень этот несоизмеримо увеличился, а методика стала более совершенной. Приведём здесь некоторое сравнение между объёмом исследований костных останков в наше время и тем, какие измерения выполнял Талько-Грынцевич.

Начнём с антропометрии трубчатых костей скелета. Талько-Грынцевич ограничивался только измерением абсолютной длины плечевой, лучевой, локтевой, бедренной, большеберцовой и малоберцовой костей. В настоящее время им дают более развёрнутую характеристику:

– плечевая кость: наибольшая длина, вся длина, верхняя и нижняя эпифизарная ширина, наибольший и наименьший диаметр середины диафиза, наименьшая окружность диафиза, окружность середины диафиза;

– лучевая кость: наибольшая и физиологическая длина, поперечный диаметр диафиза, саггитальный диаметр диафиза, наименьшая окружность диафиза;

– локтевая кость: наибольшая длина, физиологическая длина, передне-задний диаметр диафиза, поперечный диаметр диафиза, верхний поперечный диаметр диафиза, наименьшая окружность диафиза;

⁹⁹ Талько-Грынцевич Ю.Д. О человеческих костях, найденных в окрестностях Усть-Кякты (Забайкальской области), Иркутск, 1895.

– ключица: наибольшая длина, окружность середины диафиза;

– бедренная кость: наибольшая длина, длина в естественном положении, мышцелковая ширина, саггитальный диаметр середины диафиза, поперечный диаметр середины диафиза, верхний поперечный диаметр диафиза, верхний саггитальный диаметр диафиза, окружность середины диафиза;

– большеберцовая кость: полная длина, вся длина, наибольшая ширина верхнего и нижнего эпифиза, саггитальный диаметр середины диафиза, саггитальный диаметр на уровне *foramen nutritium* (питающего отверстия, где проходят костные артерия и вена), поперечный диаметр середины диафиза, поперечный диаметр на уровне *foramen nutritium*, окружность середины диафиза, наименьшая окружность диафиза.

В работах Талько-Грынцевича не обнаружены данные, характеризующие плоские кости, в частности лопатку, тогда как теперь считается важным определить её морфологическую ширину и длину, оценить по ней степень развития плечевого пояса. Не нашлось также отдельной антропометрической оценки подвздошных костей и крестца (кости, входящие в состав таза); Талько-Грынцевич ограничивался измерением тазовых конъюгат в целом:

– вход в таз: прямой и косой диаметры, крестцово-чашечный диаметр;

– широкая часть полости малого таза: истинный и поперечный диаметры;

– узкая часть полости малого таза: прямой и поперечный диаметры;

– выход таза – прямой диаметр.

Кроме того, Талько-Грынцевичем измерялись: наибольшая ширина и наибольшая длина таза, тазовый указатель, указатель входа в таз, окружность таза (по подвздошно-гребешковой линии), расстояние между передне-верхними подвздошными осями (*distantia spinae*)¹⁰⁰. Вышеуказанные конъюгаты таза широко использовались и используются в практическом акушерстве, поэтому Талько-Грынцевич и употребил эти широко применяемые размеры для характеристики таза ископаемых останков. В современной антропометрии характеризуют ещё и отдельные кости, составляющие таз, описывают длину и ширину крестца, величину его дуговой линии, измеряют ширину подвздошной кости и пр.¹⁰¹

Что касается краниометрических показателей, то и здесь, как уже было указано выше, Талько-Грынцевич ограничивался только самыми общими характеристиками абсолютных размеров и соотно-

¹⁰⁰ Талько-Грынцевич Ю.Д. О человеческих костях..., Иркутск, 1895.

¹⁰¹ Тихонов А.Г. Сравнение различных методов реконструкции параметров физического типа // Вестник антропологии, М., 1996, № 2. С. 168–181.

шений основных осей черепной коробки. Приведём здесь полный перечень размеров, определяемых Талько-Грынцевичем:

- окружности и дуги: горизонтальная окружность (лобная + затылочная), лобно-затылочная дуга, поперечно-ушная дуга;
- указатели: головной, высотный, лицевой, носовой, глазничный;
- диаметры: ушной, продольный, наибольший поперечный, высотный, височный, лобный, затылочный, внутренний глазничный, щёчный, скуловой, наибольший лицевой поперечный;
- ширина: лба нижняя, лба верхняя, височная, наибольшая, затылочная, между сосцевидными отростками;
- затылочное отверстие: длина, ширина;
- длина: черепа, основания черепа;
- лицо: длина, ширина;
- носовое отверстие: высота, ширина;
- полость носа: высота, ширина;
- глазница: высота, ширина, межглазничное пространство, глазничный диаметр;
- верхняя челюсть: высота, наибольшая ширина, ширина в зубных впадинах;
- нижняя челюсть: длина и ширина тела, высота отростка, ширина между углами, ширина между суставными отростками;
- нёбо: длина, ширина, нёбный указатель.

Конечно, в современной краниометрии нашли применение десятки новых размеров и вычисленные по ним производные. Талько-Грынцевич вообще не определял углов (угол профиля лба, общий лицевой угол, назомаллярный угол, зигомаксиллярный угол, угол выступления носа), а теперь эта методика измерения нашла широкое применение. В его работах не обнаружены и такие показатели, значимые сегодня, как, например, указатель выпуклости скуловой кости, указатель глубины челюсти и пр.¹⁰².

Методика краниологических исследований конца XIX – начала XX века находилась на довольно низком уровне с точки зрения современных антропологов. Тогдашние исследователи опирались в своих выводах на характеристику абсолютных размеров и соотношений основных осей черепной коробки, полагая, что сильная индивидуальная изменчивость лицевого скелета обесценивает его для целой расовой диагностики¹⁰³. Этой ошибки, естественно, не избежал и Талько-Грынцевич.

Попутно следует отметить, что в современной антропометрии решена проблема измерения лицевого скелета ископаемых гоми-

¹⁰² Беневоленская Ю.Д. Морфологические проявления феномена смещения на черепе человека и неандертальская проблема // Вестник антропологии, М., 1996, № 2, с. 216–227; Хохлов А.А. К вопросу об “особой евразийской формации” // Вестник антропологии, М., 1996, № 2, с. 129–147.

¹⁰³ Гохман И.И. Новая методика вычисления средних контуров краниологических серий // СЭ, 1962, № 2, с. 48–64.

нид. Несмотря на большую вариабельность лицевого скелета, его характеристика довольно типична для представителей отдельных рас. В последние годы разработана методика тригонометрического измерения лицевого скелета ископаемых черепов, то есть измерение угловых размеров скелета черепа. Авторами этой методики была создана система треугольников, описывающая размеры и форму лица, а также разработана схема измерения угловых размеров. Согласно проведённым исследованиям по данной методике определение средних арифметических изучаемых углов позволило выявить некоторые особенности формообразования лицевого скелета у рода *homo* в палеолите¹⁰⁴.

Необходимо отметить также, что применяя различные формулы, например, для расчёта роста по длине бедренной или большеберцовой кости скелета – формулу Ролле, Талько-Грынцевич неминусом допускал неточность, так как Ролле вывел свою формулу исключительно на европейском палеонтологическом материале и она непригодна для вычисления роста у представителей азиатских рас¹⁰⁵. Соответствующие поправки с учетом типа пропорций исследуемых групп была внесена Г.Ф. Дебецем¹⁰⁶. Поэтому необходимо, по нашему мнению, частичный пересмотр производных величин, полученных Талько-Грынцевичем при вычислении роста ископаемых останков.

На основании знаний по палеоантропологии Талько-Грынцевич определил, что скелет, найденный в захоронении, принадлежал молодой женщине хрупкого телосложения. Судя по обряду погребения, она была царского рода, быть может, дочерью царя или же его наложницей.

Общая стоимость драгоценных изделий из кургана составила около 7 500 рублей¹⁰⁷. Расставаясь с Г.О. Оссовским, Талько-Грынцевич обговорил с ним условия, на которых он жертвовал рыжановские находки Краковской академии наук. Академия обязалась опубликовать в отдельном издании описание этих находок, но коллекция должна была оставаться народной собственностью. Вскоре она приобрела широкую известность. Во время посещения Кракова австрийским императором Францем-Иосифом данная коллекция была ему представлена в качестве достопримечательности.

Рыжановский курган стал началом деятельности Ю.Д. Талько-Грынцевича в области антропологии. Для лучшей ориентации в ан-

¹⁰⁴ *Васильев С.В.* Тригонометрия лицевого скелета ископаемых гоминид // Вестник антропологии, М., 1996, № 2, с. 227–245.

¹⁰⁵ *Тихонов А.Г.* Сравнение различных методов реконструкции параметров физического типа // Вестник антропологии, М., 1996, № 2, с. 168–181.

¹⁰⁶ *Дебец Г.Ф.* Опыт определения веса живых людей по размерам длинных костей / VII МКАЭН, М., 1964, с. 115–137.

¹⁰⁷ *Эйльбарт Н.В.* Ю.Д. Талько-Грынцевич, вклад в археологию и антропологию Забайкалья // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии, Новосибирск, 2000, т. 1, с. 38, 39.

тропометрии, Юлиан Доминикович обратился к специалисту – профессору Сикорскому, который помогал начинающему антропологу выполнить важнейшие измерения. После изучения костных останков из украинских курганов, Грынцевич приступил к изучению живых украинцев, поляков, литовцев и евреев для написания фундаментальной работы “Народная медицина Южной Руси”. Эта монография была основана на антропологическом сравнении различных народов. Талько-Грынцевич собирал материалы, касающиеся заселения мазурами (одним из племен Центральной Польши) Южной Руси, они стали впоследствии основой его антропологического очерка “Поляки”. Для антропологических исследований Талько-Грынцевич объехал 10 губерний бывшего Королевства Польского, останавливался в 30-ти городах, число изученных им людей превышало 6 000. Обработка собранного материала велась совместно с профессором из Каменец-Подольска Иосифом-Антонием Ролле¹⁰⁸. В Кракове были опубликованы результаты совместных исследований Талько-Грынцевича и Г.О. Оссовского: “Материалы к палеоэтнологии украинских курганов” (1888), “Физическая характеристика украинского народа” (1890), “Физическая характеристика народов Литвы и Руси” (1894), “Физическая характеристика населения Подолии” (1896), “Материалы для физической характеристики древних восточных славян” (1908). В этот же период в Петербурге в польской газете “Край” были напечатаны работы по археологии и антропологии: “Украинские курганы. К доисторической археологии Украины” (1888), “Об антропологии вообще и её состоянии у нас” (1888), “Совместные археологические изыскания с Готфридом Оссовским и измерение ископаемых человеческих костей и доисторических” (1888–1889), “Из местной антропологии” (1888), “Мазурская колонизация юго-западных земель” (1890), “Из криминальной антропологии” (1892), “К антропологии чувашей” (1892).

По словам Ю.Д. Талько-Грынцевича, главной целью его приезда в Забайкалье было “изучение человека на Востоке”. Действительно, объём работы по антропологии и археологии, проделанной учёным в Сибири, огромен. Основой этой работы был материал, полученный при раскопках древних могил, а также результаты измерений живых людей. В данном разделе мы сначала опишем ископаемые останки, полученные Грынцевичем при раскопках доисторических кладбищ, а затем перейдём к результатам антропометрического исследования живого населения.

В 1894 году Ю.Д. Талько-Грынцевичем была предложена программа, внесённая в план работы Географического общества. Талько-Грынцевич предлагал заняться антропологическим изучением древних костей, производить раскопки доисторических могил.

¹⁰⁸ *Отамановский В.Д., И.А. Ролле.* Ю.Д. Талько-Грынцевич // Советское здравоохранение, 1962, № 8, с. 75–77.

Конечной целью учёного было пополнение библиографии по антропологии, по предложению известного специалиста в этой области науки, бостонского профессора В.З. Пайпли. Талько-Грынцевич стремился найти общие черты между племенами, ранее заселявшими территорию Забайкалья и его нынешними обитателями. Грынцевич пишет: “Раскопки могил, которые я производил в течение многих лет в западной половине Забайкальской области, рядом с нанесением на карту встречающихся археологических памятников, изучением наружного их вида и описанием различных обрядов погребения и представляли для меня не меньший интерес и с антропологической точки зрения, представляя человеческие остатки живших здесь ранее народов. Они являются необходимым дополнением исследования и рядом с культурой создают физический облик древних обитателей, указывая на то жил ли здесь один народ, хоронивший своих покойников при разных обрядностях, или несколько народов, а также антропологическую связь между ними, с современными инородческими племенами, занявшими их места, тем более, что если новые пришельцы и представили новый тип, не сродный с первыми автохтонами страны, то они могли воспринять и часть их вымирающих элементов”¹⁰⁹. На основании многолетних раскопок древних захоронений, Ю.Д. Талько-Грынцевич составил археологическую карту западного Забайкалья, представленную им в 1902 году Императорскому Московскому Археологическому Обществу. Данная карта была опубликована в материалах XII археологического съезда в Харькове¹¹⁰.

Летом 1896 года при поддержке Троицкосавско-Кяхтинского отделения Географического общества Грынцевич совместно с археологом Я.С. Смолевым (членом отделения Географического общества) произвёл раскопки Суджинского доисторического кладбища в Ильмовой пади. Кладбище располагалось в 20-ти километрах к северо-востоку от Троицкосавска, было овеяно множеством преданий и суеверных страхов. Талько-Грынцевич узнал о существовании данного кладбища от бурят, когда искал могилы для раскопок. Раскопки были продолжены летом 1897 года. Нехватка рабочих, удалённость кладбища от Троицкосавска и Кяхты, а также проливные дожди затрудняли работу, которая велась всего по несколько дней с большими перерывами. Даже при начале работ 5–7 июня во многих могилах почва на глубине 1-го метра оказывалась замёрзшей. Раскопки затрудняло и наличие во многих могилах большого количества огромных каменных плит и ледяных глыб, которые с большими усилиями разбивали ломом. С начала июля продолжительные лив-

¹⁰⁹ Труды ТКПОИРГО, т. VIII, вып. 1, 1905, СПб., 1906, с. 32.

¹¹⁰ *Талько-Грынцевич Ю.Д.* Древние памятники Западного Забайкалья (с картой их распределения) // Труды XII археологического съезда в Харькове, 1902, № 1, М., 1905, с. 492–505.

ни задерживали раскопки вплоть до полевых работ. Только в начале сентября, если не начинались ранние морозы, археологи могли работать в течение двух-трёх дней. Большая удалённость кладбища от города не позволила Талько-Грынцевичу доставить туда все извлечённые из могил кости, много костяков пришлось оставить на месте.

Суджинское кладбище тянулось с востока на запад, имело 3 километра в длину и 0,5 километра в ширину. Оно состояло как бы из пяти площадей, окружённых глубокими рвами, открывающимися в Ильмовую падь, которая прилегала к кладбищу с южной стороны. На этой площади располагалось 212 могил. Талько-Грынцевич догадался, что могил могло быть и больше, потому что не все они распознаны, многие из них закрыты деревьями и кустами или заросли травой.

Могилы не выступали над поверхностью земли, были обложены вокруг камнями, с воронкообразным углублением посередине. Форма их была четырёхугольная, реже – округлая. С южной стороны к захоронению вела аллея, выложенная камнями. Внутреннее строение могил было следующим. Углублённая середина сверху прикрыта небольшим слоем земли, дальше попадались камни и чем глубже, тем они были крупнее, в виде огромных каменных плит и глыб, перемешанных с землёй. Середина могилы была, как правило, выложена отвесно стоящими каменными плитами. На глубине 1–2 метров попадались кусочки угля или полубугленые листовничные брёвна. На глубине 1,5–4 метров находился гроб. Гроб представлял собой сруб, он был обыкновенно из очень толстых листовничных брёвен в один, два или три ряда. Сруб имел дощатое листовничное дно, а сверху – накатник из толстых брёвен, расположенных поперечно на расстоянии 0,5 метра от дна сруба. Длина сруба составляла 2–2,5 метра в зависимости от роста покойника и от количества погребённых с ним вещей, ширина – до 1 метра. Внутри срубы разделялись на две или три камеры. В самой большой камере помещался покойник и погребальный инвентарь, в меньших – животные. Сруб располагался в могиле по направлению с севера на юг. Внутри могилы сруб был облицован каменными плитами, а иногда обкладывался большими глыбами красной и жёлтой глины. Чаще всего хоронили одного покойника, реже двух, например, взрослого с юношей или ребенком. Скелет был обращён головой на север, иногда голова была повернута к левой щеке, скелет лежал с вытянутыми руками и ногами. Рядом со скелетом находили остатки красной материи. Возле ног или головы располагались глиняные сосуды, изделия из кости, железа, меди, серебра и золота. Вместе с покойником в сруб, но в отдельной камере, хоронили и домашних животных. Кости принадлежали быку, барану, козе, собаке, кулану, оленю.

Ю.Д. Талько-Грынцевич считал, что, исходя из обряда погребения, можно предположить, что древнее население Ильмовой пади в

основном занималось скотоводством. Учёный полагал, что по вещам, найденным в погребениях, чётко прослеживаются два культа – местный (первобытный) и принесённый извне: “Рядом с глиняной посудой, весьма грубой и первобытной отделки, выжженной из плохой глины, легко портящейся и рассыпчатой, мы находим сосуды из весьма крепкой и устойчивой глины, в отделке которой, как видно, применено было знание и опыт. Рядом с неуклюжей маленькой ложечкой или другими костяными орудиями, как, например, рукояткой от ножей местного, вероятно, изделия, мы встречаем очень изящной отделки маленькие разной формы миниатюрные ложечки, которые могли лишь иметь употребление лекарственное для дозировки, указывающее, что и забота о здоровье была присуща местным обитателям; рядом с костяными пластинками грубой отделки, могущими служить крышками сосудов, или тонкими листками золота, грубо обделанными и скреплёнными самым употребительным в то время металлом – железом, мы находим изделия из белой бронзы, полированное зеркало, штампованную пластинку или трубку костяную с резным на её стенках изображением дракона. Наконец, ткань материи для одежды, какую мы во многих могилах встретили, могла быть тоже привозною”¹¹¹. Талько-Грынцевич считал, что жители Ильмовой пади многое заимствовали из соседних южных стран и изящные предметы из захоронений принадлежали китайским, индийским и персидским ремесленникам.

Из 212-ти могил кладбища Ю.Д. Талько-Грынцевич и Я.С. Смолев ограничили вскрытием только 33-х, однако, содержимое захоронений было изучено с большой тщательностью.

Получив богатый остеологический материал из древних погребений, Ю.Д. Талько-Грынцевич приступил к его антропологическому анализу. По антропологическим данным скелеты населения Ильмовой пади принадлежали к очень древней и вместе с тем смешанной расе, по типу отличающейся от монгольской. Грынцевич сделал вывод об атлетическом телосложении древнего народа, отмечая присутствие сильно развитых шероховатостей для прикрепления мышц на плечевых, локтевых и бедренных костях, а это свидетельствовало о сильно развитой мускулатуре. К особенностям скелета учёный также относил уплощение большеберцовой кости и искривление малоберцовой, прободение плечевой кости в области её сочленения с локтевой, столбообразную форму бедра и выдающиеся шероховатые линии (*lineae aspera*) на бедренной кости. Эти особенности Талько-Грынцевич также приписывал хорошему развитию мышц. Что же касается искривления костей голени, позволим себе предположить, что таковое возникало ещё в детском возрасте в ре-

¹¹¹ Талько-Грынцевич Ю.Д. Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади Троицкосавского округа Забайкальской области. Палеоэтнологическое исследование, М., 1899, с. 35.

зультате постоянной езды верхом. Древнее племя было низкорослым, рост мужчин в среднем не превышал 160 сантиметров. В результате антропометрии черепа Талько-Грынцевич определил, что жители Ильмовой пади принадлежали к смешанной расе, у мужчин – среднеголовый тип, приближающийся к длинноголовому; у женщин – среднеголовый, приближающийся к короткоголовому. Некоторое различие в типах, по мнению учёного, указывало на значительное расовое смешение, которое претерпел этот древний народ. Мужские черепа отличались огромными размерами, значительно превосходя древнеславянские черепа. По высотному показателю черепа были ортоцефалическими, с узким лбом, небольшим затылком, большим длинным лицом (без особенной скуластости), малым носом, большими глазами, малым затылочным отверстием.

По данным Ю.Д. Талько-Грынцевича, погребения в срубках занимали небольшую территорию и тянулись с северо-востока от села Сухого ручья на юго-запад через село Эдуй; от станицы Киран до станицы Наушинской на протяжении 125 километров с центром культа этого погребения по течению реки Суджи и в окрестностях слободы Усть-Кяхта. Ближайшими от Троицкосавска местами этого погребения являлись Бурдун, Суджи, Наушки (могилы в Цараме и пади Ургун-Худуй). Погребения в срубках, находящиеся в перечисленных местностях, были изучены Ю.Д. Талько-Грынцевичем несколько лет спустя.

Грандиозный по масштабам памятник древней культуры принадлежал гуннам – кочевому племени, жившему здесь до Великого переселения народов¹¹². Столь систематическое и всестороннее изучение погребений в срубках было предпринято впервые в истории археологии¹¹³. Талько-Грынцевич является родоначальником гуннской археологии на территории Забайкалья. Он совершенно точно отнёс погребения в срубках к истории гуннов¹¹⁴.

При весьма запутанных исторических сведениях о гуннах, дошедших до нас по китайским, арабским и европейским источникам, Талько-Грынцевич попытался по собранным им антропологическим и археологическим данным установить принадлежность обитателей Ильмовой пади к тому или иному историческому прошлому: “Известная антропологическая связь этого типа с ургинскими метисами, образовавшимися от помеси подкороткоголовых северных китайцев с халхасцами и южными – длинноголовыми монголами, позволяет допустить общность их происхождения и связь между

¹¹² Константинов М.В., Эйльбарт Н.В. Юлиан Талько-Грынцевич и его мемуары // Гуманитарный вектор, 1997, № 1, с. 79–83.

¹¹³ Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ–Чита, 1994.

¹¹⁴ Гохман И.И. Антропологическое изучение Забайкалья в Троицкосавско-Кяхтинском отделении Русского географического общества // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, Л., 1977, вып. VII, с. 158–164.

длинноголовостью современных южных монголов и древним длинноголовым элементом, похороненным в срубках. Последние, по китайским источникам, не суть ли те из тюркских племён, которые в середине III в. до Р.Х. сплотились в одно могущественное государство “Хун-Ху”. Племена эти китайские источники делят на восточных и западных тюрков. Восточные тюрки состояли из уйгуров (“Ху”, область которых распространялась между Тангул-Ола и Жёлтой рекой и к югу от Тянь-Шаня до бассейна р. Тарима). Уйгуры (по-тюркски союзники) распались на 2 ветви. Первые из них, Он-Уйгуры (10-ти племённые), удалились на запад, тогда как другие, Торгуз-Уйгуры (9-ти племённые), распространили свои владения на юг до Жёлтой реки. Во времена царствования Мете (209–179 до Р.Х.) соединившись в одно государство, восточные и западные Уйгуры достигли наибольшего развития, покорили много государств и городов с иранским населением, и даже заставили китайского императора платить себе дань. По историческим сведениям резиденцией хана Торгуз-Уйгуров был город Кара-Корум на Орхоне. Хунское государство, распавшееся потом на северное и южное, пришло в упадок, в начале первое, а затем и второе в 215 г. по Р.Х.”¹¹⁵. Сопоставление цифр, полученных при антропометрии ископаемых останков, позволило сделать правильный вывод.

В 1996 году научная общественность торжественно отметила 100-летний юбилей открытия Ю.Д. Талько-Грынцевичем гуннского кладбища в Ильмовой пади¹¹⁶.

Однако, Талько-Грынцевич не избежал и целого ряда ошибок при исследовании гуннских могильников. Он полагал, что расовый тип населения, захороненного в Ильмовой пади, отличен от монголоидного. На самом деле, монголоидные особенности у черепов из Ильмовой пади явно преобладают. В остальном же его характеристика изучаемых скелетов правильна. Бесспорно, ценными представляются выводы о широком распространении долихокранной формы черепной коробки у древних обитателей Ильмовой пади (хотя при суммарном рассмотрении серия черепов характеризуется им как мезокранная) и о сложности антропологического состава.

Естественно, что наличие крайне скурых краниометрических данных, не во всех нюансах отражающих особенности той или иной древней народности, затрудняло для Талько-Грынцевича выявление отличий и сходства между краниологическими типами обитателей Ильмовой пади и современным населением Центральной Азии. Он почти интуитивно пришёл к выводу о причастности в формирова-

¹¹⁵ Труды ТКОПОИРГО, т. VIII, вып. 1, 1905, СПб., 1906, с. 46.

¹¹⁶ *Эйльбарт Н.В.* Юлиан Талько-Грынцевич – польский исследователь Забайкалья // Роль интеллигенции в духовном развитии общества. Вторые Иннокентьевские чтения, Чита, 1999, с. 40–44; *Она же.* Юлиан Талько-Грынцевич. Польша и Забайкалье // Молодая археология и этнология Сибири, XXXIX РАЭСК. Доклады, Чита, 1999, ч. I, с. 14–15.

нии антропологического типа гуннов двух долихокранных компонентов. Это предположение, скорее догадка, после изучения материалов из Иволгинского могильника в 1956 году, нашло впоследствии подтверждение¹¹⁷. Оказалось, что нарушен половой диморфизм по ряду признаков у гуннов из Иволгинского могильника. Женские черепа оказались чуть длиннее и значительно уже, чем мужские. Черепной указатель мужских черепов мезокранный, а женских – долихокранный, в то время как в однородной группе эти соотношения должны быть обратными¹¹⁸. Таким образом, спустя многие десятилетия, догадка талантливого исследователя нашла своё блестящее подтверждение.

Попутно отметим, что долгое время, да и теперь, касаясь вопросов палеоантропологии Забайкалья, всё новые и новые исследователи, занимающиеся проблемами хуннологии, прежде всего, обращались к работам Талько-Грынцевича как “патриарха” в исследовании истории края. Конечно, современная наука многое может прибавить к сказанному Талько-Грынцевичем, но это не умаляет значимости и фундаментальности его работ. Когда в середине 40-х годов XX века известный антрополог Г.Ф. Дебец взялся за написание труда по палеоантропологии СССР, опубликованного в 1948 году, территория Забайкалья была им целиком охарактеризована по материалам, собранным Талько-Грынцевичем и бережно хранимым в Кяхтинском музее¹¹⁹. В 1974 году антрополог Н.Н. Мамонова заново опубликовала краниологические материалы гуннского времени из раскопок Талько-Грынцевича¹²⁰. И.И. Гохман, работая над составлением итоговой работы по антропологии гуннского периода в Южной Сибири, тщательно изучил материалы раскопок Талько-Грынцевича. Занимавшиеся хуннологией и идущие по следам раскопок Талько-Грынцевича археологи П.Б. Коновалов, Г.П. Сосновский, А.П. Окладников, А.В. Давыдова начинали собственный поиск гуннских захоронений по описаниям Талько-Грынцевича. Об их работе более подробно будет сказано ниже.

Как уже отмечалось, объём работы, проделанный Талько-Грынцевичем в Забайкалье, поистине огромен. В Кяхтинском музее он собрал коллекцию из 73-х древних черепов. Несмотря на то, что после него в Забайкалье вели археологические и антропологические исследования десятки хорошо оснащённых и финансируемых

¹¹⁷ Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Иволгинское городище, СПб., 1995, с. 5–7. Она же. Иволгинский археологический комплекс. Иволгинский могильник, СПб., 1996, с. 6–7.

¹¹⁸ Гохман И.И. Новая методика вычисления средних контуров краниологических серий // СЭ, 1962, № 2, с. 48–64.

¹¹⁹ Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР // ТИЭ (новая серия), М., 1948, т. 4, с. 56–64.

¹²⁰ Мамонова Н.Н. К антропологии гуннов Забайкалья (по материалам могильника Черёмуховая падь) // Расогенетические процессы в этнической истории. Сб. памяти Г.Ф. Дебеца, М., 1974, с. 51–69.

экспедиций, количество черепов в этой коллекции увеличилось только в четыре раза. Таких блестящих результатов учёному удалось достичь при отсутствии средств для организации планомерных и масштабных исследований. Подробная публикация по археологии и антропологии древних могильников, проделанная Талько-Грынцевичем, сохраняет своё научное значение первоисточника и в настоящее время.

При недостатке средств и времени, Талько-Грынцевич, тем не менее, тщательным образом производил антропометрические исследования на ископаемом материале, старался вывезти с места раскопок как можно больше костяков и предметов для музея. Отметим, что вывезти многие материалы не представлялось возможным, поэтому очень часто приходилось ограничиваться антропологическими исследованиями костяков на месте, оценивая только основные параметры.

Следует отметить, что 80% всех известных ныне местонахождений памятников гуннов приходится на долю могильников, раскопанных в Забайкалье Ю.Д. Талько-Грынцевичем¹²¹. Но, как писал известный исследователь гуннских захоронений археолог П.Б. Коновалов, “как бы ни были ценны результаты работы наших предшественников, они являются лишь первыми ступенями научной разработки вопроса и требуют критического пересмотра и обобщения. За 60–70 лет, прошедших со времени открытия Ю.Д. Талько-Грынцевичем гуннских могильников, произошли большие сдвиги как в изучении древней истории народов Забайкалья, так и в методике археологических исследований. Поэтому обращение к нашей теме требует пересмотра имеющихся материалов на новой основе и исследования сохранившихся памятников с учётом всех достижений полевой археологической методики”¹²².

Погребения в срубках Талько-Грынцевич выделил в отдельную группу погребальных комплексов. Из нескольких сотен могил, раскопанных учёным на территории Забайкалья, он выделил ещё три группы, учитывая различия в обряде погребения и антропологические особенности костяков. Таким образом, Грынцевич создал собственную *классификацию* погребальных комплексов.

К первой группе костяков Ю.Д. Талько-Грынцевич причислял самые древние, относящиеся, по мнению учёного, к каменному веку. Похожий погребальный обряд более позднего периода Грынцевич объяснял тем, что каменный век на территории Забайкалья существовал ещё относительно недавно. Захоронения, отнесённые к каменному веку (херексуры), находились чаще в горах или на воз-

¹²¹ Крадин Н.Н. Империя хунну, Владивосток, 1996.

¹²² Коновалов П.Б. По следам Ю.Д. Талько-Грынцевича (Археологическая разведка хуннских погребений в Южном Забайкалье) // Труды Бурятского института общественных наук / БФ СО АН СССР, 1969, с. 156.

вышенных местах. Они были довольно крупных размеров, представляли собой большие кучи камней, уложенных в виде кругов, диаметром 8–12 метров с воронкообразным углублением посередине. С южной и восточной сторон к такой могиле вели каменные дорожки. В малых могилах на глубине 25–50 сантиметров попадались кости животных – оленя или домашнего быка, большие могилы являлись местом погребения людей. Оно было весьма поверхностным (0,5–1 метр), из-за свободного доступа воздуха и влаги останки подвергались разложению. Очень редко по разложившимся костям возможно было произвести антропологические исследования, однако, нередко удавалось извлечь неплохо сохранившиеся фрагменты черепа, которые и позволили определить антропологический тип древнего населения. Никаких предметов, кроме осколков грубой глиняной посуды, в подобных захоронениях обнаружить не удалось. Покойник лежал головой на север, иногда на подстилке из бересты. Подобные погребения были обнаружены в Шаманской пади, пади Аршан-Хундуй, в Цаган-Усунском могильнике на реке Селенге, в Улан-Хадые в Боргойской степи, в Угрюмовке, Штаб-лекарской заимке (недалеко от Троицкосавска), Тулту-Дабане, Сухом ключе.

К самым древним черепам каменного века Грынцевич причислял черепа, найденные в Сухом ключе. Среди них встречались экземпляры, относящиеся к трём совершенно различным типам, от крайне короткоголового до крайне длинноголового, что, по мнению учёного, свидетельствовало о существовании в Забайкалье трёх чистых, не смешанных между собой, древних рас. Рост мужчин составлял 164–180 сантиметров, женщин – 148–163 сантиметра. Крайне короткоголовую расу Ю.Д. Талько-Грынцевич описал как первобытного человека Восточной Азии.

Вторую группу составляли костяки из могил, выложенных по бокам каменными плитами, слегка выступающими над поверхностью земли, сверху иногда прикрытые такими же плитами (принадлежащие так называемым плиточникам). Такие погребальные комплексы встречались на возвышенных и каменистых местах, за рекой Хилок, в селе Тамире, в окрестностях села Бичуры. Погребения находились на глубине 0,5–1,5 метра и были разграблены ещё в древности. Гроб чаще всего был выложен камнями с примесью угля и пепла. Из предметов в захоронениях встречались: железные изделия, осколки ножей, наконечники стрел, глиняные горшки, бусы из яшмы, бронзовые позолоченные пряжки от лошадиной сбруи. Талько-Грынцевич отнёс плиточников к эпохе металла. На пряжках встречались изображения человеческих лиц, напоминавших тюрок. По сохранившимся трубчатым костям скелета Талько-Грынцевич заключает, что между ростом мужчин и женщин существовал большой разрыв. Средний рост мужчин составлял 175 сантиметров, тогда как женщин – всего 135 сантиметров. В краниологическом ти-

пе значительно преобладал короткоголовый, с узким лбом, умеренным затылком и крупным лицом¹²³.

К третьей группе костяков Талько-Грынцевич относил останки, извлечённые из особого вида погребений в гробах. Этот тип погребальных комплексов был обнаружен учёным в местности под названием Дерестуйский Култук, на правом берегу реки Джиды, а также в станицах Дурёнской и Шарагольской. Могилы в местности Дерестуйский Култук тянулись на расстоянии 10-ти километров вдоль берега реки, образуя огромный древний некрополь. Раскопки здесь велись в 1900–1901 годах, в них, помимо самого Талько-Грынцевича и его товарища Я.С. Смолева, участвовала и супруга учёного, Кристина Викторовна Талько-Грынцевич. За два сезона в этой местности было вскрыто 26 могил. Грынцевич считал, что такое огромное кладбище указывает на то, что именно в это место, на берег реки Джиды, окружённое горами, свозились умершие этого неизвестного народа. Быть может, данное место считалось священным. Настоящую форму могил восстановить было трудно вследствие их значительного разрушения. Только сверху они были обложены небольшим количеством камней. Гроб располагался на глубине 1–2 метров, поверх него часто находили черепа домашнего быка или барана. Покойник лежал в деревянном гробу, соответствующем его росту, головой на север. На внутренних стенках гроба в некоторых могилах были найдены прибитые с обеих сторон медные литые пластинки с ажурными узорами, изображающими бой животных. В гробах находили также изделия из бронзы: пряжки с изображением львиных голов и агралаи, бисер, разноцветные стеклянные, сердоликовые, яшмовые бусы, бляшки из листового золота с отчеканенным изображением мифических животных, осколки глиняных горшков, куски истлевшей ткани, китайские монеты (чохи), заплетённые в косу тёмные человеческие волосы. Ю.Д. Талько-Грынцевич считал, что данные захоронения относились к V–VI веку нашей эры, народ этот в значительной степени воспринял китайскую культуру, даже пользовался китайскими монетами¹²⁴.

Рост погребённых в гробах в среднем составлял 158–162 сантиметра, на трубчатых костях были сильно развиты отростки и шероховатости для прикрепления мышц. Черепа относились к крайне короткоголовым, имели узкий лицевой скелет, крупные глазницы и большое затылочной отверстие.

Племя, хоронившее своих покойников в гробах, Ю.Д. Талько-Грынцевич считал самым культурным из племён, живших на территории Забайкалья до нашествия орд Чингисхана. Учёный называл их киргизами или одним из пришлых тунгусских племён, которые

¹²³ Труды ТКОПОИРГО, т. VI, вып. 2, 1903, СПб., 1904, с. 8–23.

¹²⁴ Талько-Грынцевич Ю.Д. Население древних могил и кладбищ забайкальских // Бурятияведение, № 1–3 (5–7), Верхнеудинск, 1928.

жили на этой территории после упадка Хуннского государства. Этому народу, по мнению Грынцевича, принадлежали построенные на территории Забайкалья древние оросительные каналы, дороги для езды на телегах, часто находили железные и чугунные зубчатые колёса, котлы, сошники.

Таким образом, создавая упорядоченную классификацию погребальных комплексов, Ю.Д. Талько-Грынцевич исходил из двух вещей: особенности погребального обряда и схожести антропометрических показателей остеологического материала. Кроме того, он попытался “привязать” различные виды погребений к тому или иному историческому прошлому. Грынцевич, однако, отмечал, что окончательные выводы будут за учёными будущего: “Я буду весьма рад, если найдётся исследователь, который по костякам многих веков и на основании моих многолетних исследований и добытых мною фактов, раскроет нам, опираясь на исторические данные, далёкое прошлое обитавших здесь некогда народов. Но надо спешить, время не ждёт, древние памятники гибнут ежедневно, враждебные стихии разрушают не только могилы, но и их содержимое, предавая, таким образом, прошлое человечества вечному забвению”¹²⁵.

Впервые предложенная Талько-Грынцевичем обобщающая классификация древних погребений Забайкалья в настоящее время подверглась пересмотру. К памятникам каменного века Талько-Грынцевич совершенно справедливо отнёс открытые им захоронения в местности Тулту-Дабан. К тому же времени он правильно приурочил неолитические поселения в долине реки Селенги, по Чикою, Хилку и отчасти по Джиде, где встречались кремневые “ножики, нуклеусы, скребки, пилы, наконечники стрел, реже каменные молотки, резные раковины, изделия из кости и рога, и, наконец, керамика”¹²⁶.

Однако, к каменному веку им были ошибочно отнесены херексуры. Причиной этой ошибки явился найденный в одном из них череп “первобытного” облика, о котором говорилось выше. В действительности возраст херексуров несравненно более поздний. При раскопках небольших херексуров, осуществлённых Бурят-Монгольской археологической экспедицией в 1947–1949 годах, в них были найдены железные и медные изделия, а также обломки сосудов, которые позволяют датировать их примерно VI–IX веками н.э. и отнести к средневековым уйгурам, а не к каменному веку, как думал Талько-Грынцевич¹²⁷.

Необходимо отметить также, что, обнаружив в Тулту-Дабане вместе с каменными изделиями череп, который резко отличался от

¹²⁵ Труды ТКОПОИРГО, т. VIII, вып. 1, 1905, СПб., 1906, с. 47.

¹²⁶ Талько-Грынцевич Ю.Д. Население древних могил..., с. 3.

¹²⁷ Окладников А.П. Археологические исследования в Бурят-Монголии // ИАН, сер. ист. и филос., 1951, т. VIII, № 5, с. 440–450.

череп, описанного им в качестве “первобытной” монголоидной расы, Талько-Грынцевич объяснил этот факт, противоречащий его концепции тем, что Тулту-Дабанское погребение относится к более позднему времени, чем херексуры. Оно, по его мнению, “подтверждает только, что каменная эпоха в Забайкалье существовала ещё не так давно”. Этой неверной точки зрения он придерживался вплоть до 1926 года.

Памятникам, которые теперь считаются наиболее типичными для эпохи бронзы и раннего железного века Забайкалья, плиточным могилам, Талько-Грынцевич не придавал того значения, которое они заслуживают. Плиточные могилы он относил, правда, к “весьма древнему времени” и считал, что они принадлежали народу с более высокой культурой, чем строители херексуров, так как в них было найдено зеркальце из белой бронзы.

Талько-Грынцевич не смог, однако, отделить инвентарь собственно плиточных могил (“маяков”) от более поздних комплексов средневековой эпохи, например, с бронзовыми пряжками с изображением человеческих лиц и коронами на голове. После раскопок в долине реки Суджи, он пришёл к выводу, что строители плиточных могил жили одновременно с теми, кто хоронил своих умерших в срубных могилах. Если последние обитали по среднему течению реки Суджи и “достигли довольно высокой культуры”, знали железо, бронзу и золото, то первые обитали в верховьях рек, на вершинах гор, в лесах, вели кочевой образ жизни и были “народом низшей культуры”¹²⁸. Вопрос же о существовании в Забайкалье более древней культуры эпохи металла, бронзы и раннего железного века, предшествующей гуннской культуре, для него в целом оставался неясным. Однако, исходя из общей предпосылки, что за Байкалом должны быть представлены “все этапы культуры”, он допускал, что здесь могла существовать местная культура бронзового века, которая возникла после культуры каменного века или даже одновременно с ней.

О том, что Талько-Грынцевич допускал существование за Байкалом памятников бронзового века, свидетельствуют его слова о могиле № 7 в Шаманской пади около села Тамир, где была найдена бронзовая вещица “в виде уховёртки”. Он отнёс её из-за относительно хорошей сохранности кости и наличия бронзового изделия “к бронзовой эпохе”, в отличие от других соседних могил, которые принадлежали, по его мнению, более ранней эпохе, то есть каменному веку¹²⁹. Затем эта культура была вытеснена пришедшей из Китая в глубокой древности культурой бронзы и железа, то есть сруб-

¹²⁸ Талько-Грынцевич Ю.Д. Древние обитатели Центральной Азии // Труды ТКОПОИРГО, т. II, вып. 1 и 2, 1899, М., 19006. С. 63.

¹²⁹ *Он же*. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья VII // Труды ТКОПОИРГО, т. VI, вып. 2, 1903, СПб., 1904, с. 18

ных могил, но все эти культуры – камня, бронзы и железа – могли существовать, по его мнению, одновременно¹³⁰.

К такому выводу его привели, конечно, результаты раскопок забайкальских погребений, где ему ни разу не посчастливилось обнаружить предметы типичные для эпохи бронзы, а в плиточных могилах, впервые уверенно датированных эпохой бронзы после раскопок Г.П. Сосновского в 1928–1929 гг., ему встречались одновременно и бронзовые, и железные вещи. Следовательно, никаких других выводов на основании этих материалов сделать было нельзя¹³¹.

Итак, Талько-Грынцевич датировал плиточные могилы неправильно, считая их довольно поздними памятниками, но дал в целом верную характеристику имевшемуся в его распоряжении скудному антропологическому материалу, обратив внимание на выраженную короткоголовость черепов. В результате более поздних раскопок плиточных могил Г.П. Сосновским, А.П. Окладниковым, Н.Н. Диковым, И.И. Кирилловым численность антропологического материала из них увеличилась. Несмотря на плохую сохранность извлечённого остеологического материала, он оказался очень значимым. Прежде всего, полностью подтвердилось высказанное Талько-Грынцевичем мнение о брахикрании как наиболее характерной антропологической особенности населения, оставившего эти памятники. Однако, расовая диагностика данного антропологического материала на уровне рас второго порядка не только во времена Талько-Грынцевича, но и сейчас вызывает затруднения. От черепов современных представителей центрально-азиатской расы (во всяком случае, монголов и забайкальских бурят) черепа из плиточных могил отличаются гораздо более плоским лицевым скелетом и переносом. Байкальской же расе несвойственна такая высокая степень выраженности брахикрании, какая отмечена у черепов из плиточных могил¹³². Даже сегодня вопрос о роли населения Забайкалья в I тысячелетии до н.э. в процессе формирования антропологических типов современного населения Центральной Азии нуждается в дополнительном исследовании, хотя в общих чертах можно утверждать, что она была значительной. Окладников пришёл к мысли о вытеснении гуннами кочевого народа, оставившего после себя плиточные могилы, на территорию Прибайкалья, обнаружив там появление в конце I тысячелетия до н.э. плиточных могил, в которых оказался наконецник стрелы гуннского типа. Такого же мнения придерживался и Диков¹³³.

¹³⁰ Талько-Грынцевич Ю.Д. Древние обитатели ..., с. 63

¹³¹ Окладников А.П. Кяхтинский музей и его вклад в археологию Забайкалья // История и культура Бурятии, Улан-Удэ, 1976, с. 255–276.

¹³² Диков Н.Н. Бронзовый век Забайкалья, Улан-Удэ, 1958, с. 68, 69; Сосновский Г.П. Плиточные могилы Забайкалья // ТОИПК ГЭ, 1941, т. 1, с. 53.

¹³³ Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. III, Глазковское время, МИА, № 43, М.-Л., 1955; Диков Н.Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958, с. 68, 69.

Выше уже было упомянуто, что Талько-Грынцевич относил обряд погребения в гробах и захоронение в срубах к разным древним этносам. Если суджинские погребения в срубах он предположительно связывал с гуннами, то дерестуйские погребения в гробах склонен был датировать более поздним временем и связывать с киргизами или с одним из тунгусских племён. Однако последующие археологические открытия в Монголии, раскопки гуннских могил в горах Ноин-Ула, произведённые в 1923 году экспедицией П.К. Козлова с участием археолога С.А. Теплоухова, и сравнительное изучение в свете их забайкальских погребений показали бесспорное родство суджинских и дерестуйских погребений с ноин-улинскими. Таким образом, стала очевидна преемственность Талько-Грынцевича: в Забайкалье действительно имелись памятники материальной культуры гуннов. На одной лакированной чашечке, извлечённой из захоронения в Ноин-Ула, оказалась надпись китайскими иероглифами, из которых следовало, что сосуд сделан во II веке до н.э. Но в это время в степях Северной Монголии безраздельно господствовали гунны. Значит, величественные погребения в срубах могли принадлежать только им (это были захоронения гуннской знати)¹³⁴. После раскопок в Ноин-Ула открылась возможность сопоставления, датировки и определения забайкальских древних находок, открытых Грынцевичем. Суджинский тип своими грандиозными надмогильными сооружениями “со шлейфом” и малыми “рядовыми” могилами по внешнему виду и конструкции погребальной камеры почти повторял ноин-улинские могилы, а дерестуйские захоронения поражали с последними поразительным сходством, доходившим иногда до абсолютного тождества. Первые предположения учёных о таком сходстве монгольских и забайкальских памятников высказал и подтвердил Г.П. Сосновский раскопками в Забайкалье в 1928–1929 годах¹³⁵. В частности, он отождествлял по наружным признакам дерестуйские могилы с малыми (“рядовыми”, как он пишет) могилами Ильмовой пади. Кроме того, он обратил внимание на единичные случаи нахождения срубов в Дерестуйском Култуке, характерных для суджинского типа и на факт (хотя и не единственный) нахождения в Ильмовой пади погребальной камеры, которую можно классифицировать только как гроб¹³⁶. Вместе с тем Сосновский справедливо отметил некоторые различия между двумя группами забайкальских могил и предложил такую датировку: дерестуйские – вторая половина I века до н.э., суджинские (Ильмовая падь) – первая половина

¹³⁴ Гумилёв Л.Н. Хунну, СПб., 1993.

¹³⁵ Сосновский Г.П. О поселении гуннской эпохи в долине р. Чикоя // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР, вып. XIV, 1947, с. 23–25.

¹³⁶ Он же. Раскопки в Ильмовой пади // Советская Археология, 1946, с. 11–18; Он же. Дерестуйский могильник // Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935, № 1, 2, с. 17–23.

I века н.э. Таким образом, на основании вышеозначенного можно сделать вывод: суджинские захоронения в срубах и захоронения в гробах в Дерестуйском Култуке, раскопанные Талько-Грынцевичем, составляют один культурный комплекс, принадлежащий гуннам. Некоторые различия во внешнем и внутреннем устройстве погребений объясняются не только такими изменениями (политическими, социальными, культурными и т.д.), которые произошли в обществе гуннов за время их обитания в Забайкалье, но и теми природными условиями, в которых находились памятники в течение тысячелетий.

Выше были приведены те научные установки и взгляды Талько-Грынцевича, которые в последующем подверглись пересмотру. Об археологическом изучении гуннов следует сказать, что оно до сих пор основано на материалах нескольких выдающихся памятников, таких, как могильники в Ноин-Ула, Ильмовой пади, Дерестуйском Култуке и Иволгинском Городище¹³⁷. Ценность работ Талько-Грынцевича заключаются не только в огромном количестве обработанного им материала, но также и в том, что теперь не представляется возможным обнаружить многие местонахождения гуннских погребальных комплексов вследствие ряда причин – изменения ландшафта, смены названий населённых пунктов, рек, ручьёв и пр., неточностей в описании местонахождения могил, допущенных Талько-Грынцевичем. К тому же многие погребальные комплексы в настоящее время оказались разрушенными под воздействием сил природы. Поэтому ни одному из последователей Талько-Грынцевича в хуннологии (В.В. Попову, Г.Ф. Дебецу, Г.П. Сосновскому, А.П. Окладникову, А.В. Давыдовой, Р.Ф. Тугутову, Н.Н. Мамоновой, Е.А. Хамзиной, П.Б. Коновалову) не удалось ещё раз повторить его “гуннский маршрут”. Даже после тщательных поисков не были обнаружены описанные Талько-Грынцевичем могилы в местностях Гуджир-мыгэ, Оргойтон, Ургун-Хундуй, Усть-Кяхта, Суджи, Бурдуны, Сухой Ручей.

Подводя некоторый итог деятельности Талько-Грынцевича в сфере археологии и палеоантропологии, следует отметить, что помимо масштабности её отличительной чертой является и комплексность. При работе с археологическим материалом Талько-Грынцевич всегда производил антропометрию костяков. Он часто обращался к письменным источникам древних и современных народностей Центральной Азии, пытаясь таким образом определить принадлежность погребального комплекса. По мнению академика А.П. Окладникова, “особенно важно, что памятники, исследованные Ю.Д. Талько-Грынцевичем, систематически публиковались им

¹³⁷ Коновалов П.Б. Исследования погребальных памятников хунну в Бурятии // Исследования по истории и филологии Центральной Азии, Улан-Удэ, 1976, вып. IV; Руденко С.И. Культура хуннов и ноинулинские курганы, М.-Л., 1962, с. 6–23, 204.

в “Трудах отделения”. Эти тщательно подготовленные, добросовестно документированные чертежами, планами и фотографиями отчёты содержат драгоценные материалы по археологии Забайкалья. Они стоят на уровне лучших подобных публикаций того времени и полностью сохраняют сейчас своё значение, как первоисточник для дальнейшей исследовательской работы. Такой пример последовательной публикации отчётов о многолетних раскопках является, пожалуй, единственным для того времени в Сибири”¹³⁸.

Следы пребывания гуннов в Забайкалье Талько-Грынцевич открыл почти на четверть века раньше обнаружения Козловым гуннских захоронений в Ноин-Ула. Необходимо отметить, что погребения в срубах были обнаружены и до Талько-Грынцевича на территории Западной Сибири, о чём он упоминает в своих работах. Однако именно Талько-Грынцевич впервые связал погребения в срубах с историей гуннов. Ему принадлежат первые находки великолепных гуннских образцов звериного стиля, получившего впоследствии название скифо-сибирского. Ю.Д. Талько-Грынцевич по праву может называться основоположником хуннологии.

В настоящее время территория предполагаемого расселения гуннов в Юго-Западном Забайкалье значительно расширилась в сравнении с теми границами, которые определил своими раскопками Талько-Грынцевич. Самыми значительными открытиями в хуннологии после работ Талько-Грынцевича являются: Иволгинский могильник, где с 1956 года ведутся раскопки под руководством А.В. Давыдовой, а также могильники в Черёмуховой пади, где раскопки велись в 1957 году Р.Ф. Тугутовым и Н.Н. Мамоновой, а в 1965–1966 годах П.Б. Коноваловым¹³⁹.

Талько-Грынцевич собрал обширный и богатый материал, который впервые в совершенно новом свете показал культуру и жизнь древнего населения Забайкалья на одном из важнейших этапов его истории – при переходе от первобытнообщинного строя к государству.

Теперь изложим содержание антропологических исследований, проведённых Ю.Д. Талько-Грынцевичем на живых автохтонах, а также на так называемых семейских (старообрядческой секте, сохранившей, по мнению учёного, чистые славянские черты). Попутно рассмотрим и этнографические, и исторические данные, полученные учёным при изучении данных групп населения.

Антропология и этнография народов Забайкалья

Прежде, чем приступить к изложению результатов антропологических исследований живых людей Ю.Д. Талько-Грынцевичем,

¹³⁸ *Окладников А.П.* Кяхтинский музей..., с. 259.

¹³⁹ *Мамонова Н.Н., Тугутов Р.Ф.* Раскопки гуннского могильника в Черёмуховой пади // Археологический сборник, Улан-Удэ, 1959, вып. 1, с. 39–56.

скажем несколько слов о методике исследования, использованной им при выполнении своих работ. Антропологическое исследование живых индивидуумов Талько-Грынцевич делил на две части – описательную и антропометрическую. В описательной части говорилось о состоянии внешних покровов обследуемых, кожи, глаз, волос, черепа, лица, конечностей, носа, зубов, губ, подбородка, ушей, половых органов. В антропометрической части помещались таблицы, где приводились точные математические данные о величине тех или иных частей тела. Антропометрические исследования проводились Талько-Грынцевичем по двум инструкциям: французского морфолога профессора П. Брока и русского антрополога профессора А.П. Богданова (инструкция Антропологического отдела императорского Общества любителей естествознания, археологии и этнографии). Инструментальное антропометрическое исследование проводилось при помощи двух циркулей – толстотного и линейного, а также полотняной тесьмы и складного штатива для измерения роста. Исследования всегда осуществлялись днём, при хорошем освещении, как в приёмных покоях больниц, так и на дому у пациентов, реже – в юртах, а также в доме самого Талько-Грынцевича¹⁴⁰.

После проведённых исследований на каждого индивидуума заводилась специальная карта, где отмечались национальность, место рождения, род, возраст, внешние признаки (цвет кожи, волос и глаз, форма черепа и лица, ушей, губ, подбородка, носа), а затем и данные антропометрических измерений. На основании совокупности полученных данных проводился заключительный этап – суммирование результатов и выявление закономерностей.

Что касается описательных антропологических характеристик, то их перечень в настоящее время значительно расширился. У Талько-Грынцевича, например, не встречаются данные о высоте верхнего века, глубине положения глазного яблока, выступании подбородка, о размерах кончика носа, положении основания носа, высоте профиля, толщине верхней губы и пр.¹⁴¹ Однако, отсутствие характеристики данных признаков, принятых в современной антропологии, ничуть не умаляет ценность работ Грынцевича, в которых чётко показаны наиболее характерные внешние признаки народов Забайкалья.

В основном Ю.Д. Талько-Грынцевич исследовал людей, обращавшихся к нему за медицинской помощью. Обследования проводились часто и на рекрутах, ведь в обязанности окружного врача входило участие в комиссиях по рекрутскому набору, то есть в выездных

¹⁴⁰ Талько-Грынцевич Ю.Д. Материалы к антропологии и этнографии Центральной Азии. Записки АН СССР, вып. 1, Л., 1926.

¹⁴¹ Дубова Н.А. Антропология белуджей Туркменистана // Вестник антропологии, М., 1996, № 2, с. 53–84.

медицинских комиссиях, которые определяли состояние здоровья рекрутов, их пригодность к армейской службе¹⁴².

Талько-Грынцевич называл Троицкосавск “антропологическим центром” и “сокровищницей для антрополога”, поскольку в этом забайкальском городе население представляло собой конгломерат различных рас и народов. Удачными для своих антропологических исследований учёный считал поездки в Ургу, где можно было встретить все народы Центральной Азии, приехавшие на поклонение богдо-гэгэну. Вот как учёный описывает свои впечатления, полученные при знакомстве с Забайкальем и Монголией: “ Не будучи уже новичком в антропологическом исследовании, я, смотря издали на передвигающиеся передо мною разнородные типы, испытывал впечатления подобные тому, которые получаются при посещении ценных картинных галерей или выставок. Масса новых и свежих для меня предметов действовали до того ошеломляющим образом на воображение, что приходилось теряться. Благодаря множеству разнородных типов и видов, проходящих перед глазами, как в кинематографе, я, подобно многим приезжим, не отличал сразу бурята от тунгуса или монгола и даже не мог ясно усвоить себе тип китайца, что удивляло тогда русских автохтонов, привыкших к этим типам и, благодаря приобретённому навыку, свободно отличающих не только отдельные народности, но по типу, росту и осанке отдельные разновидности бурят, чего и я достиг лишь после многолетнего опыта”¹⁴³.

Итак, Ю.Д. Талько-Грынцевичем было антропологически исследовано 36 монголов-халхасцев, 574 бурят и 47 тунгусов.

Тунгусы проживали в отдельной местности Хододой по реке Иро в Монголии, расположенной в 200 верстах к юго-востоку от Троицкосавска, их называли иройскими хамнеганами (чёртовыми людьми). Талько-Грынцевич посетил их в мае 1903 года¹⁴⁴. В это время в Монголии вспыхнула очередная опустошительная эпидемия натуральной оспы, Талько-Грынцевич отправился туда с целью привитияномадам (то есть кочевникам) оспенного детрита. Талько-Грынцевич ехал в сопровождении фельдшера Леонтия Фёдоровича Бородатых, а также переводчика казака Шарагольской станицы М.Д. Кожевникова. Хамнеганы были заранее предупреждены о приезде врача и о бесплатных прививках против оспы. К сожалению, прививку смогли получить только жители ближайших местностей, большинство из них охотно согласилось и на антропологическое исследование. Талько-Грынцевич предварительно объяснял каждому цель данной процедуры, после измерений люди интересовались тем, здоровы ли они и сколько лет проживут. В течение ше-

¹⁴² ГАЧО, 1 вр., оп. 3, д. 78, л. 35.

¹⁴³ Труды ТКОПОИРГО, т. V, вып. 1, 1902, М., 1902, с. 46.

¹⁴⁴ Там же, т. VI, вып. 2, 1903, СПб., 1904, с. 4–6.

стидневногo пребывания в этой местности Талько-Грынцевич сделал все нужные исследования, причём местное население относилось к этому благосклонно, охотно подвергаясь довольно продолжительным измерениям.

Результаты вышеупомянутой поездки стали основой антрополого-этнографического очерка “К антропологии тунгусов. Иройские хамнеганы”. По мнению учёного, древнейшие поселения тунгусов располагались в низовьях Амура, откуда они продвигались на север и северо-запад, однако, будучи теснимы с юга бурятами, сами оттеснялись к северу якутов и селились на их территории. Грынцевич считал, что рассеянные среди монгольского, бурятского и якутского населения племена тунгусов следует рассматривать как остатки некогда многочисленного народа, ассимилировавшегося и утратившего свой язык и культуру. Однако, некоторые ветви тунгусского племени достигли некогда большого могущества. В X веке кидане, жившие у истоков Амура, завоёвывают Китай и основывают там свою династию, царствующую более двух столетий и завладевшую огромными пространствами от Байкала до Кореи. Эта династия была низвергнута другим тунгусским племенем Юэчжи, которое и сплотило Тунгусское государство. Племя маньчжур Талько-Грынцевич также относил к тунгусским, таким образом, правящую в Китае династию Цинь также можно считать, по Грынцевичу, тунгусской. Самая северная из маньчжурских орд, дауры, жившие по притоку реки Сунгари Нонни, завладели современным Забайкальем, которое и получило название Даурии. С приходом русских дауры ушли за Аргунь и их территорию заняли монголы. В Забайкальской области кочующие тунгусские племена назывались ороченами, а оседлые и обрусевшие – тунгусами. В настоящее время представители этой народности известны под названием эвенков¹⁴⁵. В то время они проживали преимущественно в Читинском и Баргузинском уездах. Тунгусы – охотники и рыболовы, однако некоторые из них жили осёдло, занимаясь скотоводством, хлебопашеством и перевозкой различных товаров. Грынцевич отмечал, что эксплуатируемые и спаиваемые тунгусы в большей своей части обречены на вымирание.

Иройские тунгусы, исследуемые Грынцевичем, жили среди монгольского населения, образуя как бы оазис, занимавший территорию приблизительно в 80 вёрст вверх по течению реки Иро. В верховьях этой реки, в центре тунгусского поселения, били Иройские горячие источники, вокруг них располагалось около 250-ти юрт, в которых проживало примерно 1 000 человек. Иройские хамнеганы были подданными ургинского богдо-гэгэна.

¹⁴⁵ *Мазин А.И.* Быт и хозяйство эвенков-ороченов (конец XIX – начало XX века), Новосибирск, 1992. *Василевич Г.М.* Эвенки, Л., 1969; *Туголуков В.А.* Следопыты верхом на оленях, М., 1969.

Нет никаких сведений о времени прихода хамнеган на место настоящего поселения. Талько-Грынцевич полагал, что они пришли гораздо раньше монголов, были оттеснены последними к северу, остатки же их сохранились среди монгольского населения как обособленная антропологическая единица, этнографически ассимилированная монголами. Под их влиянием тунгусы приняли ламаизм, забыли свой язык, нравы, обычаи и даже предания. Однако, несмотря на это, хамнеганы ясно осознавали, что являются чуждыми по крови монголам, у них существовала легенда, что три тысячи лет тому назад они жили на Алтае, затем стали постепенно продвигаться к Амуру. С Алтая на Иро они шли 30 лет. Хамнеганы считали, что являются родственниками других тунгусских племён.

Древние сказания и легенды тунгусов Талько-Грынцевич записал со слов местного ламы, хамнегана из пади Тангуя Дандзина. По словам ламы, этим сказаниям три тысячи лет. Талько-Грынцевич приводил в своей работе только некоторые из них, наиболее ярко отражающие мир первобытной фантазии кочевников. Вот одна из них, рассказанная Дандзином.

В местности, лежащей на западе и называемой Ганджу, один охотник пошёл на промысел, а в лесу случился пожар. Вдруг он увидел, что перед огнём ползёт большая змея длиной в 1 алдан (размах рук). Желая её спасти, охотник взял змею на длинную палку и отнёс в сторону, а сам пошёл дальше в лес. Там он встретил человека в дорогой белой одежде, сидящего верхом на белой лошади, который сказал ему: “ Ты мне оказал большую услугу, так как спас не змею, а моё дитя”. Он повёл охотника в дом и подарил ему за это маленькую золотую шкатулку, советуя открывать её только ночью, чтобы она не была замечена людьми, предупредив при этом, что в шкатулке сидит дочь, которая и будет его женой. Шкатулка эта ошастливила охотника. Он открывал её ночью, тогда из шкатулки выходила жена, в юрте делалось весело и богато, и охотник зажил хорошо. Но, к сожалению, благоденствовал он только ночью, днём же бедствовал. Желая иметь одинаковое счастье и днём, и ночью, он решил продать шкатулку, оставив у себя жену. Последняя стала упрекать мужа, говоря, что он продаст с этим и своё счастье. Действительно, когда красоту жены днём увидели люди, то разнесли о ней молву и весть об этом дошла до хана. Он послал тысячу людей с начальником к охотнику, чтобы отнять у него жену. Жена, уезжая, успела сказать мужу, чтобы он приехал к ней тайком через 25 дней. Охотник, одевшись в шубу из сорочьих шкур, пошёл к хану; жена уже издали его заметила и предложила хану посмотреть на человека в сорочьей шубе и начала смеяться, чему хан очень удивился, так как раньше никогда не видел её смеющейся. Веселье жены хану не понравилось и он велел убить человека в сорочьей шубе. Но ханша заставила прежде снять с него шубу, надела её на хана и отправила его к войску, повторивши вместе с тем ханское приказание. Войско,

не узнавши хана, убило его, а охотник, пробравшись в ханский дворец, стал царствовать как хан со своей женой.

Мир тунгуса, по словам Ю.Д. Талько-Грынцевича, был наполнен одушевлёнными силами природы, верованиями в сверхъестественную силу животных и растений. Тот же лама рассказал учёному тунгусскую легенду о тарбагане (байбаке).

В старину было три солнца. Однажды Бог сказал охотнику, что будет сильная засуха и что он должен застрелить три солнца, если же он этого приказа не исполнит, то в наказание превратится в зверя, который будет жить в земле, вместо воды пить росу и что у него будет отнят один палец. Бог превратил охотника в тарбагана, потомство которого расплодилось повсюду в громадном количестве; вся земля покрылась множеством нор и ям и людям стало опасно ездить по земле. Но когда Бог это увидел, то поймал тарбагана – бывшего охотника и повелел ему: “Уменьши число своих детей”. С тех пор тарбаганов стало меньше, и они начали водиться лишь в сухих местах, где поменьше воды.

Талько-Грынцевич также записывал переводы тунгусских народных песен.

Учёный отмечал крайнюю нищету, в которой жили тунгусы. Вдали от больших дорог, они практически были лишены заработка, который имели монголы, перевоза различные товары. Подати же, взимаемые с них богдо-гэгэном очень высоки и составляли от 5 до 100 лан с юрты.

Хамнеганы жили изолированно, не вступали в браки с монголами. Монголы же считали тунгусов диким и грубым народом, смеялись над их обычаями и суевериями. Грынцевич писал, что в былые времена охотничий промысел был для хамнегана единственным средством к существованию и возводился едва ли не в религиозный культ. Но со временем количество дикого зверя стало постепенно уменьшаться, в старину главными промысловыми животными были изюбры, северные олени, соболи, рыси, лоси; теперь охотились лишь за белками и козами. Некогда развитое скотоводство также пошло на убыль. Раньше многие хамнеганы имели до 60 голов крупного рогатого скота, 20–30 лошадей, около 300 овец. Чума рогатого скота в значительной степени способствовала уменьшению его поголовья, это подорвало экономическое благосостояние хамнеган.

Ю.Д. Талько-Грынцевич красочно описывал характер и обычаи тунгусов, называя их “дворянами Сибири”. Их нравы суровы, но они прямодушны и открыты. Основной чертой их характера является гостеприимство и желание помочь другим. Они интересуются всем окружающим, наблюдательны и миролюбивы. Благодаря влиянию ламаизма, хамнеганы обращали особенное внимание на религиозное воспитание детей, они более религиозны, чем монголы. У хамнеган значительно больше мужчин принимали “ламский обет”. Вот почему среди хамнеган было много грамотных, в

этом они значительно превосходили монголов. Грынцевич отмечал, что тунгусы более трудолюбивы и менее беспечны, чем монголы, приспособляясь к изменчивым условиям окружающей среды, они постепенно оставляли занятие охотой и скотоводством и уходили на заработки, чаще всего на прииски. Они не имели такой общественной иерархии, как монголы, поэтому их характер более независим. Тунгусы гораздо нравственнее монголов, краж и пьянства почти не встречалось. Хамнеганы – весельчаки, любители всяких сказок, разговоров и игр, отличались живостью и подвижностью от вялых и апатичных монголов. Талько-Грынцевич отмечал одну несимпатичную черту тунгусов – недоверчивость. Подводя итог описанным качествам номадов, учёный заключил, что всеразрушающее влияние, оказанное на Азию европейской псевдоцивилизацией, пагубно отразилось на многих народах, уничтожив корни их нравственных устоев.

Хамнеганы имели одну жену, женщины у них пользовались большей свободой и уважением, чем у монголов; мужчины обращались с ними мягче. В домашних делах муж часто помогал жене. Мужчины и женщины вступали в брачный союз в 18 лет, в семье чаще всего было 4–5 детей. Большую часть времени мужчина проводил на охоте.

Антропологическому исследованию подвергались только те хамнеганы, о которых было достоверно известно, что у них в трёх поколениях не было примеси бурятской и монгольской крови. В результате Ю.Д. Талько-Грынцевичем была составлена обстоятельная характеристика иройских хамнеган, отличающая их от ближайших соседей – бурят, монголов, китайцев. Вот как учёный описал этих автохтонов.

Рост хамнеган низкий, такой же, как и у забайкальских тунгусов, бурят и северных китайцев, однако выше, чем у монголов-халхасцев и якутских тунгусов. Рост юношей продолжался и после 20-го года жизни. Кожа преимущественно тёмная, волосы чёрные, с матово-голубым оттенком, реже с тёмно-красным, растительность на лице появлялась в виде отдельных седых волос в пожилом возрасте. Глаза карие, как у бурят и монголов, часто встречались смешанные цвета, например, зелёно-карие.

Хамнеганы отличались значительной величиной и высотой головы. Череп менее развит в длину, чем у бурят и китайцев, при более значительном развитии в ширину, в чём они уступали лишь бурятам. Большими размерами горизонтальной окружности они, как и забайкальские тунгусы, отличались от других автохтонов. По параметрам головы они крайне короткоголовые, однако, короткоголовость у них была выражена меньше, чем у бурят, тогда как забайкальские и якутские тунгусы подкороткоголовые. Лоб хамнеган узкий, прямой; затылок широкий, плоский, затылочная ширина значительно преобладает над лобной.

Лицо продолговатой формы, развито в длину вследствие значительной длины нижней трети лица и лба, при небольшой средней трети лица заметнее выступает ширина скул. Однако, благодаря меньшей ширине лица, их скуластость выступала слабее, чем у монголов и бурят. Межглазничное пространство менее широкое, нос шире и выше, чем у других, плоская форма носа встречается тоже чаще. Рот широкий, как у монголов. Нижняя губа толще и выступала вперёд. Косоглазие было выражено менее резко, чем у бурят, но сильнее, чем у монголов. Глазная щель шире, чем у монголов. Уши оттопыренные, шире и длиннее, нежели у бурят. Подбородок чаще широкий, реже круглый.

Длина туловища определялась Талько-Грынцевичем тремя способами, они дали разные результаты. Туловище, измеренное от макушки до копчика, как и расстояние между верхне-плечевым отростком и швом промежности, без головы и шеи, оказалась у них такой же длины, как у бурят, но длиннее, чем у монголов. Шириной плеч они не отличались от других автохтонов. Периметр груди у них такой же, как у монголов и больше, чем у бурят и северных китайцев. Окружность живота больше, чем у монголов и китайцев и меньше, чем у бурят.

Абсолютной и относительной длиной рук хамнеганы не отличались от бурят, но превосходили монголов, имели одинаковую с другими малую длину кисти. Длина ног такая же, как у бурят, но короче, чем у монголов. Длинной голени уступали всем другим автохтонам.

Талько-Грынцевич обращал внимание и на биологические особенности организма тунгусов. Они заключались в следующем. Организм хамнеган довольно рано начинал стареть. Первым признаком являлось раннее поседение волос при значительной их прочности, более поздними признаками являлись помутнение роговицы глаза с образованием валика и потеря зубов, отличающихся у них крепостью. На сколько раньше волосы теряли свой пигмент, на столько же функции роговицы и зубы сохранялись значительно дольше, чем у бурят, монголов и северных китайцев.

Ю.Д. Талько-Грынцевич отмечал, что, хотя иройские хамнеганы по происхождению и принадлежали к тунгусскому племени, но так как основной тип тунгуса пока не изучен, то он сильно отличался друг от друга в каждой из отдельных территориальных групп, не говоря уже о трудности в изучении с антропологической точки зрения, так как неизвестно, какие черты типа были присущи тунгусам, а какие составляли “постороннюю примесь”. Тем не менее загадка тунгусов, по мнению Грынцевича, является для антрополога одной из самых важных в истории Сибири. Антропологический тип тунгусов растворился в бурятском, монгольском и якутском. Учёный считал, что только изучение как можно больших групп тунгусов, расселённых по всей Сибири, поможет выявить характерные черты это-

го племени и выделить “посторонние примеси”. Это позволит определить, являются ли тунгусы отдельным антропологическим типом, или всё же принадлежат к монгольскому типу.

Самая многочисленная антропологическая группа, исследованная Талько-Грынцевичем – буряты и монголы. Талько-Грынцевич относил бурят к северо-восточной ветви монгольского племени, метисам монголов и якутов. Грынцевич записал несколько народных сказаний, в которых объясняется происхождение бурят, они весьма интересны и оригинальны. Приведём здесь одну из них, наиболее, на наш взгляд, увлекательную, где рассказывается о происхождении одной из ветвей бурят – хордейской.

К богатому и скуному буряту Хордею, живущему на берегу Байкала, нанялся пастух за жалованье по 3 копейки в год. Хозяин прозвал его Хордеем. Через год хозяин заплатил пастуху жалованье и, боясь, что тот будет просить прибавки, выгнал его со службы. Пастух пошёл к Байкалу и бросил в него своё годовое жалованье, как дань озеру. Пройдя некоторое расстояние по берегу, он вновь нашёл эти 3 копейки и поселился на этом месте. Сколько раз он бросал деньги в Байкал, столько раз и находил их. Хордей стал хозяином того места, в котором поселился. Через много лет явился к нему незнакомец и сказал, что прислан к нему озером, чтобы сказать, где он может найти себе жену в награду за то, что ничего не жалел для Байкала. Незнакомец указал Хордею место в камышах, куда прилетят лебеди и будут купаться; раздевшись, они окажутся русалками. “Выбери из них люблюю”, – продолжал незнакомец, – “и примечай, где она положит одежду, подползи и спрячь её. Когда лебеди выкупаются и станут одеваться, у твоей избранницы не окажется одежды, она станет твоей женой. Если она будет упрашивать тебя отдать одежду, не отдавай”. На заре Хордей подсмотрел в камышах, как купались лебеди-русалки, и спрятал одежду самой красивой из них. Как только солнце взошло и русалки стали одеваться, одна из них не нашла своей одежды, стала плакать, бегать по камышам и искать, а Хордей уходил всё дальше и дальше. Вдруг он увидел, что лебеди, жалобно крича, поднялись в воздух. Русалка стала перед Хордеем на колени, умоляя возвратить одежду, обещая за это разное богатство. Хордей отказался, и русалка вынуждена была стать его женой. Он привёл её в свою землянку, платье спрятал в ящик, который поставил под бурханами (божествами), а ключ опустил в Байкал, под камень, из-под которого забил горячий источник. Прошло много лет. У Хордея и женщины-русалки было уже 11 взрослых сыновей. Однажды старики-супруги сидели в юрте подле очага, и жена стала просить мужа отдать ей взятую у неё когда-то одежду. Старик долго не соглашался, но старуха его успокаивала тем, что она слишком стара и слаба для того, чтобы улететь, и сыновей ей будет жаль бросить. Наконец, старик согласился исполнить её желание, пошёл к озеру, достал ключ, вынул платье из ящика и отдал жене; она наки-

нула его, превратилась в лебедя и улетела из юрты через дымовое отверстие. Старик держал в это время в руках “барюды” (ухват для снятия чаши с огня), схватил ими жену за ноги, но не смог удержать, а только испачкал ей ноги сажей (с тех пор, по мнению бурят, у лебедя чёрные ноги). Хордей выбежал из юрты, но лебедь была уже высоко, когда она скрылась, тогда только Хордей опомнился и сказал плачущим детям: “Хайрин, хайринчи” (бедные, бедные сироты). От слова “хайринчи” и произошло название хоринских бурят, роды которых названы по имени 11-ти сыновей Хордея (некоторые из них разделились на два рода). С тех пор у хоринцев остался обычай: когда во время их трапезы над головой пролетают лебеди, то хоринцы встают и в сторону пролетающей стаи льют воду и бросают пищу в честь потомков своей прародительницы.

По сведениям Грынцевича, буряты разделялись на роды – “дугар”, а роды на кости – “ясу”. Талько-Грынцевич сделал попытку составления этнографической карты территориального расселения каждого рода. Всех исследованных бурят учёный разделил на 4 группы: селенгинских, хоринских, закаменских и кударинских.

Селенгинские буряты подчинялись Селенгинской степной думе и Цонгольской инородческой управе. У них существовала выборная должность главы рода, с которым русские власти и имели дело, решая вопросы управления автохтонами. Кочевья селенгинских бурят были разбросаны вдоль узкой пограничной полосы западной части Забайкалья, на западе, начиная со среднего течения реки Джиды и реки Темника, на востоке до среднего течения реки Чикоя; на севере их граница не доходила до города Верхнеудинска, а на юге тянулась до китайской границы.

Хоринские буряты кочевали по рекам Уде, Хилку и их притокам. Грынцевич считал, что хоринские и агинские буряты составляли в этнографическом отношении одно целое. Первые подчинялись Хоринской или Анинской степной думе, а вторые – Агинской. Кочевья отдельных хоринских родов были расположены по Чесану и Хубдуну, верхним притокам реки Уды.

Закаменские буряты, как считал Талько-Грынцевич, происходят от верхоленских, но так как на территории Иркутской губернии они смешались с аларскими, а позже, в местах нынешнего кочевья, с селенгинскими бурятами, учёный выделил их в отдельную группу закаменских бурят. Административно они подчинялись Закаменской или Цакирской инородческой управе, кочевали в лесах в верховьях реки Джиды и по её притокам – Цежи и Камнею.

Кударинские буряты подчинялись Кударинской степной думе, происходили из Верхоленского ведомства и выделены учёным в отдельную группу благодаря тому, что среди них ещё сохранился шаманизм (не приняли буддизма). Они кочевали близ устья реки Селенги и у берегов Байкала.

Буряты сохранили своё деление на роды, однако, более мелкое подразделение на кости – “ясу” уже в то время начало постепенно утрачиваться. Талько-Грынцевич считал, что именно изучение отдельных “ясу” пока они ещё не исчезли, является основным в работе антрополога и этнографа, тем более, что каждое “ясу” имело собственную историю, свои легенды и поверия. Буряты, выходцы из Монголии, сохранили даже предание о том, чьими они были подданными до прибытия в Забайкалье. Сами буряты считали, что не только отдельные роды, но даже и “ясу” были когда-то поделены между отдельными властителями Монголии.

Монголия или Халха со столицей Урга и с так называемой Да-Курэ (святым местом), была резиденцией богдо-гэгэна (живого Бога), “хозяина жизни и смерти своих подданных”. Халха являлась автономией в рамках Китайской империи, управлялась двумя амбанами (губернаторами), китайским, назначенным из Пекина (им обычно был богатый маньчжур, купивший эту должность) и монгольским. Оба амбана вместе подписывали все постановления, но китайский амбан имел решающий голос, а монгольский – только совещательный. Русский же консул в Монголии был всевластен.

Урга, столица Монголии, по словам Талько-Грынцевича, была очень оригинальным городом. В районе, где помещалась священная Да-Курэ или святое место, располагалась высшая школа буддийской теологии, где училось несколько тысяч юношей. Здесь жило около 30 000 лам, они располагались в юртах, поставленных неподалёку от дворца богдо-гэгэна. Урга являлась вторым буддийским центром после тибетской Лхасы, ежегодно сюда стекались десятки тысяч паломников.

Урга стала крупным торговым центром всей Азии, сюда везли кожи, меха, шерсть, чай, различное сырьё. Почти треть города занимали торговые склады и магазины.

Быт и обычаи монголов и бурят, как пишет Талько-Грынцевич, почти не отличались. Однако, оседлые буряты жили уже в так называемом “зимовье” – маленьком домике с тремя окнами и печью. Они засеивали поля и искусственно их орошали, подводя воду из ближайших рек и ручьёв. Некоторые занимались ремёслами, особенно славились хорошие плотники и кузнецы. Грынцевич считал, что западная цивилизация привила бурятам много отрицательных качеств – пьянство, азартную игру в карты, хитрость, угодничество, коварство, мошенничество и воровство. Монголы, по сравнению с бурятами, – простаки, дети природы, не испорченные цивилизацией, у них сохранился искренний и открытый характер, правдивость и благородство, чего уже не найти у бурят.

Кочующие буряты и монголы жили в войлочных юртах “гиртэ”, которые обыкновенно переносили по 4–6 раз в год с места на место. Юрта чаще всего имела шестиугольную форму, реже – четырёх или восьмиугольную, со всех сторон покрывалась войлоком, суживалась

кверху в виде усечённого конуса. Посередине крыши находилось круглое дымовое отверстие, в юрту вела маленькая дверь с высоким порогом. Под дымовым отверстием, прямо на земле или на месте, вымощенном камнем, разводили огонь, над которым ставили таган (треножник) для котла, в нём варили мясо, чай. Пол в юрте чаще всего был земляной. Напротив дверей, у противоположной стены, ставили алтарь – “бурханай ширэ” с культовыми принадлежностями для жертвоприношения. Самое почётное место у алтаря отводили ламам. По правую сторону от двери располагался хозяин и его семья. У более зажиточных у стены помещалась низкая узкая кровать. Рядом стояли сундуки с одеждой, горшки и другая домашняя утварь, ближе к входу развешивалась упряжь, в особой загородке складывались дрова или высушенный навоз “аргал” для топки очага. Слева от двери отведилось место для гостей. Гости располагались обычно на особых длинных тонких войлочных матрацах. Зимой вместе с людьми в юртах помещались молодые телята и овцы. Подле юрты отца селились дети и родственники. Для скота отгораживалось отдельное место. Группа родственных юрт образовывало поселение – “улус”. У беднейшего населения вместо юрт строились шалаши – “абакан хатур”, конической формы, прикрытые старым прокопчёным войлоком. В таких шалашах едва помещались двое сидящих людей, в них жили как зимой, так и летом.

Целые дни и ночи буряты и монголы проводили в юрте, поддерживая огонь в очаге. Спали раздевшись донага. Буряты одевались в рубаху и штаны из синей американской хлопчатобумажной материи “дриллинга” (по-бурятски “далимба”), русского кумача и бязи. Женская одежда ничем не отличалась от мужской. Монголы на голое тело, а буряты поверх нижней одежды, надевали длинный халат из хлопчатобумажной синей материи, а богатые – из китайской шёлковой ткани разных цветов. Светские мужчины – “хара” – носили разноцветные халаты, брили голову, оставляя волосы на задней части темени и на затылке, которые они заплетали в косу. Принявшие духовный сан ламы носили жёлтые или красные халаты, короткие юбки вместо штанов и брили всю голову. Одежду буряты и монголы никогда не стирали, а носили её до тех пор, пока она не изорвётся и не спадёт. Мужчины опоясывали халаты шёлковым поясом, за который сзади закладывали нож. Ножны были разной формы, медные, костяные и серебряные с украшением и резьбой. Неотъемлемую принадлежность одежды составлял кисет для табака и огниво, висящие на одной цепочке с ножом. Отделка этой детали национального костюма являлась своего рода щегольством. За пояс у каждого была заткнута китайская трубка. Монголы курили китайский табак, а буряты покупали его у русских.

Летом монголы почти всегда ходили с непокрытой головой, иногда завязывали на ней платок; зимой надевали шапки, покрытые сверху шёлковой цветной материей, с ушами, козырьком и “наза-

тыльником”. Буряты носили такие же шапки, но меньшего размера, обшитые синей хлопчатобумажной материей. Женщины надевали такие же меховые шапки, в волосы вплетали серебряные пластинки, украшенные бирюзой, кораллами. Любимым украшением бурятские и монгольские женщины считали кораллы “маржан”.

Талько-Грынцевич отмечал, что монголы больше любили красоваться своей одеждой, нежели буряты. Летом в дождливое время монголы носили плащи из красного сукна с капюшоном и разрезами сзади, буряты – чёрное пальто с пелериной. Зимой более богатые монголы и буряты надевали шубы из рысьего или овечьего меха, сверху крытые сукном, шёлком или хлопчатобумажной синей материей; обшлага и опушку подола шили из меха выдры и лисицы. Кроме того, монголы и буряты зимой носили доху из шкур домашней или дикой козы, шерстью вверх. Летом они надевали обувь из дублёной кожи, а зимой – из шкур косули, иногда лося или изюбра, шерстью внутрь.

Талько-Грынцевич подробно изучил пищевой рацион бурят и монголов. Учёный пришёл к выводу, что невоздержанность в еде существенно влияет на высокую заболеваемость монголов и бурят. Главной пищей как монголов, так и бурят являлись молочные продукты, плиточный чай и баранина, изредка дичь, особенно козы и тарбаганы. Бедняки ели конину и даже падаль, а также скот, забитый волками. Птицу и рыбу они вообще не употребляли в пищу. Из оставшихся после еды костей варилась похлёбка с добавлением ячменя, иногда и пшеницы, так называемая костяная похлёбка – “ясуте-шулю”. Самые любимые кушанья номадов – жаренные на огне куски баранины (шашлык), а также кровяные колбасы, особенно овечьи. Чай они пили с коровьим, овечьим или козьим молоком, в него добавляли белое масло и “гуджир” (неочищенную соль). Монголы выпивали в день до 30-ти чашек чая, который, вместе с поджаренным просом, являлся единственной пищей бедняков. Из молока приготавливалось масло, излишек которого шёл на продажу, кроме того – “хёрмек” (простокваша), “хурут” (высушенный творог), “тарак” (сыр), “урум” – пенка, снятая со сливок, считающаяся главным лакомством. При перегонке молока монголы получали свой любимый напиток – “арак”, содержащий 15 % алкоголя. Монголы почти не ели хлеба; многие буряты, в особенности занимающиеся земледелием, ели пресные лепёшки, приготавливаемые из муки без дрожжей, которые пекли в золе подле очага. Ю.Д. Талько-Грынцевич отмечал, что монголы и буряты не знали меры ни в еде, ни в питье, могли зараз съесть до 10 фунтов пищи, в особенности мяса, а потом в течение суток и более ничего не есть. Монголы после обильного угощения массировали живот, катались по земле и часто вызывали у себя рвоту, чтобы освободить желудок от излишков пищи. Грынцевич писал, что пьяниц среди номадов мало, таковые чаще встречались вблизи городов, буряты же пристращались к русской или китайской

водке. Среди них очень мало запойных, но зато много таких, которые при случае могли напиться до безобразия. На семейных торжествах они выпивали огромное количество “араки”.

Наиболее распространенными болезнями номадов Талько-Грынцевич считал кожные, заболевания глаз и пищеварительных органов. Холод, большой перепад температур и несоблюдение санитарных правил способствовали развитию у них простудных заболеваний, болезней лёгких, ревматизма с высоким процентом смертности. Суровый климат влиял на большую смертность кочевников в детском возрасте (она составляла 50% от родившихся). Сифилис у бурят встречался значительно реже, нежели у монголов. У последних часто встречался третичный сифилис с поражением костей, а также врождённый сифилис. Невоздержанность бурят и монголов в пище и питье вызывало у них болезни печени, желудка, кишечника, заражение различными глистами, преимущественно аскаридами (*ascarides lumbricoides*), эхинококком печени (*echinococcus*) и свиным цепнем (*taenia solium*). Оспа, часто “навещавшая” Монголию, протекала у кочевников преимущественно в лёгкой форме. Талько-Грынцевичу приходилось встречать монголов в стадии пика оспенного высыпания, разгуливающих по ургинскому базару. Талько-Грынцевич считал, что сравнительно малая восприимчивость местного населения к заболеваниям натуральной оспой является особым признаком монгольской расы. Весьма важной особенностью Монголии Грынцевич считал, что водобоязнь (то есть бешенство) встречалось здесь у людей и животных значительно реже, чем в смежном с ней Забайкалье, несмотря на то, что собаки, носители бешенства, водились в Монголии в огромном количестве (собак монголы не истребляли по религиозным соображениям). Талько-Грынцевич приводил также статистические данные по физическим недостаткам, встречающимся у кочевых и осёдлых автохтонов в сравнении с русскими крестьянами. Учёный установил, что число слепых и людей с уродствами среди автохтонов в два раза было выше, чем у русского населения. Зато среди кочевников меньше парализованных и “расслабленных”, меньше и душевнобольных. У номадов на треть больше калек, нежели у русского населения. Инфекционные заболевания (тиф и дифтерит) редко встречались у бурят и монголов. По мнению учёного это связано с тем, что в юрте было достаточно света и воздуха, низкая температура, и это препятствовало развитию инфекции.

Рассмотрев работу Ю.Д. Талько-Грынцевича по изучению заболеваемости номадов, уместно было бы сказать о том, как эти болезни лечились. Известно, что среди монголов и бурят весьма популярна была тибетская медицина, врачеванием занимались ламы. Талько-Грынцевич считал, что родоначальницей тибетской медицины была древнеиндийская медицина, тибетская имеет много общего со средневековой европейской и древней кавказской медициной. В ти-

бетскую медицину, по мнению учёного, “вошло много весьма древних предрассудков, заимствованных у разных азиатских, а отчасти и европейских народов, а в последнее время даже заимствований некоторых средств из современной научной медицины. С этой точки зрения на ламскую медицину можно смотреть как на древнейшие развалины какого-то громаднейшего здания, которое сложилось из обрывков всевозможных суеверий и предрассудков, усвоенных человечеством в разные эпохи его жизни. Всех болезней считают 404. Первоначальных целебных средств было в тибетской медицине до 600; потом число их значительно увеличилось, и каждая “ламская задачка” [лекарство] даётся в один или два приёма больному для лечения болезни, состоит из 50–60 средств в порошкообразном виде. Анатомия и патология тибетской медицины находятся в самом первобытном состоянии и не выдерживают требований нашей научной критики”¹⁴⁶. Талько-Грынцевич считал, что именно при помощи тибетской медицины ламы стараются влиять на сознание людей, повышая свой престиж в их глазах.

Как монголы, так и буряты в большинстве своём исповедывали буддизм. Но первоначальной религией этих народов был шаманизм. Он сохранился в местах, менее доступных для современной культуры. Это религиозное учение заключалось в поклонении природе (небу, земле, горам, воде, огню, имеющим своих духов – “онгонов”). Особенно развито было почитание огня, он считался символом семьи, ибо существовало проклятие, говорящее “да потухнет огонь твой”, что понималось как прекращение рода. Веря в существование в природе добрых и злых духов, могущих причинить пользу или вред, люди старались их умиловить и при всяком удобном случае приносили им жертву. Во время еды они бросали пищу или выливали воду на огонь, или разбрызгивали в воздухе, при восхождении на вершину горы или проезжая мимо воды, бросали в честь хозяев этих мест лоскуток материи, бумажку, верёвку или привязывали их на ветви священного им дерева “тургэ”. Служителями культа являлись шаманы, как мужчины, так и женщины. В 1741 году русское правительство признало за бурятами право исповедывать ламаизм¹⁴⁷. В 1764 году в Забайкалье была основана духовная иерархия, во главе которой стоял пожизненно выбираемый Бандидо-Хамбо-Лама (главный лама), настоятель самого большого из монастырей – Гусинозёрского. Однако, религиозная пропаганда ламаизма ещё долго вызывала ожесточённую борьбу лам со старым религиозным уче-

¹⁴⁶ Талько-Грынцевич Ю.Д. Материалы к антропологии..., с. 26.

¹⁴⁷ Нацов Г.Д. Материалы по истории и культуре бурят, Улан-Удэ, 1995, ч. I; Залкинд Е.М. Общественный строй бурят XVIII и первой половины XIX века, М., 1970; Манжигеев И.А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины, М., 1978; Тангад Д. Заметки о похоронных обычаях в западных районах МНР // Традиционная обрядность монгольских народов / Под редакцией К.М. Герасимова, Новосибирск, 1992, с. 127–133.

нием шаманов. Борьба обострилась ещё больше, когда в 1812 году из Монголии прибыло 150 лам, которые и способствовали насаждению буддизма среди бурят. Талько-Грынцевич отмечал, что уже не только Хамбо-Лама, но и ширетуи (настоятели) утверждались правительством. На территории Забайкалья существовали 36 кумирен, при Гусиноозёрском дацане находилось школа на 36 учеников, где готовили к духовному званию.

Талько-Грынцевичу посчастливилось побывать в резиденции Бандидо-Хамбо-Ламы в Гусиноозёрске и присутствовать там на ежегодной религиозной церемонии “цам”. Она произвела на учёного огромное впечатление. Вот как Грынцевич рассказывает об этом в своих мемуарах. С вечера по степи разносились звуки труб и бубнов, люди просили богов об урожае и изобилии, благословении для всего мира животных и растений. На следующее утро начиналась сама церемония. Ламы выходили из храма с длинными трубами, бубнами и жестянками, ударяя одну о другую. Напротив храма участники делали большой круг, рассаживаясь в установленном порядке. Каждый род сидел под своим родовым флагом. Самые знатные светские и духовные лица, а также русские гости, заняли отдельные палатки. В середине круга устанавливался алтарь, вырезанный из дерева, на котором стояли чаши с водой и зерном. В церемонии участвовал старик с белой бородой, весь в белом – добрый дух, друг людей, а также царь и семеро детей. Порядок охраняли воины в белых масках. Здесь были духи с головами разных зверей: быка, барана и других; танцоры в больших шляпах с широкими полями, с бабочками на лицах, в длинных халатах, в войлочных сапогах с толстой подошвой. “Цам” обычно отмечался летом, во время самой сильной жары. Танцы длились с 9 утра до 5 пополудни. Участники церемонии отирали пот с лица шёлковыми платками (хадаки), после чего бросали верующим, которые разрывали их на куски и прятали, как святыню. Затем один лама выливал воду и разбрасывал зёрна на четыре стороны света, а двое молодых лам брали освящённый алтарь и, завязавши себе рот, чтобы дыханием не осквернить его, бежали что есть силы и бросали его в горящий костёр. По мнению Грынцевича, этот обряд символизировал раньше сжигание тела жертвы.

Почти в каждом буддийском монастыре жил “живой бог” или “хубилган” – воплощение Будды в земном мире. По словам учёного, такой “бог” значительно увеличивал своим присутствием доходы монастыря.

Все слабости или грехи, особенно избранных или “живых богов” верующие терпели, видели в этом высшую волю, которой человек не может воспротивиться. Грынцевич писал, что несмотря на обет строгого воздержания, ургинский “живой бог” богдо-гэгэн, открыто жил с женой одного монгольского хана, имел от неё сына и разъезжал с ними по городу. Вопреки существующим обычаям вечером он

посещал представительства разных торговых фирм и там напивался, вёл распутную жизнь, растрачивал общественные деньги, вечно был в долгах и презрительно относился к приходящим к нему паломникам.

Духовенство имело огромное влияние на верующих. Не было семьи, в которой хотя бы двое из четырёх сыновей не стали священниками. Ламы пользовались у населения большим уважением и почтением. Каждая семья имела своего ламу, у которого спрашивала совет на все случаи жизни. Ребёнку после его появления на свет родители выбирали ламу, который отныне являлся его духом-опекуном и ангелом-хранителем. Человек всегда шёл к ламе за советом и подсказкой: какое ремесло ему выбрать, какую жену. Если он заболел, то лама лечил его, читал над ним молитвы, чтобы отогнать злых духов. Когда он умирал, лама помогал ему обрести вечное счастье. После смерти лама проводил по нему многочисленные службы, чтобы мёртвый не делал плохого живым. За всё это ламы, по обычаю, получали значительную часть имущества умершего.

Часто с детских лет родители жертвовали своих детей на службу богам. По подсчётам Грынцевича, примерно треть мужского населения Монголии принимало духовный сан. После 50-ти лет каждые мужчина и женщина принимали собственное рукоположение, давали обет воздерживаться от мясных блюд и спиртных напитков. После дачи таких обетов они проводили свою жизнь в воздержании, посвящали её молитве и добрым делам. Монголов и бурят, переступивших 50-й год жизни, можно было узнать по бритой голове, по нашитому на груди изображению Будды Шакьямуни (бога-учителя) и чёткам в руках, которые они перебирали пальцами, повторяя магические слова.

Ю.Д. Талько-Грынцевич писал, что монгольский язык подразделяется на 4 главные ветви: собственно монгольскую (халхасскую), восточно-монгольскую, западно-монгольскую или калмыцкую и северо-монгольскую или бурятскую. Каждая ветвь, в свою очередь, распадается на наречия и говоры. У бурят они следующие: селенгинские, как выходцы из Монголии, говорят на языке, наиболее сходном с соседним монголо-халхасским, отличающимся от других бурятских групп; хоринские (распадающиеся на наречия хоринское и агинское) имеют свои особенности, отличающие их от селенгинских; закаменские и арматские выходцы из Иркутской губернии по языку ближе к аларским бурятам, но с примесью особенностей селенгинского говора; кударинские – верхоленские выходцы, говорят на северо-бурятском наречии, наиболее отличающемся от говора остальных бурят. Кроме главных различий монгольских наречий, по Грынцевичу, существует ещё много поднаречий и говоров (как среди собственно монголов, так и среди бурятских родов и племён), которые легко понятны для знающих одно наречие. Литературным языком служит общемонгольский письменный язык. Наречие за-

падных монголов (элютов и калмыков) значительно отличается от наречия халхасцев, бурят и восточных монголов.

Монгольская литература в основном включает в себя переводы с тибетского языка священных книг, сборников религиозного содержания и изложение всего буддийского вероучения, заключающегося в Ганджуре – священной книге. Со времён подчинения Монголии Китаю, маньчжурское правительство особенно стало поддерживать, вместе с ламаизмом, бесчисленные религиозные издания на монгольском языке. Вместе с тем издавались разные переводы с тибетского, китайского, маньчжурского языков по отдельным отраслям знания, по философии, медицине, истории, астрологии, а также повести, романы и поэмы. Однако, эта литература из-за плохого перевода не пользовалась популярностью среди монголоязычного населения. Вследствие того, что почти треть мужского населения Монголии принимало духовное звание, процент грамотных среди монголов был гораздо выше, чем среди русского населения.

Теперь перейдём непосредственно к физической и морфологической характеристике бурят и монголов, данной Ю.Д. Талько-Грынцевичем. В самом начале необходимо отметить, что Талько-Грынцевич выделял два самостоятельных антропологических типа – бурятский и монгольский, несмотря на большое сходство между ними. Дело в том, что в то время среди многих этнографов и путешественников бытовало мнение о том, что буряты являются “русскими монголами”. Такого же мнения поначалу придерживался и Талько-Грынцевич, однако «многолетнее пребывание среди них, трехкратная поездка с антропологической целью в Ургу, столицу Халхи, эту настоящую столицу “монгольской” расы и, наконец, как описательное, так и антропологическое изучение типов, скоро приучили меня распознавать монгола и бурята»¹⁴⁸. Не полагаясь на мнение авторитетных учёных, Талько-Грынцевич, опираясь на данные, полученные при антропологическом исследовании бурят и монголов, выявил особенности первого и второго типов. Следует отметить, что работа, предпринятая учёным, была весьма кропотливой. На каждом субъекте необходимо было сделать 55 измерений.

Исследование бурят и монголов Талько-Грынцевич начинал с внешних покровов тела, а именно – с кожи. Цвет кожи у монголов-халхасцев и бурят желтовато-бледный, а на лице от влияния света и ветра – желтовато-смуглый, что придаёт лицу коричневый оттенок. У раздетых донага людей Талько-Грынцевич отмечал, что более тёмный цвет лица, шеи, рук резко отличался от цвета кожи остальных частей тела и постепенно уменьшался, начиная от внутренней стороны предплечья вверх до подмышечных впадин, был ещё светлее на груди и передней брюшной стенке. Более тёмным он был на ногах, спине. Грынцевич считал, что влияние солнечных лучей и

¹⁴⁸ Талько-Грынцевич Ю.Д. Материалы к антропологии..., с. 43.

ветра способствовало потемнению кожи открытых частей тела. Учёный пишет, что жёлтый цвет кожи является расовым признаком, так как она имеет такой цвет и у новорожденных детей. У монголов-халхасцев кожа светлее, чем у бурят.

Волосы на голове чёрные с синим отливом, у бурят – матовые и блестящие. Они не отличаются густотой, зато очень прочные. Усы и борода чёрные или тёмно-каштановые, редкие, начинали расти поздно, часто всего несколько волосинок, на лице волосы появляются лишь к старости. Скучность растительности как на лице, так и на теле является характерным признаком, но он более резко проявляется у бурят, чем у монголов. Из отдельных бурятских родов наибольшей волосатостью отличались кударинские буряты, а наименьшей – закаменские. Среди монголов-халхасцев совершенно не встречались лысые, тогда как у бурят таковые составляли около 2%. Наибольшее число лысых встречалось у кударинских бурят. Брови у этих народностей широкие, прямые, у монголов более густые, чем у бурят. Кожа на голове, благодаря хорошему развитию сальных и потовых желез, достаточно влажная.

Глаза у всех карие. Наиболее светлыми глазами отличаются монголы. Из отдельных групп бурят тёмный оттенок глаз чаще бывает у селенгинских, светлый – у закаменских; у кударинских часто встречались глаза смешанного цвета. Ю.Д. Талько-Грынцевич отмечал характерную особенность глаза номадов – возрастное изменение хрусталика (катаракта) встречалось у них чрезвычайно редко, из обследованных она была всего лишь у 3-х бурят. Однако, гораздо чаще, чем у европейцев, у кочевников встречалось возрастное изменение роговицы с образованием на ней старческого валика (*arcus senilis*). Талько-Грынцевич объяснял это воздействием пыли, дыма, солнечных лучей и вследствие этого постоянного воспаления (катара) слизистой оболочки век. С современной точки зрения появление *arcus senilis* объясняется нарушением общего обмена веществ и отложением в роговице холестерина, что, вероятно, связано с особенностью питания (преобладание в рационе продуктов животного происхождения).

Глазная щель у бурят и монголов узкая, расположена косо по отношению к глазнице, причём наружный угол глаза приподнят, а внутренний опущен, более всего этот признак выражен у бурят. Талько-Грынцевич отмечал ещё одну особенность строения глаза – это выступающая на верхнем веке у внутреннего угла глаза особая складка кожи, называемая монгольской, или третьим (птичьим) веком – *epicanthus*, в детстве иногда закрывающая весь угол, но с годами сглаживающаяся. Складка век больше всего была выражена до 25-ти лет, с этого возраста постепенно уменьшалась, а с 45-ти лет начинала сглаживаться. По наблюдениям Талько-Грынцевича, “монгольская” складка встречалась и у метисов во втором, и даже третьем поколении, являлась сама по себе признаком расы.

Учёный пишет, что зубы кочевников в молодости прекрасно сохраняются, имеют белоснежный цвет, укреплены в дёснах, расположены без промежутков, ровные, небольшие и значительно выдаются вперёд. До 40 лет зубы хорошо сохраняются, только после 40 лет они начинают выпадать и иногда встречались люди после 45 лет совсем лишённые зубов, но после 55 лет и в глубокой старости их число не увеличивается. Редко встречались среди них люди, у которых и в старости сохранялись все зубы. Лишь в 15% случаев Талько-Грынцевич встречал кариозные зубы. Он отмечал интересную особенность – зубы у кочевников выпадают не от загнивания, а от поражения дёсен (с современной точки зрения это объясняется опять же нарушением обмена веществ вследствие неполноценного питания).

По росту монголы уступали бурятам. У закаменских бурят рост несколько выше, а у селенгинских ниже по сравнению с хоринцами и кударинцами.

Пропорционально росту номады обладали умеренной длиной рук и более длинными ногами. Руки у монголов короче, чем у бурят, в основном за счёт малой длины предплечья. Ноги также короче у халхасцев, причём голени у них длиннее, но короче бедро. Из отдельных групп бурят более длинные ноги у закаменских и селенгинских. Как буряты, так и монголы имели по наблюдениям Грынцевича очень маленькие кисти рук и ступни.

Талько-Грынцевич отмечал, что у данных народов встречались некоторые изменения в конечностях, а именно – неполное разгибание рук в локтевых сгибах: у бурят в 39% случаев, у монголов – в 31%. Талько-Грынцевич говорил, что данная особенность, бесспорно, не является расовым признаком. Контрактура суставов, по мнению учёного, возникает от сидячего образа жизни, которая проходила у номада в юрте возле очага, где он сидел с согнутыми в локтях суставами. Чаще всего неполное разгибание в локтевом суставе встречалось у людей среднего возраста и стариков, не встречалось у детей и юношей. Этот характерный признак неверно объяснён учёным. Неполное разгибание в суставах вызвано отложением в них органических солей, образующихся при распаде белковой пищи, которая является основной в рационе кочевника. Это объяснение подтверждается тем, что в наше время, когда данные народы стали употреблять растительную пищу, этот признак почти исчез. Он не встречался и среди вегетарианцев-китайцев (по словам самого Грынцевича). Однако заслуга Ю.Д. Талько-Грынцевича заключается в том, что он обратил внимание на этот признак и впервые подробно описал его.

При осмотре ног учёным также отмечено изменение, на которое не указывали другие исследователи – выгнутость середины голени снаружи, чаще встречаемое у монголов. Он описал и утолщение голени в мышечках, вызванное, по его мнению, трением этой части ног стремями при верховой езде.

При одинаковой умеренной ширине плеч, окружность груди у монголов и бурят больше, чем у европейцев, окружность живота больше у бурят, нежели у монголов. Из бурятских родов наибольший размер плеч, груди и живота у кударинских, наименьший – у закаменских. В размерах плеч, груди и живота отмечалась пропорциональность.

Размерами головы буряты превосходили монголов. Черепа первых больше развиты в ширину, горизонтальная окружность больше развита у монголов. По краниологическому типу буряты крайне короткоголовые, тогда как монголо-халхасцы подкороткоголовые. Лоб и затылок у монголов несколько уже, нежели у бурят. Лобные бугры часто отсутствуют, надбровные дуги больше развиты у бурят. Затылок широкий, как бы усечённый, по мнению Грынцевича это является расовым признаком. У монголов лицо более вытянутое, нежели у бурят. У последних лицо сильно расширено в верхней и средней трети, суживается книзу, у монголов же менее расширено вверху и сильнее в области нижней челюсти.

Межглазничное пространство уплощённое и широкое, ширина его больше у монголов. Нос – с уплощёнными ноздрями, прямой нос встречается редко.

Интересны выводы учёного относительно антропологических групп внешне столь похожих народов. “Наше антропологическое исследование показало, что монголо-халхасцы, составляющие в лингвистическом отношении одно целое с селенгинскими и закаменскими бурятами, представляют, однако же, известную антропологическую разновидность, которая существовала уже и в то время, когда монгольские северные роды, называемые ныне бурятами, переселились в пределы России... Халхасцы составляют отдельный тип от бурят и более смешанный.

Буряты поэтому, в противоположность халхасцам, представляют более чистый антропологический тип. Если и встречаются от него отступления, то лишь в частности, без изменения основного типа, что могло зависеть как от некоторой смеси с другими народностями, так и от особых местных географических и климатических условий. Помимо этих частных отступлений, антропологический тип буряты, отличающий его от монголо-халхасца, будет одинаков, как на берегах Селенги и Чикоя, так и на Хоринской степи”¹⁴⁹.

Работа “Народы Центральной Азии”, в которой содержались материалы по антропологии бурят, монголов и тунгусов, в 1902 году была представлена Ю.Д. Талько-Грынцевичем в рукописи на заседании Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, была удостоена премии и Золотой медали имени Расцветова. Материалы для неё учёный собирал в течение трёх с половиной лет, ни одному из исследователей Сибири не уда-

¹⁴⁹ Труды ТКОПОИРГО, т. IV, вып. 1, 1901, Иркутск, 1902, с. 76.

лось в то время собрать такой объём археологических, антропологических и исторических сведений¹⁵⁰. Краткий реферат этой работы, рукопись которой составляла 640 страниц, был опубликован в 1902 году в “Трудах” Географического общества. Однако, последнее не располагало средствами для полного издания работы. Впоследствии, уже после отъезда из Забайкалья, у Талько-Грынцевича появилась возможность издать её в Кракове на французском языке, но огромным желанием самого автора было увидеть эту работу, изданной непременно на русском языке, так как он считал, что она будет полезнее всего для забайкальских и сибирских исследователей. Грынцевич хотел, чтобы главный труд его научной деятельности был опубликован на русском языке при жизни автора. Это случилось спустя 25 лет после его первого представления. Он увидел свет в сокращённом варианте в 1926 году, в Ленинградском издательстве Академии наук СССР, под названием “Материалы к антропологии и этнографии Центральной Азии”. На польском языке он был издан шестью годами ранее, в 1920 году, в Кракове.

* * *

В нескольких километрах к югу от Кяхты, в каменистой и пустынной степи, за высокой глиняной стеной возвышались строения Маймачена – китайского поселения. В этом поселении проживали подданные китайского богдыхана, торгующие своими товарами с русским населением. Ю.Д. Талько-Грынцевич писал, что число торговых фирм, представители которых проживали в Маймачене, в прежние десятилетия превышало 120, но затем уменьшилось до 12-ти вследствие снижения торгового оборота. В Кяхтинском Маймачене проживало около 3 000 человек, преимущественно мужчины, так как женщинам по приказу богдыхана было запрещено переселяться за Великую китайскую стену. Пребывание здесь считалось временным для китайца, поскольку, согласно существующим законам, каждый обязан был вернуться на родину.

Поселение Маймачена, с высокими крышами, глинобитными домами, с бумагой вместо оконных стёкол, с нарисованными на ней драконами, с узкими улицами, резко контрастировавший с видом Троицкосавска и Кяхты, производил впечатление на европейца. Талько-Грынцевич интересовался жизнью и бытом китайцев, позднее проводил на них антропологические измерения.

Каждая китайская фирма в Маймачене при заключении торговых договоров с кяхтинскими фирмами, по существующему тогда обычаю, давала ежегодно несколько обедов. Иногда на таких обедах присутствовал и Ю.Д. Талько-Грынцевич. Роскошный обед состоял из 40–70 блюд, подаваемых небольшими порциями в малень-

¹⁵⁰ ГАЧО, фонд 115, оп. 1, д. 46, лл. 151–153, 156.

ких мисках и тарелочках. Здесь были всевозможные китайские лакомства: морская капуста и травы, овощи, каракатицы, макаронны, самые разные мясные блюда, пирожки с бараниной и чесноком на масле, нежный печёный поросёнок – шедевр китайской кухни. Блюда приправлялись перцем, имбирем, уксусом. В конце обеда вносили жестяной китайский самовар с плавающими в кипятке остатками обеда: макаронами, улитками, морской капустой. На десерт в маленьких мисочках подавали разнообразные сладости: пирожные в масле, маковники, орехи, сушёные фрукты. Суп ели маленьким фарфоровым ковшиком, а макароны, капусту и мясные блюда – двумя длинными палочками. Китайцы подавали и свой спиртной напиток – *магайло* (прозрачная, как вода, очень сладкая водка, получаемая из риса и приправленная разными маслами). Её пили тёплой, из маленьких рюмок в виде напёрстков. Кяхтинские купцы, в свою очередь, добавляли что-либо русское: скатерти, столовые приборы, соль, хлеб, сырое мясо, водку, вина, шампанское. Талько-Грынцевич считал, что китайская кухня очень близка к южно-европейской, поэтому она нравится южанам: французам, итальянцам, испанцам.

Обеды для русских обычно давались летом, зимой же китайские дома с их естественной вентиляцией через хлопчатобумажные окна и неплотно закрытые двери не подходили к привычкам европейцев. Зимой китайцы, закутанные в подбитый ватой кафтан и фланелевый пояс, обутые в войлочные сапоги, проводили на длинной печи, укрываясь сверху матрацами. Обычно в доме находилась и лавка, в которой для отвода глаз было немного товаров, в основном изделий из фарфора. Эта мелкая торговля была только прикрытием. В основном китайцы занимались контрабандой – поставками курительного мака и *ханьшина* – самодельной китайской водки, изготовляемой из сорных трав и содержащей много ядовитых масел. Такая водка пользовалась большой популярностью среди русского населения вследствие своей дешевизны и составляла конкуренцию русской водке. Ханьшин пагубно действовал на нервную систему, от нескольких рюмок наступала потеря сознания. Талько-Грынцевичу приходилось видеть много случаев отравления такой водкой, люди по несколько дней лежали без всяких признаков жизни. Основным же занятием китайцев была скупка золота и вывоз его в Китай. Талько-Грынцевич писал статьи во “Врачебное обозрение” по поводу вреда, который приносит китайская контрабанда, но, к сожалению, безрезультатно.

Кяхтинский Маймачен был населён китайцами, происходящими в основном из северных провинций Поднебесной. Большинство оставалось здесь на всю жизнь, посещая родину один раз в три года на годичный отпуск. Каждый китаец имел две семьи: одну официальную, оставшуюся на родине, другую – в Маймачене. Часто жёнами китайцев становились русские девушки. В зависимости от того, к какой национальности принадлежала наложница, на таком

языке китаец общался со своей второй семьёй. Жёны и дети обитателей Маймачена жили в прилегающем Кяхтинском поселении. Свой Маймачен, населённый китайцами, существовал также в Урге и занимал почти треть города (население его составляло 6 000 человек).

Чаще всего китайцы так и не возвращались на родину, умирали на чужбине, однако завещали захоронить свой прах на родине. Талько-Грынцевич писал, что за Маймаченом на отгороженном участке степи было большое кладбище с поставленными в ряды гробами, которые ждали отправки в Китай. Однако едва ли один из тысячи покойников удостоивался такой чести, это стоило огромных денег. Останки разлагались и ветер развеивал их.

Познакомившись с жизнью и бытом китайцев, Талько-Грынцевич часто становился “гидом” для путешественников, прибывших в Маймачен, сопровождал их при посещении китайских магазинов, храмов, театров и т.д. Вскоре у учёного появилась возможность антропологически исследовать китайское население. Спустя некоторое время, из-под его пера вышла работа “К этнографии Китая”, краткое содержание которой мы приведём.

Население Кяхтинского и Ургинского Маймаченов происходило в основном из северных провинций: Шань-си, Чжи-ли, Шань-дун, Гуан-дун. Нехватка земли при большой плотности населения в этих провинциях, способствовала переселению на прилежащие территории – в Монголию и Сибирь. Провинция Шань-си, из которой происходило большинство китайских переселенцев, очень гориста, здесь мало плодородных земель и при нехватке собственного хлеба провинция вынуждена была ввозить его. Население занималось в основном разработками огромных залежей каменного угля, мрамора, яшмы, лазури и меди; при нехватке рабочих мест люди вынуждены были эмигрировать. Говоря об этнографии Северного Китая, Ю.Д. Талько-Грынцевич считал, что эта территория не была первоначально “колыбелью” китайской нации, и что китайцы пришли сюда из западных провинций. Беспрестанные войны и нападения северных варварских племён, которым подвергался Китай со времён глубокой древности, способствовали смещению антропологических типов, распространению влияния китайской цивилизации. Это, по словам Грынцевича, подтверждается археологическими находками, найденными учёным на территории Забайкалья и Монголии. Талько-Грынцевич считал, что в древности современную Монголию и Забайкалье заселяли племена, знакомые со способами обработки земли, орошением и земледельческими орудиями (это подтверждали археологические раскопки). Грынцевич писал, что, возможно, первыми колонизаторами и культиваторами ныне пустынных земель Монголии и Южной Сибири были северные китайцы, которые впоследствии не смогли противостоять силе северных кочевников, ассимилировались среди них. Таким образом, произошло

формирование антропологического типа современного северного китайца¹⁵¹.

Талько-Грынцевича интересовал не только чистый антропологический тип, но также и типы представителей смешанных рас. Он неоднократно убеждался, что брак китайца и русской даёт слабое потомство, тогда как дети, рождённые в русско-монгольских и русско-бурятских браках отличаются прекрасным расовым типом, напоминающим южно-европейский.

Талько-Грынцевич писал, что по характеру китайцы холодные реалисты, не имеющие ни мечты, ни идеалов. Эти черты характера отличают их от монголов, имеющих рыцарский темперамент и детские верования в явления первобытной природы.

Талько-Грынцевич отмечал, что китайцы открывали свои лавки не только в Маймачене, но и в прилежащих русских поселениях. Переселение китайцев из Маймачена в деревни с каждым годом становилось сильнее, так что “скоро не будет в западном Забайкалье села, где бы не было китайской торговли”¹⁵². Грынцевич считал, что в будущем китайская колонизация охватит не только Монголию и Забайкалье, но и всю Сибирь, ведь эти земли как бы созданы для такой экспансии. Талько-Грынцевич предупреждал, что прирост китайского населения в Сибири может стать грозным предостережением Европе о надвигающейся “жёлтой проблеме”.

Антропологическое исследование живых людей Ю.Д. Талько-Грынцевич проводил в Ургинском Маймачене в 1895 году, а также в Кяхтинском Маймачене в течение 1895–1898 годов, исследуя каждого человека по несколько раз. При исследовании Талько-Грынцевичу приходилось прибегать к помощи людей, хорошо знающих китайцев и пользующихся их доверием. Большинство исследуемых относилось к врачу, производившему непонятные измерения, с недоверием и подозрительностью, приходилось долго уговаривать, прежде чем приступить к измерениям. Изучая китайцев, Грынцевич ограничился лишь самыми основными антропологическими измерениями, боясь, что в следующий раз они откажутся подвергнуться таким исследованиям. Измерения чаще всего производились на дому у исследуемых или в лавках. Всего учёным было исследовано 54 китайца, происходивших из следующих провинций: Шань-си (80%), а также Фу-чжоу, Шань-дун, Чжи-ли, Гуан-дун. Все они были мужского пола. Исследования состояли из антропометрических наблюдений, а также описательной части (форма черепа, лица, носа, ушей). Учёным также были изучены черепа из прилегающего к Маймачену китайского кладбища. Проведённые исследования были приведены учёным в работе “Китайцы Кяхтинского и Ургинского Маймачена”.

¹⁵¹ Талько-Грынцевич Ю.Д. Заметки по антропологии северных китайцев. Китайцы кяхтинского и ургинского Маймачена // Труды ТКОПОИРГО, т. II, вып. 3, 1899, М., 1899, с. 1–81.

¹⁵² Труды ТКОПОИРГО, т. II, вып. 3, 1899, М., 1900, с. 4.

Исследования Ю.Д. Талько-Грынцевича не ограничились изучением антропологии северных китайцев. Поскольку целью созданного Географического общества было изучение соседних стран, Талько-Грынцевич вплотную занимался этнографией Китая. 21 апреля 1895 года на заседании Троицкосавско-Кяхтинского отделения Географического общества им было сделано сообщение под названием “К этнографии Китая”. В нём учёный собрал всю известную тогда отечественную и зарубежную библиографию, касающуюся этого вопроса, дополняя по возможности содержание этих работ собственными данными. Талько-Грынцевич, ссылаясь на работу британского профессора Эйтеля, делит население Китая на три племени: гак-ка, гок-ло и пун-ти. Гак-ка занимались выращиванием риса, чая и шелководством; гок-ло – выращиванием сахарного тростника, рыбной ловлей, мореплаванием и торговлей; пун-ти – ремесленники.

Положение женщины неодинаково у этих племён. У гак-ка женщина исполняла все тяжёлые работы, носила тяжести, воду, продукты и работала в поле. У пун-ти и гок-ло женщину держали взаперти и не допускали к тяжёлым и полевым работам, они занимались лишь домашней работой и шитьём. Многожёнство не встречалось только среди гак-ка.

Талько-Грынцевич писал о варварском обычае гак-ка и гок-ло – убийстве новорожденных дочерей (у пун-ти такие случаи редки). У гак-ка и гок-ло детоубийство младенцев женского пола существовало с древних времён, особенно среди крестьян. Обыкновенно новорожденных девочек убивали на том основании, что их воспитание стоит дороже и что они плохие работницы. Убив младенца, его обыкновенно бросали в посуду с отбросами или помоями. Если мать рождала девочек многократно, семейство считали одержимым бесом, а родившуюся дочь – воплощением дьявола. Родители произносили целый ряд заклинаний, отец же убивал младенца ударами ноги или разбивал голову ребёнка о стену, произнося проклятия, которые, по его мнению, помешают бесу воплотиться снова. Грынцевич отмечал, что среди северных китайцев этот варварский обычай почти не встречался, тогда как в южных провинциях он стал закономерностью¹⁵³. Китайцы не считали детоубийство грехом, так как их религиозные верования учили тому, что душа младенца, обречённая на страдания в земном мире, переселяется в лучший, загробный мир.

Следуя мнению профессора Эйтеля, Ю.Д. Талько-Грынцевич говорил, что три главные китайские религии: буддизм, даосизм и конфуцианство претерпели значительные изменения благодаря их постоянному соприкосновению. Конфуцианские философы, например, признавали культ небесных “гениев”, а также применяли обря-

¹⁵³ Талько-Грынцевич Ю.Д. К этнографии Китая // Протокол общего собрания ТКОПОИРГО, № 4, с. 5–25.

ды даосизма и буддизма при погребениях и венчаниях. Сторонники же даосизма заимствовали у буддистов не только обряды, но и организацию духовной иерархии, поклоняясь тройственному божеству. Как даосизм, так и буддизм, имели общие истоки в первобытных народных верованиях, более древних, чем эти религии. Гак-ка, например, не признавали божества, почитаемые пун-ти (божества тёмного неба – повелителя других богов). Лишь небесная царица Бодисатва и покровитель медицины Бас-хад-жи-Гораджа пользовались уважением у этого племени. Сам же Будда являлся у гак-ка предметом насмешек в народных песнях. У гак-ка не существовало буддийских догматов, они отвергали догмат о переселении душ, о существовании ада и чистилища. Всё это заменялось у гак-ка догматом даосизма о переходе душ добрых людей прямо в звёзды и о смерти душ злых людей вместе с их телом. В верованиях гак-ка, в сравнении с верованиями гок-ло и пун-ти, меньше проявлений страха, но больше логических и реалистических основ, заимствованных из практической жизни. Основа верований гак-ка была вера в Бога, как в высшее существо, управляющее физическим и духовным миром, людьми и “гениями”. Все другие, меньшие божества, имели ограниченную власть – одни над небом, другие над воздухом, землёй, адом. Все они находились в подчинении у высшего божества. Низшие божества обязаны один раз в год собираться перед его престолом и представить отчёт о своей деятельности, получить указания на будущее время. Значение низших божеств до того ничтожно в понятии гак-ка, что они не оказывали им никаких почестей. Грынцевич писал, что монотеистическая вера гак-ка уходит своими корнями в глубокую древность. К низшим божествам, более или менее заслуживающим внимания, относится небесный дух и его супруга. Небесному духу гак-ка молились во дворе своих жилищ 1 и 15 числа каждого месяца, приносили ему в жертву чай и благовония. Приношения этому божеству делали в первый день нового года, на венчании и на похоронах; в последнем случае жертва приносилась в каждом из четырёх углов двора. В подобных церемониях как пун-ти, так и гок-ло обращались к небу, что указывает на остатки деистических верований, присущих гак-ка. Гак-ка почитали покровителя рисовых плантаций. После первого дня жатвы и уборки риса они устраивали празднество; в каждом доме готовили свиное мясо, дичь, рыбу и рисовое печенье. Пищу укладывали в корзины, обвитые красными лентами, шли на границу двух полей. Здесь гак-ка ставили корзины одну на другую и забрасывали их землёй, образуя холм, который и носил названия божества рисовых плантаций. Иногда холму придавали форму человеческого тела. Затем наступало благодарственное служение за урожай, после чего корзины вновь несли домой.

У гак-ка были ещё два божества: Пак-кунг и Ша-кунг, которым они поклонялись иначе, чем другие китайские племена. На краю села гак-ка сажали несколько деревьев, возле которых клали камень

и считали его местопребыванием духа Пак-кунга и его жены Пак-по. На это место должен прийти каждый человек, собравшийся купить или продать свинью, и принести жертву духу. День рождения Пак-кунга праздновался всеми торговцами свиней: они собирались вокруг камня, делили между собой свинью и съедали её. Культ другого деревенского божества, Ша-кунга и его жены, напоминал первый. Два раза в год перед осенним и весенним праздниками, по всем сёлам собирались пожертвования, состоящие из свиного мяса, которое жарили подле алтаря Ша-кунга. Если сбор был удачным, то покупали немного рисового вина. Когда всё приготовлено, созывали барабанным боем поселян: мужчины, женщины и дети приходили с посудой и корзинами, а один из стариков делил пищу соответственно сделанным пожертвованиям.

Обряд венчания и похорон у гак-ка значительно отличался от таковых у гок-ло и пун-ти. У гак-ка накануне погребения собирались ближайшие родственники покойного; впереди погребальной процессии несли пучок зажжённой соломы и корзину с хлебом. Плакальщицы также следовали впереди. Прибыв на место похорон, хлеб вынимали из корзины. Зажжённую солому бросали в яму и засыпали землёй, после чего каждый брал кусок хлеба и нес его домой. Этот обряд считался спасительным для души покойного, так как с помощью факела он может пройти сквозь тьму, покрывающую дорогу к будущей жизни. В этом обряде усматривалась вера в бессмертие души и существование загробного мира. Если мальчик умирал, не имея невесты, то родители искали соседей, у которых умерла дочь и заключали брак между детьми, веря, что в загробной жизни их души соединятся.

Ю.Д. Талько-Грынцевич описывал некоторые факты об обычае северных китайцев заживо хоронить людей. Он ссылаясь при этом на данные французского миссионера Питона, знатока Северного Китая. Этот жестокий обычай, по мнению учёного, вызван тяжёлой борьбой за существование. В Китае часто приходилось слышать о людях, заживо похороненных. Это были картёжники, воры, курильщики опиума, прокажённые. Из многих примеров, приводимых Грынцевичем, самый поразительный следующий. В одной деревне жил прокажённый старик, отец многочисленного семейства. Хотя он жил в отдельном доме и с семьёй не общался, дети, боясь заражения болезнью, просили его покончить с собой. Старик долго не решался на это, несмотря на купленную детьми роскошную одежду для погребения. Однажды сын, принеся отцу пищу, нашёл двери запертыми, и когда после громкого стука и крика больной не отворил, сын, считая отца умершим, решил скорее его похоронить, боясь заразной болезни. Позванные сыном из села люди нашли старика крепко спящим и потребовали у сына уплаты за потерянное время. Дети, не желая зря платить, стали уговаривать отца, чтобы тот покончил с собой, причём сын обещал строго исполнять все церемо-

нии при погребении, чтобы отец был счастлив в будущей жизни. После долгих увещаний старик согласился. Принесли гроб и роскошные одежды; внучка зарезала самую жирную курицу, другие родственники принесли свиное мясо, чтобы старик мог хорошо подкрепиться перед долгой дорогой. После трапезы все собравшиеся отправились в путь за пустым гробом; впереди шёл старик и его семья. Придя к месту, где была выкопана могила, старик одел красивое платье, принял опиум и лёг в гроб, сын собственноручно закрыл его. Ю.Д. Талько-Грынцевич писал, что обычай погребения живых людей испокон веков практиковался только в Китае, и старался объяснить его, основываясь на работе Питона, геологическим строением почвы Северного Китая. Ведь глубина лёса (жёлтой глины), покрывающая поверхность этой территории, доходила иногда до 600 метров, постепенно под воздействием воды в лёсе образовались колодцы. В те далёкие времена, когда территория Китайского государства ограничивалась только Северным Китаем и главным образом Гоанго (лёссовым пространством), и возникла мысль казни преступников сбрасывая их в овраги и колодцы, из которых невозможно было выбраться. В тех случаях, когда приходилось убивать тысячи пленных, их сталкивали в овраги. Со временем обычай погребения людей заживо распространился и в местностях, где не было лёссовой почвы. Религиозные предрассудки повлияли на распространение этого обычая. По китайским законам казнь считалась тем тяжелее, чем тело больше обезображено. Самым лёгким наказанием было повешение, более тяжёлым – обезглавливание (ибо человек с отрубленной головой в будущей жизни носит голову под мышкой); самым тяжёлым наказанием считалось “линчи”, то есть разрезание на мелкие кусочки. Таким образом, погребение заживо, при котором тело не получало никаких увечий, было самым лёгким видом смерти.

У гак-ка, более чем у других китайских племён, распространилась вера в дьявола и его злые чары. Гак-ка боялись дьявола и верили, что он влияет на всё, что происходит с человеком. Один раз в году гак-ка очищали свои жилища, через двери выбрасывали нечистоты вместе с несколькими монетами, повторяя слова: “Пусть чёрт нищеты уходит, пусть чёрт нищеты уходит”. Если китайцу гак-ка нужно было куда-то идти ночью, то он писал на листе бумаги записку, затем бросал её на землю и топтал, веря в то, что после этого ни один бес не будет беспокоить путника и причинять ему вред. Когда у кого-нибудь болели глаза, то брали клочок жёлтой бумаги, смоченной в охре и приговаривали: “Чёрт, с красным глазом, я тебе скажу, откуда ты взялся. Ты приходишь из Лояна, из местности Чин-Шан, где ты выметал полы в семействе Шин, несколько пылинок попало мне в глаза и я сделался чёртом с красным глазом. Теперь я тебе объявляю, не надоедай мне в течение ста тысяч лет”. Бумагу с такой надписью вешали над дверьми дома, где находились больные.

Были и другие подобные заговоры. Кроме того, у гак-ка существовало поклонение луне, солнцу, звёздам и другим небесным телам. К ним они обращались с молитвами. Во время болезни гак-ка приносили богу солнца жертву, состоящую из благовоний, свечей и плодов. Во время такой молитвы они обращались на восток с земными поклонами. Жертвоприношение солнцу и луне совершалось чаще при детских болезнях, так как по представлениям гак-ка солнце даёт силу детям. В осенний праздник (15-й день 8-го месяца) луне приносили жертву – плоды и печенье в форме полумесяца. Гак-ка верили, что если тучи покрывают луну в полночь, то следует ожидать подорожания соли и деревянного масла, а если тучи покрывают её после полуночи, то рис будет дорогим в течение всего года.

Ю.Д. Талько-Грынцевич отмечал, что детские болезни китайцы приписывали испугу, как и народы почти всего мира. Много лет посвятив изучению народной медицины, Талько-Грынцевич указывал на сходство между понятиями об исцелении и причинах болезни у китайцев и у европейских народов. У китайцев мать или бабушка больного ребёнка брала яйцо, горшок с рисом и одежду младенца, раскладывала всё это перед горящим очагом, посвящённым духу огня, потом зажигала несколько курительных палочек и говорила: “Кто перепугал моё дитя? Помоги и поддержи его, дух очага!”. Затем она трижды произносила имя ребёнка и прибавляла: “Сойди в спальню спать с отцом и матерью”. Затем несла яйцо, рис и одежду в спальню и укладывала их на пол в том месте, которое отведено богу и богине постели; снова сжигала несколько курительных палочек и через три дня повторяла эту церемонию. Спустя три дня мать или бабушка разбивала горшок с рисом и яйцо. Разбитое яйцо она внимательно рассматривала, будучи уверена в том, что увидит силуэт того животного, которое было причиной испуга ребёнка: собаку, лошадь, буйвола и т.д. После чего брала шерсть животного, испугавшего ребёнка, и привязывала её к телу младенца. Талько-Грынцевич отмечал удивительное сходство в подобных обрядах у китайцев и украинцев. У украинцев знахарки так узнавали причину испуга (“переляка”) ребёнка: катали яйцо по телу младенца, думая, что оно впитает в себя болезнь; потом смотрели его на свет, разглядывая контуры животного, послужившего причиной испуга, а также разбивали горшок с кашей возле печи. Шерсть животного не привязывали к телу ребёнка, а сжигали её и окуривали больного. Талько-Грынцевич сделал вывод, что “верования народов, как западных, так и восточных, берут начало из источников, общих всему человечеству”¹⁵⁴.

Таким образом, занимаясь вопросами антропологии и этнографии китайцев Ю.Д. Талько-Грынцевич пользовался данными, при-

¹⁵⁴ Талько-Грынцевич Ю.Д. К этнографии Китая..., с. 25.

ведёнными в иностранной литературе (в частности в английских и французских изданиях), дополняя их собственными антропологическими наблюдениями.

Подводя некоторые итоги антропологии забайкальских автохтонов вообще необходимо отметить, что Ю.Д. Талько-Грынцевич следовал в этой работе постулату, гласящему, что нельзя смешивать историю и культуру народа с его антропологическим происхождением¹⁵⁵. Тунгусы, например, всецело воспринявшие язык и культуру монголов, антропологически отличаются от них. Учёный отметил, что при довольно свободных нравах номадов на южной границе Монголии получается своеобразная китайско-монгольская смесь антропологических типов. Подобная же метизация произошла между племенами и в далёком прошлом. Сведения из истории кочевников, дошедшие до европейцев, во многом недостоверны или сомнительны, поэтому более точный ответ о происхождении современных забайкальских автохтонов и о их связи с древними кочевниками, может дать только антропология.

* * *

Изучением антропологии и этнографии забайкальских старообрядцев Ю.Д. Талько-Грынцевич занимался с 1894 по 1896 год. Результатом изучения забайкальских старообрядцев стала работа “К антропологии великороссов. Семейские (старообрядцы) забайкальские”, вышедшая в 1898 году. Сообщение, посвящённое этнографии забайкальских семейских, было сделано Талько-Грынцевичем на собрании Троицкосавско-Кяхтинского отделения Географического общества 28 октября 1894 года¹⁵⁶.

Интерес к изучению забайкальских старообрядцев возник ещё в XVIII веке. Первым их описал П.С. Паллас в 1776 году. В 1796 о забайкальских семейских упомянул иркутский аптекарь Иоганн Север в своих “Письмах из Сибири”. Первым из русских путешественников, обративших внимание на старообрядцев в Забайкалье, был А.И. Мартос, описавший нравы и быт сектантов в работе “Письма о Восточной Сибири”¹⁵⁷. Этнограф и беллетрист С.В. Максимов упоминает о семейских в объёмном труде “Сибирь и каторга”¹⁵⁸. Описание образа жизни старообрядцев имеется также в мемуарах декабристов А.Е. Розена и А.П. Беляева¹⁵⁹.

В двух указанных работах, касающихся забайкальских старообрядцев, Ю.Д. Талько-Грынцевич использовал материалы своих предшественников, дополнив их собственными наблюдениями. Од-

¹⁵⁵ Талько-Грынцевич Ю.Д. Древние обитатели..., с. 61–76.

¹⁵⁶ Талько-Грынцевич Ю.Д. Семейские (старообрядцы) в Забайкалье, Кяхта, 1894.

¹⁵⁷ Мартос А.И. Письма о Восточной Сибири, М., 1827, с. 108–120.

¹⁵⁸ Максимов С.В. Сибирь и каторга, СПб., 1871, с. 323.

¹⁵⁹ Беляев А.П. Воспоминания о пережитом и пережитом // Русская старина, т. XXX, 1881, апрель, с. 819–820.

нако, если вопросы этнографии семейских рассматривались и до его исследований, то вопрос антропологии семейских оставался абсолютно неизученным. Только благодаря работе Талько-Грынцевича мы сегодня можем иметь представление об антропологическом типе забайкальских старообрядцев. Следует отметить, что после Грынцевича вопрос об антропологическом типе семейских больше не рассматривался, поэтому его исследование является уникальным и единственным в своём роде.

Самой крупной старообрядческой конфессией забайкальских старообрядцев были семейские, называемые так за то, что они жили большими семьями. К старообрядческим сёлам, расположенным в Забайкалье, относились следующие: в Верхнеудинском округе (по Хилку) – Бичура (свыше 5 тысяч жителей), Окинские Ключи (2,5 тысячи), Билюта (1,5 тысячи) и Маргинтуй (до 600); между Верхнеудинском и Петровским заводом – Большой Куналей (около 4 тысяч), Куйтун, Хонхолой, Тарбагатай, Никольское (до 3 тысяч каждое); Мухор-Шибир, Шералдай, Хараус, Десятниково, Надеино, Новая Брянь (около 1,5 тысяч каждое), Бурнашево, Шариха, Верхний Жирим (более тысячи каждое), Талицы, Хасуртай (до тысячи каждое) и Кирет (700 человек); по Чикою – Нижний Урлук, Нарым (Савичи) (до 500 душ каждое), Ново-Архангельск (1 000), Нарымские Ключи (до 200), Борхоево (1 000). Талько-Грынцевич избрал данную конфессию для своих антропологических исследований, так как считал её “выдающейся по чистоте типа и сохранению народного культа отрасли великорусского племени”¹⁶⁰. Как известно, старообрядцы не вступали в браки с людьми, не принадлежащими к их конфессии, поэтому их антропологический тип представлял собой совокупность чистейших славянских черт, без примеси монгольских, татарских или финских, столь характерных для русских. Талько-Грынцевич имел возможность всестороннего изучения нравов, обычаев, быта этих старообрядцев во время комиссий по воинскому присутствию (рекрутских наборов).

По сведениям Грынцевича, забайкальские семейские происходили от тех русских старообрядцев, которые за раскол были дважды сосланы в Сибирь из Белоруссии, после раздела Польши (в царствование Анны Иоанновны в 1733 году и Екатерины Великой в 1767 году). После Собора 1656 года и введения церковной реформы патриархом Никоном, стали применяться крутые меры для её внедрения, гонения и пытки приверженцев старой веры. Тысячами старообрядцы убегали в то время в соседние страны, особенно в Польшу, где была свобода вероисповедания и где они могли открыто молиться и исполнять обряды, иметь своих священников и печатать церковные книги. Грынцевич отмечал, что и в настоящее время в бывших польских провинциях, в Литве, Белоруссии и Галиции

¹⁶⁰ Талько-Грынцевич Ю.Д. Семейские..., с. 1.

встречается много старообрядцев, поселившихся здесь с того времени. В Галиции, например, они имеют законную духовную иерархию и печатают книги религиозного содержания. Однако, Грынцевич писал, что традиции и быт западных старообрядцев во многом отличались от таковых в Забайкалье¹⁶¹.

Забайкальские старообрядцы вспоминали о родине своих предков как о рае, где произрастали плодовые деревья и виноград, как об “обетованной земле, текущей молоком и мёдом”. Причиной переселения предков в Забайкалье семейские считали желание иметь больше земли и леса и освободиться от рекрутской повинности. По преданию из Белоруссии они шли партиями. Первая из них в 1755 году направилась на реку Чикой. Вторая в том же году перешла хребты и образовала по Чикою две новые волости: Тарбагатайскую и Мухор-Шибирскую. Третья партия в 1758 году прибыла в Иркутск, откуда направилась в Забайкалье. Она включала в себя 26 семей (70 душ) и сначала поселилась на реке Иро, где жила 9 лет, но покинула эти места из-за сильных морозов, мешающих хлебопашеству, переселилась на берега реки Хилок и там основала село Бичуру. Старец Кузьма Пантелеев показывал Грынцевичу в Бичуре записанный в молитвеннике рукой его деда этот памятный для них год переселения – 1767.

До появления старообрядцев эти места были заняты кочевьями номадов. В Бичуре вышеупомянутый старец Пантелеев рассказывал Грынцевичу, что когда старообрядцам была отведена земля и когда им показалось её мало, они выгнали рядом живущих бурят и заставили их кочевать дальше со своим скотом. В Бичуре семейские нашли и православных сибиряков, в значительной мере “обурятившихся”. Борьба с ними за землю была тяжёлой и долгой и потребовала даже вмешательства властей, но в конце концов земля осталась за семейскими. По словам Талько-Грынцевича, семейские справедливо гордятся тем, что благодаря их труду и труду предшествующих поколений они смогли добыть известное благосостояние: “Они вырубали дремучие леса, вспахали своим плугом безжизненную пустыню, недостаток воды восполнили искусственным орошением и, удобряя, получили плодородную почву. С падением вековых лесов, не пропускающих солнечных лучей, суровый климат стал мягче, исчез дикий зверь, проведены новые дороги и появились целые застроенные сёла. Семейские в Забайкалье были единственными пионерами цивилизации, принесшими свои нравы и культ и отстоявшими их на дальнем востоке”¹⁶². Являясь представителями более высокой культуры, старообрядцы ввели в Сибири полеводство и огородничество, приучили к хлебопашеству сибиряков. По словам Грынцевича, по благосостоянию

¹⁶¹ Талько-Грынцевич Ю.Д. Семейские..., с. 4.

¹⁶² Там же.

этих сектантов можно было сказать, что перед ним русские в Америке, а не в Сибири.

Талько-Грынцевич писал, что по данным обзора Забайкальской области за 1892 год общее число “раскольников” на её территории в отчётном году было 37 787 душ обоёго пола, оно увеличилось по сравнению с 1891 годом на 2 280 человек путём естественного прироста. Естественный же прирост всего населения области в указанный период при населении 589 443 душ обоёго пола был 9 653 человека, то есть 1,2%. По данным Талько-Грынцевича, естественный прирост старообрядческого населения в 1892 году был около 6%, то есть в 5 раз больше прироста остального населения Забайкалья. Эти данные объясняются необыкновенной репродуктивной способностью семейских (каждая женщина имела в среднем от 12 до 20 детей). Население Бичуры, самого крупного старообрядческого поселения, увеличилось за 116 лет своего существования в 71 раз.

Преследования старообрядцев правительством стало причиной их расселение по всей территории Сибири. Одни из них стремились на север в Берёзов, другие на юг в Алтайские горы, третьи на Байкал или Амур. Некоторые семейские после многократных переселений приняли китайское подданство. О существовании старообрядческих сёл в таёжной глуши Забайкальская администрация порой даже не знала, семейские не платили податей, управляли собой сами и только случай открывал их поселения.

Из 37 787 забайкальских семейских, по данным Грынцевича, 2 039 человек признавали священнослужителей, а 35 064 человека принадлежали к так называемой секте беспоповцев (среди них, в свою очередь, выделяли 33 064 беглопоповцев, признающих брак, и 2 000 собственно беспоповцев, не признающих брак). Остальные 635 человек принадлежали к другим мелким конфессиям, в том числе к “иудействующим”. Следовательно, самой распространённой конфессией среди забайкальских семейских была беглопоповская, признающая только тех православных священников, которые, по их словам, сбросили с себя “антихристову печать”. Эта конфессия, по мнению Талько-Грынцевича, проповедывала одно учение с московской часовенной конфессией и находилась с последней в постоянной связи. От часовенной конфессии беглопоповцы получали иконы, молитвенники и евангелие, церковную утварь, временно из Москвы к ним приезжали священники. Каждое старообрядческое село имело одного или двух людей, сведущих в богословии, с одним из них у Талько-Грынцевича состоялся разговор, касающийся основ их учения (хотя старообрядцы вообще мало склонны были общаться с людьми, не принадлежащими к их конфессии). Этот старообрядец так говорил о происхождении нового учения. Патриарх Никон, желая ввести новые церковные книги, обманул царя, рассказал ему сочинённый сон, что якобы в таком-то месте находятся зарытые книги. Царь послал людей, которые принесли ему книги, закопанные

раньше Никоном и испачканные для того, чтобы придать им более старый вид. После этого был издан указ об использовании новых священных книг при богослужении. Оскорбляясь прозвищем беглопоповцев, он называл свою конфессию общиной вольно приходящих священников, объясняя, что каждый священник, принявши крещение троекратным погружением, после миропомазания, совершённого их попом, получает священство. Далее он рассказал Грынцевичу, что священников потому только приглашают из Москвы, что там соблюдается древний обычай погружения при крещении. Когда же учёный возразил ему, что и среди православных крещение производится таким же образом, старообрядец ответил, что все православные – “обливанцы” и их обряды противны заповедям Господним. Количество священников своей конфессии он насчитывал в Москве не более 10. Говоря о чистоте учения, старообрядец для подтверждения своих слов приводил отрывки из духовных книг и показывал на таблицах рисунки, на которых было видно отличие в обрядах между православием и их учением. Эта разница, по его словам, и являлась печатью антихриста, принятая православием: вытянутые кверху руки Спасителя, скрещение ног на распятии, правописание имени Спасителя, положение крестного знамения на груди тремя пальцами, а не двумя, означающими две сущности – Божескую и человеческую. Дальнейший разговор касался рассуждений о конце мира. Он утверждал, что мир заканчивает своё существование, которое по священному писанию окончится в 7500-х годах, то есть должен перестать существовать приблизительно через 98 лет. Перед этим будут разные предзнаменования, люди станут грешить ещё больше и появится антихрист, который будет царствовать на земле 3,5 года. Начнутся страшные гонения и преследования христиан. Для уничтожения зла Бог ниспошлёт на землю своих пророков – Илью, Иоанна Богослова и Егиша, но когда и те не смогут уничтожить зло и антихрист отрубит им головы, тогда прогневанный Бог ниспошлёт на землю архангела Гавриила, как предвестника своего появления на земле, потом сам придёт судить, награждая праведных и наказывая виновных вечным огнём. Огненная дорога пронесётся с востока на запад, в ней сгорят сено и дрова, и уцелеет только золото, которое везде блестит. Когда Талько-Грынцевич спросил рассказчика, не знает ли он, где антихрист будет царствовать, тот ответил, что не то в Риме, не то в Иерусалиме и спросил, далеко ли эти города находятся друг от друга. “В речи этого человека, почти безграмотного, говорившего с жаром и увлечением и приводившего часто наизусть целые места из священного писания, выступала рядом с религиозными понятиями целая масса всяких суеверий, берущих начало в народных верованиях, из которых составил духовный мир понятий старообрядца”, – заключает Грынцевич¹⁶³.

¹⁶³ Талько-Грынцевич Ю.Д. Семейские..., с. 14.

Старообрядцы Бичуры ранее имели свою собственную церковь, но потом она была у них отнята и отдана православным. Талько-Грынцевич пишет, что в настоящее время они имеют только молитвенные дома, так называемые молельни без колоколов, в них молятся, собираясь по праздничным дням, причём один из стариков исполняет обряды и читает молитвы в отсутствие священника. Священник бывал у них один раз в несколько лет. В 1893 году священник объезжал старообрядческие сёла после десятилетнего отсутствия. Обычно прихожане собирали деньги по подписке и посылали своего уполномоченного за священником в Москву. Каждый приезд священника обходился семейским от 10 тысяч рублей и более. Приезд священника, на срок около полугода, становился торжеством, его всё время возили по сёлам. Тут он снова совершал и повторял обряды: крестил, венчал, отпевал, исполняя таинства часто спустя много лет после свершившихся фактов. Ввиду редкого приезда священника, родители, пользуясь его присутствием, часто венчали заранее малолетних детей. Своих покойников семейские хоронили ночью или ранним утром, дабы избежать присутствия посторонних лиц, что соблюдалось и при других религиозных обрядах. Старообрядцы имели свои отдельные кладбища, на которых не позволяли хоронить умерших других вероисповеданий.

Другая конфессия, безпоповцев, очень немногочисленная, жила разбросано. Большинство из них проживало в селе Большом Куналее (600 человек) и в Окино-Ключах (200 человек). Раньше семейские поселились в местности Окин, из-за неплодородной земли переселились за 10 верст, ближе к Бичуре, основали село, прозванное Окино-Ключами.

Из-за своей малочисленности и отсутствия всяких обрядов, безпоповцы меньше подвергались гонениям и преследованиям. Они, по мнению Талько-Грынцевича, более всего напоминали протестантов. Все молитвы и обряды совершал у них так называемый “старичок”, избранный из их среды. Обедни и таинств у них не существовало. Икон было очень мало, чаще встречалось металлическое распятие Спасителя. На стенах в каждом доме безпоповца можно было встретить развешенные фотографии многих “старичков”, прославившихся праведной жизнью и добрыми делами. На стенах в домах некоторых безпоповцев Грынцевич часто встречал изображения православных святых. Они объясняли это тем, что не признают этих святых, а наклеивают их изображения на стене как обыкновенные картинки.

По наблюдениям Талько-Грынцевича, семейские обладали редким природным умом и смекалкой; крепкие физически, стойкие в труде, они не выбирали средств для достижения намеченной цели.

Юношу в возрасте от 16 до 20 лет женили на девушке от 12 до 18 лет. По преданиям языческой славянской старины, семейские похищали себе жён у родителей, но этот обычай остался у них в каче-

стве простого обряда, ибо брак уже решён заранее между родителями жениха и невесты. Если на первых порах молодые не ужились, они могли разойтись, что не считалось предосудительным. Если муж и жена имели нескольких детей, брак мог быть расторгнут только в исключительных случаях и виновная сторона, по приговору старших, больше не должна была вступать в новый брак. Человеку позволялось жениться два раза в жизни. Молодые новобрачные жили обыкновенно в доме родителей жениха или невесты. Молодой помогал в работе отцу, молодая училась хозяйству у матери или свекрови, помогая ей на огороде, в поле и на кухне. Когда у молодых рождался ребёнок, родители строили им отдельный дом, чаще всего поблизости от своего. По наблюдениям Грынцевича, женщины, несмотря на тяжёлый физический труд и многочисленное потомство, даже в 50 лет имели свежий и бодрый вид и сохраняли женскую красоту, так явно отличающую семейский тип от местного сибирского. Несмотря на высокую рождаемость, значительна была смертность детей первых лет жизни от эпидемий, особенно натуральной оспы. До зрелого возраста доживала едва половина родившихся детей. Грынцевич отмечал, что рождаемость среди семейских гораздо выше, чем среди бурятского населения и в особенности сибиряков.

Семейские говорили на белорусском наречии с примесью сибирского говора. Большинство обучались у старичков церковно-славянскому языку, на котором написаны религиозные книги. Талько-Грынцевич сообщал, что среди призванных по воинской повинности в 1893 году в Бичурском участке, состоящем из пяти волостей (Бичурской, Еланской, Мало-Куналейской, Окино-Ключевской и Малетинской) из 111 человек, осмотренных им, полуграмотными были трое русских и грамотными два еврея. В Урлукском участке, состоящем из семи волостей (Урлукской, Нижне-Нарымской, Красноярской, Байхорской, Коротковской, Тамирской и Укыр-Шенойской) из 190 человек было шесть полуграмотных русских и один грамотный еврей. Когда Грынцевич задавал старообрядцам вопрос, почему они не обучают детей русской грамоте, те отвечали, что школа станет рассадником нового религиозного учения. Талько-Грынцевич отмечал, что у семейских почти не сохранилось народных песен, возможно потому, что они многократно переселялись.

Все семейские сёла славилась трудолюбием, их жители прекрасно обрабатывали поля. Землю пахали железным плугом, сеяли много хлеба, которого хватало не только для пропитания, но и на продажу. Обычно в неурожайные годы жители Забайкалья покупали хлеб у семейских, его везли даже на Амур. Семейские также занимались огородничеством и продавали овощи со своих огородов. Во всех старообрядческих сёлах Грынцевичу приходилось слышать жалобы на нехватку земель. Бичурская община, например, владела 5 000 десятин земли, на каждую душу мужского пола приходилось

по 2,5 десятины. Хотя другие сёла и владели большим количеством земли (Урлук – 4 000 десятин, Окино-Ключи – 3 000 десятин), но земля там менее плодородна. Недостаток земли побуждал многих семейских к вынужденному переселению. В 1892 году 50 семей, состоящих из 300 человек (100 – трудоспособного возраста), переселились из Бичуры на Амур, где умело применили свои познания в обработке земли и хорошо устроились. Грынцевич предполагал, что огромный прирост населения среди семейских и нехватка земли, вскоре заставят их искать новые места для поселения. Один старообрядец даже жаловался ему, что жить становится всё труднее из-за недостатка земли и их будущему поколению грозит безземелье. Многие из семейских искали работу на стороне, чаще всего отправлялись на золотые прииски, хотя это занятие в их понятии считалось недостойным. Молодёжь, работавшая на приисках или служившая в армии, привыкала к водке, табаку, картам и сквернословию, которое считалось у семейских грехом. Старообрядцы соблюдали строгое воздержание от водки и табака, многие старики не пили даже чая, заменяя его отваром бадана, ромашки или мяты. В старообрядческих сёлах не существовало кабаков.

Характерной чертой старообрядцев Талько-Грынцевич называл славянское хлебосольство. Они очень дружны между собой и всегда готовы помочь ближнему, если это был человек их конфессии. Если, например, сгорит дом у соседа, в постройке нового ему помогла вся деревня. Нищих среди них почти не встречалось. Судебные тяжбы и наказания весьма редки.

Всё наследство после родителей получали сыновья. Обычно родители строили дома сначала для старших сыновей, младший помогал родителям по хозяйству и наследовал их дом. Дочерям не давали приданого, кроме одежды и мебели.

Старообрядцы имели репутацию своенравных людей, не любящих вмешательства в свои дела. К задаваемым вопросам относились недоверчиво и отвечали уклончиво. Случаи неповиновения властям случались среди семейских очень часто, иногда дело доходило до весьма серьёзных столкновений. Особенно враждебно они относились к медицине и различным санитарным мерам. Санитарная обработка домов старообрядцев в Бичуре в 1893 году во время эпидемии холеры повлекла за собой целый ряд крупных недоразумений между бичуринцами и сельским врачом.

Значительная часть семейских приняла православие, утратила свои прежние характерные особенности и мало чем отличалась от сибиряков, хотя они и носили старинные одежды и сохраняли некоторые обычаи. Среди православных семейских уже не встречалось такого трудолюбия, ранее отличавшего их от сибиряков.

Постройки в семейских сёлах, по наблюдениям Грынцевича, возводились по-особому. Они строились в форме подковы или круга, посередине располагались огороды, поля или пустыри, обнесён-

ные заборами (Бичура, Урлук, Савичи). Улицы в сёлах ровные, длинные и широкие. В Бичуре одна из улиц тянулась на 11 вёрст. Дома у семейских высокие, с покатыми крышами, выстроенные крепко. Старые постройки чаще всего выходили фасадом во двор, а новые – на улицу. В некоторых сёлах, например, в Нарымских Ключах, дома окнами были обращены во двор, то есть на южную сторону для защиты от северных ветров. В семейских домах хорошие заборы и прочные ворота с крышей наверху. У зажиточных хозяев окна, ставни и ворота красились масляными красками. Во дворе каждого дома много построек для лошадей и скота, свидетельствующие о зажиточности хозяев. В праздничные дни возле домов сидели старики, а молодёжь, одетая в яркое платье, расхаживала по улицам. Вокруг каждого села располагались водяные мельницы. Возле самой богатой из старообрядческих деревень, Бичуры, в 1893 году их насчитывалось 83. По свидетельству Талько-Грынцевича, летом на мельницах мололи зерно по две копейки за пуд, а осенью – по три копейки. Зимой работали другие мельницы, построенные на льду, они могли работать только непродолжительное время, на них платили по пять копеек за пуд смолотой муки.

Что касается внутреннего устройства домов семейских, то они обычно состояли из просторных сеней, расположенных посередине дома, с одной стороны от них находилась небольшая комната, наподобие гостиной, зимой не отапливаемая из соображений экономии топлива и, как выражались семейские, “вымораживания тараканов и клопов”. С другой стороны от сеней располагалась “горница” с огромной русской печью, постоянное местопребывание всей семьи. Под потолком этой комнаты располагались полати для сушки осенью лука, зимой же на них спала вся семья. В более зажиточных домах двери и окна были расписаны масляными красками синий, красный и белый цвета. Иногда стены, печи, потолок, а также столы и скамейки раскрашивались узорами в старинном русском стиле. Полы покрывались коврами домашнего производства. В углу комнаты на полках расставлялись иконы, чаще всего Пресвятой Богородицы и Святого Николая Чудотворца. Семейские особенно ценили старые иконы, подделка которых была очень распространена. Комнаты в домах разделялись узорчатой коленкоровой занавеской. В одной из комнат в углу висел медный рукомойник или чайник на цепочке. Зимой дома семейских сильно натапливались. Грынцевич считал, что именно поэтому старообрядцы легко подвергались частым простудам и различным формам ревматических заболеваний. Он также отмечал, что из болезней, характерных для горной местности, среди семейских часто встречался зоб (у 10% мужчин в возрасте 20 лет).

Каждый хозяин-старообрядец имел во дворе баню, которую посещал один раз в неделю. Бани были курные, сверху покрытые землёй, в середине находилась печь, состоящая из кучи камней, в кото-

рой разводился огонь, дым через боковые отверстия выходил наружу. Моющийся обычно несколько раз выходил из бани на воздух для охлаждения.

Что касается одежды семейских, то в ней женщины более, чем мужчины, придерживались обычаев старины. По мнению Грынцевича, мужская одежда семейских представляла собой смесь великорусской, современной западной и элементов, заимствованных у соседей-бурят. Например, высокие чёрные или серые шляпы, которые были в моде в 70-е годы XIX столетия, заменила летом обыкновенная фуражка, а зимой овечья или лисья меховая бурятская шапка с наушниками. Красная кумачовая рубаха, выпущенная поперёк широких штанов, являлась как летней, так и зимней одеждой. У более зажиточных часто встречались рубахи других цветов из шёлковой китайской материи. На рубаху надевали верхнюю одежду из домотканого сукна, называемую зипуном. Молодёжь в сёлах, лежащих вдалеке от почтовых дорог, от влияния городов и сибирского населения, носила плисовые куртки с рукавами и стоячим воротником, с малыми или большими лацканами. Лацканы вышивали разноцветным шёлком. Грынцевич считал, что такие куртки семейские позаимствовали у западных славян. Вышитые на них узоры по рисунку весьма напоминали узоры на одежде краковян и мазуров (в Польше); подобные узоры часто вышивали и на рубахах. Куртка или армяк подпоясывался красным или зелёным кушаком. На ногах чаще всего носили унты и ичиги (род меховой обуви из звериных шкур).

Женщины в своей одежде любили яркие краски. Они носили красные рубашки из китайской шёлковой ткани и разноцветные юбки с фартуком. Головной убор у девушек (повязка с жемчужными привесками) сохранился большей частью в отдалённых селениях (Урлук, Савичи), там, где ещё не вышли из употребления куртки у мужчин. Замужние женщины носили на голове кокошники или кички. Их форма могла быть различна – высокая (как в Бичуре), широкая и низкая (Савичи), из-под них опускались на лоб жемчужные привески (как у чикойских). Кички на голове семейских женщин и без того высоких и хорошо сложенных, придавали им ещё большую стройность. Пожилые женщины, придерживающиеся старой моды, носили ещё вставленный в кокошник картон, обшитый золотым или серебряным галуном. В уши женщины вставляли длинные серьги, шею обвешивали целыми рядами бус, на пальцах как девушки, так и юноши носили много колец, а на руках – позаимствованные у бурят и монголов медные браслеты. На ноги женщины надевали чулки и низкие сапоги, называемые по-местному “чирки”. Однако эту “первобытную” обувь всё более и более вытесняли как у мужчин, так и у женщин, сапоги.

Грынцевич отмечал, что в последнее столетие русским правительством были сделаны попытки поселить старообрядцев в западных губерниях, среди польского, украинского, белорусского и ли-

товского населения. Однако эти начинания не увенчались успехом: старообрядцы, несмотря на даруемые им льготы, не смогли закрепиться на новых местах, беднели, бросали землю и расходились. Совсем по-другому складывалась судьба старообрядческих общин, нашедших пристанище в Сибири. Семейские смело вступили в борьбу с суровой северной природой. «Семейские являются в Сибири самым надёжным и стойким элементом, но поддающимся влиянию инородческому, и представляют крупную экономическую силу, ибо при огромной воспроизводительности организма, железном труде и знаниях, они могут явиться в будущем незаменимыми культиваторами девственных полей дальнего востока»¹⁶⁴.

Как было сказано выше, Грынцевич считал семейских самым чистым антропологическим типом среди великороссов. Вследствие того, что сектанты не соглашались на антропологические измерения, Грынцевич имел возможность исследовать их только во время медицинских осмотров в рекрутских комиссиях. Учёным было исследовано 232 мужчины в 11-ти старообрядческих деревнях. Грынцевич установил, что средний рост семейских 166,9 сантиметра, то есть они выше самых высоких великороссов, живущих на озере Ильмень. Из этого он сделал вывод, что предки семейских были выходцами из теперешней Нижегородской губернии. Старообрядцы имели длинное туловище и короткие ноги, белую кожу и светлые волосы, глаза голубые, серо-голубые или зелёные. Грынцевич отмечал, что семейские отличались большой головой и имели длинные черепа (подкороткоголовы), ведь брахицефалия – характерная черта славян, а долихоцефалия – признак влияния «инородческого» (финского) элемента. Борода у семейских появлялась только к 20-ти годам и только в среднем возрасте становилась густой. Они имели маленькие уши с выраженными ушными мочками, прямой или слегка вздёрнутый нос.

Талько-Грынцевич включил в свою работу фотографии двоих людей, наиболее ярко характеризующих чистейший славянский тип: Нестора Харлампиевича Савельева (крестьянин села Бичура, 21 год) и Исаака Ивановича Перелыгина (старшина Бичурской волости, 35 лет).

Несмотря на то, что название данного подраздела подразумевает только описание старообрядцев, позволим себе коснуться ещё и особенностей, которыми отличались забайкальские хлыстовцы. Талько-Грынцевич подробно описал историю этой конфессии в своих мемуарах, она вызывала у него большой интерес.

Новая конфессия хлыстовцев, основанная в России, нашла себе пристанище в 160 верстах от Троицкосавска в живописных горах над Чикоем вблизи деревни Урлук. В то время по Сибири скиталось множество бродяг, беглых крестьян из России, бандитов и убежав-

¹⁶⁴ Талько-Грынцевич Ю.Д. Семейские..., с. 25.

ших с работ каторжников. Всех этих людей без документов власти сажали в тюрьмы, пороли, ссылали на каторжные работы или на поселение в Сибири. Около 1830 года на Чикой пришёл некий старец Варлаам, построил себе в горах землянку и предался молитве, живя тем, что даст лес. Люди из округи приносили ему пищу, считали его святым человеком. Со временем он заслужил такое доверие среди населения, что к нему шли издали, а когда Варлаам задумал построить рядом с землянкой церковь и монастырь, посыпались щедрые пожертвования, в основном из купеческой Кяхты. Через некоторое время власти и духовенство также приняли участие в строительстве церкви, а при ней монастыря, с целью крещения бурят. Новую церковную постройку сделали филиалом большого монастыря около деревни Посольское на Байкале. Сюда приняли нескольких бродяг, которые стали первыми послушниками, прислали настоятеля и монаха (настоятель был приговорён к поселению в монастыре за раскольниковство и якобы отрёкся от него). Прибыв в Чикой, Варлаам начал религиозную пропаганду своего учения, которое быстро распространилось среди монастырской братии, соседних поселенцев и проезжавших кяхтинских купцов. Это было хлыстовское учение, очень распространённое среди русских средних и восточных губерний. Его начало датируется серединой XVII века, одновременно с отходом от церкви старообрядцев, которые не хотели принять новые литургические книги. Царь Алексей Михайлович и патриарх Никон начали беспощадно преследовать его. Вера хлыстовцев в переселение душ была заимствована из верований Востока. Здесь допускали переселение божества в человека, который таким образом становился богом или Христом, следовательно, могло появляться много маленьких “христов”, борющихся между собой, становился первым тот, кто с большим терпением сносил оскорбления. Хлыстовцы проповедовали воздержание от спиртных напитков, равенство сословий, братскую, взаимную помощь и верили, что каждый человек может стать пророком и даже Христом. Они допускали свободную любовь, которая даже входила в церковные обряды. Богослужение в церкви обычно начиналось молитвой, песнями, потом следовало взаимное бичевание, всё это оканчивалось “общим грехом”. Название хлыстовской конфессии происходило от слова “хлыст”, сами же они объясняли это название якобы искажённым словом “Христос”. Среди этих сектантов появилось много “христов”, “богородиц” и “апостолов”, перед которыми люди падали на колени, крестились и молились. По мнению Талько-Грынцевича эти “живые боги” с верой в переселение душ напоминали пародию на буддизм и доктрины тибетского ламаизма с живыми святыми “хубилганами”. Время от времени в России возбуждались судебные процессы, которые затем прекращались, а конфессии распространялись всё шире. Первый открытый процесс прошёл над хлыстовцами женского монастыря в Москве в 1733 году, когда осу-

дили 78 человек. Настоятеля и двоих приоров приговорили к смерти, остальных выслали в отдалённые монастыри. Несколько лет спустя, в 1740 году, снова состоялся суд над приверженцами этой конфессии, среди которых было много духовных и светских лиц, аристократов. Следствие выявило несколько сот виновных, которых сослали на каторжные работы, а часть отправили в дальние монастыри, где они не перестали распространять своё учение.

Грынцевич писал, что учение хлыстовцев было принесено в Чикойский монастырь и нашло последователей среди известной хяктинской купеческой семьи Молчановых. Николай Лукич Молчанов, глава семьи, в возрасте шестнадцати лет был “христом”, а его старшая сестра – “богородицей”. Позднее их приговорили к церковному покаянию. Первое следствие, начатое по этому делу, ничего не выяснило, так как власти были подкуплены. После нового расследования, проведённого чиновниками, присланными из Петербурга, руководство конфессии сослали, другие члены понесли различные наказания. Грынцевич вспоминает: «В моё время этот монастырь стал прибежищем разных бандитов и подозрительных личностей, так что ночью было опасно проезжать около него. Он превратился в средоточие преступлений, криминала, драк и убийств, в которых участвовали и монахи. Как судебного врача меня часто вызывали туда для медицинской экспертизы. Помню, как на суде я обратил внимание на свидетеля – протодьякона кафедрального собора в Чите, сосланного за пьянство в монастырь, сидевшего рядом с другими монахами и разбойниками. Это был мужик лет сорока, его толстая фигура, лицо без растительности и тонкий голос производили впечатление женщины. Через несколько лет, а именно в 1906 году, этот фаворит архиерея, привезённый им из России и проведший с ним рядом 20 лет, умер от пьянства. Настоятель монастыря не знал, что делать, когда после смерти дьякона в присутствии всех оказалось, что он был женщиной. Подозревая об отношениях между архиереем и умершим, не осмелились донести об этом “его преосвященству” и умершего похоронили как протодьякона.

Сектантство и теперь не исчезло в России, несмотря на пропаганду неверия, распространяемую правительством большевиков. В русской душе, склонной к мистике, глубоко чувствительной, много восточных корней, которые не вырвет цинизм московских доктринёров. Как сильны были в России сектантские течения, свидетельствуют последние дни распадающейся империи, когда представители известных высших кругов власти попали под влияние Распутина, Бадмаева и сумасшедшего Протопопова, а под покровительством царствующих особ в придворной церкви в Царском Селе совершали хлыстовские обряды »¹⁶⁵.

¹⁶⁵ Талько-Грынцевич Ю.Д. Сибирские страницы жизни, Чита, 2000, с. 43.

Подводя некоторый итог описанию Талько-Грынцевичем забайкальских старообрядцев, приведём здесь точку зрения учёного на религию как таковую. “Какая идея не лежала бы в основе религий – атеистическая, монотеистическая, политеистическая или пантеистическая, главной её задачей всегда является водворение законности и порядка, и с помощью только этой идеи можно понять все тайны, необъяснимые в практической, а тем более в религиозной жизни”¹⁶⁶. Этой фразой Талько-Грынцевич высказал свой взгляд на причины возникновения старообрядчества – протест против существующих порядков и власти.

Народное просвещение

По словам Ю.Д. Талько-Грынцевича, “счастливой случайностью” для его научной деятельности стало открытие в Троицкосавске секции Географического общества. Именно здесь наиболее ярко проявился организаторский талант учёного. Открытию содействовал тогдашний генерал-губернатор Приамурского края С.М. Духовской, понимавший задачи культурного развития вверенного ему края. Он ходатайствовал об открытии одной из секций Географического общества, а именно Приамурского отдела в Хабаровске с отделениями во Владивостоке, Чите и, наконец, в самом старинном культурном центре края (Троицкосавске. С.М. Духовской стал куратором отдела, прилагал все усилия для его развития и привлекал к работе в обществе даже находившихся в его подчинении офицеров и чиновников. Целью Географического общества было изучение страны, организация музеев, библиотек, метеорологических станций, проведение постоянных научных заседаний с привлечением широких кругов интеллигенции.

Русское географическое общество было учреждено ещё в 1845 году, его “штаб-квартирой” стал Санкт-Петербург. Открытие общества диктовалось потребностью в изучении огромных пространств России, в особенности её восточных окраин. Географическое общество имело четыре отделения: физической географии, математической географии, а также статистический и этнографический. В 1850 году стали создаваться отделы общества в различных областях России, в 1851 году основали Восточно-сибирский отдел. Вскоре каждой секцией были выработаны программы исследований и собраны материалы для составления этнографической карты России. Изучался климат различных регионов, их природные ресурсы и пр. Особенностью Русского географического общества, в отличие от зарубежных, было исследование вопросов общегосударственного значения, всемерное поощрение инициативы членов общества¹⁶⁷.

¹⁶⁶ Талько-Грынцевич Ю.Д. Семейские..., с. 16.

¹⁶⁷ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь, СПб., 1892, т. 8, с. 369–371.

14 июня 1894 года в Кяхтинском общественном собрании под председательством окружного военно-медицинского инспектора Приамурского края В.Н. Радакова, представлявшего особу губернатора, состоялось открытие отделения Географического общества и первого собрания его членов-учредителей. Что касается материальной поддержки этого филиала, больше всего рассчитывали на купеческую Кяхту, а потом уже на Троицкосавск, поэтому после долгих дебатов назвали отделение Троицкосавско-Кяхтинским. При учреждении секции главная трудность заключалась в том, чтобы найти людей, способных на должном уровне руководить её научной работой и в последующем работать для неё бесплатно. Необходимо отметить, что задачи и цель общества в момент его основания не всем были понятны. Многие смотрели на него как на преждевременную затею, к которой ещё никто не подготовлен, как на лишнюю трату денег и времени, относились к нему равнодушно, а порой даже враждебно. Участие в работе общества было своего рода подвижничеством, проявлением энтузиазма цветом городской интеллигенции.

Юлиан Доминикович Талько-Грынцевич был избран на должность “правителя дел” отделения, на его плечи ложилась вся ответственность по руководству научной деятельностью членов общества. Обязанности “правителя дел” Грынцевич исполнял безвозмездно в течение 14-ти лет, за это время отделением были решены колоссальные задачи. 103 члена Троицкосавско-Кяхтинского отделения Географического общества под руководством неутомимого Юлиана Доминиковича совершили, казалось, невозможное – далёкая восточная окраина необъятной Российской империи превратилась в культурный и научный центр, деятельность которого привлекала внимание не только отечественных, но и зарубежных исследователей.

На заседаниях Географического общества обсуждались научные работы членов, программы экскурсий, вопросы о публикации изданий, а также административно-хозяйственные дела, доклады, имеющие отношение к деятельности отделения. Из-за нехватки сотрудников Талько-Грынцевич помогал членам общества с написанием рефератов на ежемесячные заседания, проявляя незаурядную осведомлённость во всех сферах науки, будь то география, геология, ботаника или археология. Летом Грынцевич организовывал экскурсии или экспедиции, собирал зоологические, ботанические, минералогические, археологические образцы. Природные материалы, собранные в экспедициях, рассылались для ознакомления различным авторитетным учёным как в России, так и за границей. Результаты исследований публиковались в особом сборнике (“Трудах Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела императорского Русского географического общества”). Протоколы заседаний общества пунктуально составлялись “правителем дел”, им же редактировались готовящиеся к публикации статьи его членов.

Талько-Грынцевич систематически делал доклады о выдающихся деятелях в области географии. В 1895 году на заседании общества им был прочитан доклад о знаменитом путешественнике Марко Поло, посвящённый 600-летию юбилею со дня его рождения. Грынцевич ознакомил членов отделения с трактатом Поло – “Книгой чудес мира”. Он пришёл к выводу, что именно Марко Поло – первый европеец, описавший Забайкалье 600 лет назад, “населённое очень диким народом, питающимся дичью, не сеющим хлеба”¹⁶⁸. В 1900 году общество отмечало 100-летие со дня рождения выдающегося учёного-монголоведа Осипа Михайловича Ковалевского. Будучи соотечественником Ковалевского, Грынцевич сообщил собранию множество ранее неизвестных фактов из биографии учёного. Оказывается, Ковалевский достоверно знал место погребения Чингисхана и его наследников из переведённых им священных монгольским книг, однако, этот перевод был безвозвратно утерян при пожаре. Касаясь судьбы Ковалевского, Грынцевич говорит: “Наука благодарна, она не забывает своих истых поборников, а напротив значение их заслуг возрастает пропорционально времени”¹⁶⁹. Эти слова стали пророческими для их автора.

Талько-Грынцевич знакомил членов отделения с биографиями таких выдающихся географов и естествоиспытателей как Фридрих Ратцель, Элизе Реклю, Карл Линней¹⁷⁰. Талько-Грынцевич отмечал, что задачи географии значительно возросли. Он делил их на два основных направления: одно рассматривало Землю как физическое тело, на котором происходили и происходят различные физико-географические процессы; и второе, рассматривающее Землю как арену жизни и деятельности организмов и человека. Грынцевич представлял именно второе направление географической науки.

Из докладов Талько-Грынцевича члены общества узнавали о самых последних научных открытиях. На одном из заседаний учёным был прочитан доклад “К вопросу о происхождении человека”. Грынцевич сообщал об открытии Евгением Дюбуа недостающего переходного звена между человеком и человекообразной обезьяной на основании останков питекантропа, найденных на острове Ява. Талько-Грынцевич приводил все мнения “за” и “против” достоверности этого открытия и пришёл к выводу о победе антропонизма в науке¹⁷¹. Необходимо отметить, что, несмотря на истинную религиозность, Грынцевич полностью разделял теорию эволюции Ч. Дар-

¹⁶⁸ Талько-Грынцевич Ю.Д. К 600-летию юбилею Марко Поло // Протокол обыкновенного общего собрания ТКОПОИРГО, № 6, с. 10.

¹⁶⁹ Труды ТКОПОИРГО, т. V, вып. 1, 1902., М., 1902, с. 15.

¹⁷⁰ Талько-Грынцевич Ю.Д. Памяти Фридриха Ратцеля // Труды ТКОПОИРГО, т. VII, вып. 3, 1904. СПб., 1905, с. 21–22. *Он же.* Памяти Элизе Реклю // Труды ТКОПОИРГО, т. VIII, вып. 1, 1905. СПб., 1906, с. 58–59. *Он же.* Карл Линней (по поводу 200-летия дня его рождения) // Труды ТКОПОИРГО. т. X, вып. 1 и 2, 1907, СПб., 1909, с. 67–74.

¹⁷¹ Талько-Грынцевич Ю.Д. К вопросу о происхождении человека // Труды ТКОПОИРГО, т. VII, вып. 3, 1904. СПб., 1905, с. 8, 9.

вина, называя последнего величайшим из современных философво-натуралистов. Своего рода девизом деятельности Троицкосавско-Кяхтинского отделения Географического общества и его неутомимого руководителя стали слова Дарвина о судьбе смелых научных открытий: “Люди, по свойственной им рутине, всё новое вначале отвергают, называя “ложью”, затем мирятся с ним, и, наконец, настолько свыкаются, что уже называют эту ложь “правдой”, всем давно известной”¹⁷².

Талько-Грынцевич составлял сочувствованные некрологи безвременно ушедшим членам общества, говоря о той невосполнимой потере, которую это приносило отделению. Таковы некрологи хранителю музея В.С. Моллесону, члену отделения Л.Х. Хохряковой, меценату отделения А.М. Лушникову. Талько-Грынцевич писал: “В учёном обществе, в стране культурной, где жизнь кипит как в круговороте, уходят одни люди, заменяют их другие, а дальнейшая судьба учреждения не ложится всецело на плечи одиночных людей, лишь случайно встречающихся. Не то у нас”¹⁷³. Каждый сотрудник становился для общества незаменимым.

Географическое общество упрекали в том, что его научные исследования часто весьма и весьма далеки от географии и не вносят в науку ничего нового. Талько-Грынцевич, отвечая на подобные выпады, доказывал, что смысл деятельности отделения не только и не столько в том, чтобы внести в науку что-либо новое, а в том, чтобы привлечь внимание и интерес общественности к его деятельности.

Благодаря неутомимому трудолюбию “правителя дел”, вскоре о существовании Троицкосавско-Кяхтинского филиала Географического общества узнали не только отечественные, но и крупные зарубежные учёные. Талько-Грынцевич вёл огромную переписку, просил о содействии работе молодого филиала Географического общества. Часто случалось так, что в Троицкосавске не представлялось возможным определить принадлежность того или иного найденного экспоната. В таком случае Грынцевич направлял их авторитетным учёным-специалистам: профессору Н.Ф. Кащенко в Томск, К.А. Сатунину в Тифлис, Г.Г. Якобсону, И.В. Палибину и Г.Е. Грум-Гржимайло в Санкт-Петербург, В.Ф. Бротерусу в Гельсингфорс, Э.К. Янчевскому в Краков, Б.И. Дыбовскому во Львов. Талько-Грынцевич отправлял для определения профессору Холодковскому образцы человеческих глистов, идентификация которых на месте была невозможна¹⁷⁴. Определением орнитологических коллекций отделения занимался известный зоолог Императорской академии наук В.Л. Бианки. Значительные коллекции, собранные по зоологии и ботанике, дали возможность, по инициативе Талько-Грынцевича,

¹⁷² Труды ТКОПОИРГО, т. VII, вып. 2, 1904, СПб., 1905, с. 21.

¹⁷³ Там же, т. II, вып. 1 и 2, 1899, М., 1900, с. 1.

¹⁷⁴ Труды ТКОПОИРГО, т. IX, вып. 2, 1906, СПб., 1909.

вича, обмениваться экспонатами с богатыми и известными западно-европейскими музеями. Так например, был продан дубликат гербария монгольской флоры Женевскому городскому гербариию, энтомологическая монгольская коллекция продана в Киев, в несколько германских музеев отправлены дубликаты шкурки птиц и млекопитающих. Происходил обмен и с Американским географическим обществом в Нью-Йорке. Археологические коллекции отправлялись и в Забайкальский областной музей в Читу¹⁷⁵. Деятельность общества заинтересовала многих.

“Правителя дел” неоднократно просили о разного рода услугах. Профессор-ботаник Янчевский просил о присылке семян красной смородины для культивирования таковой в Кракове¹⁷⁶. Сам заинтересовавшись ботаникой, никогда вплотную ей ранее не занимаясь, Талько-Грынцевич ставил опыты по разведению в Забайкалье сахарной свёклы по методу известного специалиста в этой области. К.К. Зеновича. Оказалось, что при определённых условиях свёкла, выращенная в Забайкалье, содержит меньший процент сахара, чем выращенная в Польше до введения там более совершенной обработки земли. Талько-Грынцевич также занимался изучением питательных свойств сои (*soja hispida*), из которой китайцы получали так называемое “растительное молоко”.

Троицкосавск-Кяхта лежал на пути, по которому следовали экспедиции в Монголию, Китай и Тибет. Экспедиции обычно останавливались в городе в конце зимы или ранней весной, а затем следовали далее. Секция Географического общества много лет играла роль “информационно-научного бюро”, в котором русские и иностранные учёные получали необходимую информацию о Востоке. Многие путешественники, возвратясь из дальних странствий, впервые делились своими находками на заседаниях общества, дарили их в местный музей. Троицкосавск посетила военная экспедиция Н.М. Пржевальского и его ученика П.К. Козлова, направлявшаяся в Тибет; экспедиция Н.М. Ядринцева, следовавшая к столице Чингисхана Каракоруму. Побывали экспедиции Акселя Хейкеля, В.В. Радлова, Г.Н. Потанина. Троицкосавск посетил секретарь Парижского географического общества Марцелин Моньер, французский журналист Пауль Лаббе, известный путешественник Свен Хедин. Все они обращались за информацией и содействием в Географическое общество.

Одним из самых приятных воспоминаний для Талько-Грынцевича было знакомство с супругами Е.Н. и Д.А. Клеменц, которые три года провели в путешествиях по Монголии с целью изучения её эт-

¹⁷⁵ Отчёт о деятельности Читинского отделения ПОИРГО за 1895 год, Чита, 1896, с. 7–10.

¹⁷⁶ *Талько-Грынцевич Ю.Д.* Памяти В.С. Моллесона // Труды ТКОПОИРГО, т. II, вып. I и 2, 1899, М., 1900а, с. 1–4.

нографических и археологических памятников. Зимой Клеменцы жили в Троицкосавске, в доме Талько-Грынцевича. Вечера Грынцевичи и Клеменцы проводили за самоваром, Дмитрий Александрович рассказывал о своих приключениях, заражая всех добродушным смехом. В один из таких зимних вечеров Талько-Грынцевич поделился с Клеменцем своей мечтой о создании общеславянского научного союза: “Наподобие того, как в политике и в общественных делах, так и в науке мы можем укрепнуть воссоединением и созданием общего научного славянского союза, распадающегося на отдельные общества в каждой славянской стране, их же представители составляли бы союз. Задачей союза было бы руководство международными изданиями, предназначенными для ознакомления иностранцев с прогрессом славянской науки; организовывались бы научные славянские съезды в разных славянских землях, а в вопросах большого научного значения, или когда бы потребовались средства для каких-нибудь открытий или исследований разыскивались бы таковые, чтобы работы славян не сделались достоянием иностранцев. Хорошо организованные такие учреждения несомненно имели бы последствием освобождение нас из-под патроната немецкой науки, что предоставило бы славянской науке в будущем самостоятельное положение между цивилизованными народами... Если сегодня разные споры и политический антагонизм разделяют многие славянские народы, то (верю в это) рано или поздно, может быть не скоро, но мысль эта войдёт в жизнь и при условиях более благоприятных созреют обильные плоды”¹⁷⁷. Д.А. Клеменц высказывал полное понимание и сочувствие идеям Грынцевича.

Кроме научной деятельности отделение, как единственное “учёное” общество в городе, по предложению “правителя дел”, взяло на себя инициативу в сфере народного образования и, желая облегчить для населения приобретение книг, в 1901 году открыло склад народных изданий. При незначительных затратах, отделению удалось в течение 3-х лет расширить это дело, продав книги на общую сумму в несколько тысяч рублей.

Одними из многих учреждений Географического общества стали музей и библиотека, которыми из-за недостатка сотрудников заведовал Ю.Д. Талько-Грынцевич. Музей, открытый 1 января 1895 года, действует и в настоящее время, поражая посетителей уникальными по богатству и красочности экспозициями, в которых сошлись Восток и Запад, древность и современность. Особо ценными в музее являются гуннские коллекции, собранные Талько-Грынцевичем¹⁷⁸. В музее также были размещены историко-природные коллекции Монголии, Китая и Японии. На торжественном открытии музея Талько-Грынцевич отметил, что “то, к чему стремились здесь

¹⁷⁷ Труды ТКОПОИРГО, т. XIII, вып. 1, 1910, СПб., 1911, с. 12, 13.

¹⁷⁸ Константинов М.В. Оракулы веков, Чита, 1997, с. 35–40.

с такими трудами несколько лет, то, что было мечтою многих из нас, с сегодняшним днём приобретает прочную основу для своего существования”¹⁷⁹.

Все коллекции, собранные отделением, перевезли в Кяхту, в каменный дом, пожертвованный купцом А.Д. Старцевым. Хотя дом не вполне соответствовал своему назначению, находясь в нескольких верстах от Троицкосавска в слободе Кяхте (что очень затрудняло наблюдение за музеем и его посещение в холодное время года), тем не менее это способствовало процветанию музея и сохранности его коллекции, которые могли пострадать находясь в наёмных помещениях. После ремонта дома на его окнах, по инициативе “правителя дел”, были установлены никелированные решётки для охраны ценных экспонатов. На щедрые пожертвования купечества в музее сделали новые шкафы, витрины и другую мебель. С 1 января 1895 года музей открыли для посещений публики. Вход был бесплатным. Ежегодное число посетителей превышало три тысячи. Это – очень большое количество, если принять во внимание малое число жителей города. Среди посетителей были люди разных сословий и национальностей: мещане и крестьяне, приезжие и путешественники, гимназисты, русские, буряты, монголы, тибетцы. Очень интересовались коллекциями музея китайцы из соседнего с Кяхтой поселения Маймачена.

Талько-Грынцевич также сформировал отдел по антропологии, состоящий из экспонатов человеческих костей и черепов от 80-ти разных скелетов, извлечённых из могил разных эпох, преимущественно в юго-западном Забайкалье. Самые древние черепа были найдены Талько-Грынцевичем в курганах близ Сухого ключа на реке Селенге. Один из них – огромных размеров, короткоголовый, с сильно выдающимися надбровными дугами, теменным бугром и скулами. Два других состояли из лобного и теменного осколков, были длинноголовыми. Грынцевич причислял эти черепа к самым древним из найденных в Сибири.

Ю.Д. Талько-Грынцевич принимал участие в формировании отдела доисторической археологии. Он состоял из найденных в Забайкалье предметов каменного века (скребки, ножи, стрелки, пилы, молотки, жернова). Для сравнения помещалась полученная из Франции классическая коллекция каменного века, а также образцы того же века из Минусинского края, Гродненской губернии и других областей Российской империи. Обращала на себя внимание коллекция древних земледельческих орудий, особенно сошников различных форм и размеров из железа и бронзы. Из предметов систематических раскопок здесь находились вещи, относящиеся к обряду погребения в гробах (о чём подробно было сказано выше).

¹⁷⁹ Цит. по: “Байкал”, 1994, № 3, с. 194.

Ещё больше в музее имелось предметов из гуннских погребений в срубках: разных костяных предметов в виде ножей, длинных круглых палочек, палочек в форме рыбы, пряжек, колец, железных гвоздей, рукояток от сабель с золотой инкрустацией, изделий из белой бронзы, полированных зеркал с украшениями китайской работы, золотых листиков, тонких золотых пластинок.

Отделение Географического общества поручало своему “правителю дел” приобретать также и этнографические коллекции для музея, выделяя средства для этих целей. Вот состав одной из коллекций, купленной Грынцевичем: монгольские шахматы, монгольский женский головной убор из серебра; китайские предметы: детские игрушки, фонарь, шапка, скрипка, монгольский жестяной кувшин.

Талько-Грынцевич жертвовал музею образцы и из своих личных коллекций. Вот лишь некоторые из них: раскрашенные ламаитские бурханы (божества), череп монгольской собаки, 3-х месячный зародыш человека, образцы неолита, череп монгольского быка, монгольские хадаки.

Из-за недостатка средств на содержание музея Талько-Грынцевич читал публичные лекции в пользу музея. Одна из таких лекций под названием “Поездка на Запад” была прочитана 21 декабря 1902 года и принесла музею прибыль в 144 рубля 75 копеек.

Длительное время Талько-Грынцевич заведовал библиотекой при Географическом обществе. Она собиралась из книг, пожертвованных различными учреждениями, научными обществами и частными лицами. Библиотечный фонд включал и работы самого Талько-Грынцевича. Большинство изданий ранее принадлежало Императорской академии наук. Несмотря на недостаток средств на приобретение книг, к 1908-му году библиотека содержала уже около 60 000 томов. Большую часть книг составляли собственные издания Троицкосавско-Кяхтинского отделения Географического общества. Постепенно улучшалось и качество изданий общества. Сначала это были подборки протоколов в виде брошюр, а с 1898 года статьи и протоколы оформлялись в виде “Трудов”. Поначалу редактирование этих изданий целиком лежало на “правителе дел”, затем они редактировались и издавались в Иркутске и Санкт-Петербурге.

В 1895 году Географическое общество приняло в своё ведение метеорологическую станцию. Были налажены систематические наблюдения, результаты которых ежемесячно публиковались в изданиях отделения. Итоговый анализ этих наблюдений послужил основой работ Ю.Д. Талько-Грынцевича по климатологии. Мы уже упоминали выше о работе учёного “Климат Троицкосавско-Кяхты в гигиеническом отношении”. Грынцевич изучал также так называемую “подземную климатологию” (то есть физические изменения, происходящие в почве, почвенной воде и почвенном воздухе), результаты исследования он привёл в работе “К вопросу изучения высоты стояния почвенной воды в г. Троицкосавске и его

слободе Усть-Кяхте”¹⁸⁰. К сожалению, исследования были весьма ограничены. В окрестностях Троицкосавска и Усть-Кяхты производилось измерение температуры колодезной воды (так как это давало представление о температуре почвенных вод), а также определялся уровень колодезной воды в зависимости от того, как далеко от реки располагался тот или иной колодец. Составлялись таблицы изменения соответствующих показателей в зависимости от времени года.

В программу деятельности отделения было внесено предложение Ю.Д. Талько-Грынцевича по сбору этнографических сведений о “семейских” (забайкальских старообрядцах), а также по антропологическому изучению современных автохтонов, костей из древних могил. В результате археологических экспедиций по Троицкосавскому округу в течение 14-ти лет Талько-Грынцевичем были раскопаны и изучены сотни древних захоронений.

Талько-Грынцевич пользовался большим уважением и авторитетом в обществе. Три раза его переизбирали на должность “правителя дел”, причём без баллотировки, как будто не допуская и мысли о возможной альтернативе Талько-Грынцевичу. Кандидатура Талько-Грынцевича была предложена при избрании Председателя отделения, однако, учёный скромно отказался от этой чести.

“...Ю.Д. Талько-Грынцевич ответил, что он весьма благодарен за оказанную ему честь, очень ею дорожит, но тем не менее считает нужным отказаться от предложенного почёта и находит более удобным, если должность председателя займёт другое лицо. “И почёт и личное моё честолюбие я готов принести в жертву на пользу общего дела”, (добавил оратор. Слова эти были покрыты дружными, продолжительными аплодисментами”, (говорится в одном из протоколов заседаний общества¹⁸¹.

Если с самого начала деятельности Троицкосавско-Кяхтинского отделения Географического общества мало кто верил в успех предпринятого дела кроме горстки энтузиастов, то через 14 лет после его учреждения результаты работы были налицо. Вот как об этом писал коллега Талько-Грынцевича, “правитель дел” Читинского отделения Географического общества Д.М. Головачёв: “Плодотворная и энергичная деятельность Троицкосавско-Кяхтинского отделения в течение истекших лет, направляемая столь опытным и преданным науке многоуважаемым Юлианом Доминиковичем Талько-Грынцевичем с немногочисленной, но тесно сплочённой группой местных интеллигентных работников, даёт полную уверенность, что отделение будет неуклонно развивать свои силы в деле научного изучения и культурного подъёма нашей окраины”¹⁸².

¹⁸⁰ Труды ТКОПОИРГО, т. IV, вып. 1, 1901, Иркутск, 1902.

¹⁸¹ Там же, т. VII, вып. 2, 1904, СПб., 1905, с. 15.

¹⁸² Там же, с. 20.

Заслуги Ю.Д. Талько-Грынцевича в различных отраслях науки были отмечены многими авторитетными научными учреждениями. В 1905 году Императорское Русское географическое общество присудило учёному большую Золотую медаль за его работы в области антропологии и этнографии, а также премию имени великого князя Сергея Александровича. В этом же году Грынцевич был избран членом-корреспондентом по естественно-математическому отделу Краковской Академии наук и членом-корреспондентом Чешско-Славянского общества народоведения в Праге. Годом ранее, в 1904 году, Талько-Грынцевича избрали членом-корреспондентом русского Комитета Международного Союза для изучения Средней и Восточной Азии. Грынцевичу было присвоено звание почётного члена Троицкосавско-Кяхтинского отделения Географического общества.

В 1908 году Ю.Д. Талько-Грынцевич, получив предложение от профессора Э.К. Янчевского возглавить кафедру физической антропологии в Ягеллонском университете в Кракове, покидает Забайкалье навсегда. “Я прощался с собранием отделения Географического общества с опасениями, не зная, какова будет его судьба после моего отъезда”, (вспоминает учёный в своих мемуарах¹⁸³). К счастью, опасения Талько-Грынцевича были напрасны: за 14 лет работы в отделении им был заложен крепкий фундамент, который трудно было поколебать.

После отъезда Талько-Грынцевич по мере возможностей продолжал участвовать в работе общества, посылал образцы в музей, писал статьи. В свою очередь отделение содействовало созданию Талько-Грынцевичем музея антропологии при Краковском университете. “Правитель дел”, полковник А.Д. Хитрово, отослал Грынцевичу коллекцию растительных веществ, используемых в тибетской медицине¹⁸⁴. Талько-Грынцевич отослал в Кяхту образцы виленского неолита.

Статьи Ю.Д. Талько-Грынцевича проникнуты теплотой и любовью к краю, в котором он прожил шестнадцать лет. За отсутствием докладчика, они зачитывались либо “правителем дел”, либо другом учёного П.С. Михно¹⁸⁵. Находясь за тысячи миль от Троицкосавска, Талько-Грынцевич продолжал незримо присутствовать среди членов общества. “Вот полтора года, как я покинул Забайкалье, многолетняя работа, посвящённая этой стране, часто возвращает мои взоры к ней, к природе и к людям, там живущим. Если я не могу теперь ничего дать отделению из работ, относящихся к его территории, то хочу по многолетнему навыку поделиться теми впечатлениями, какие вынес не из Монгольских степей или окрестностей Усть-Кяхты,

¹⁸³ Талько-Грынцевич Ю.Д. Сибирские..., с. 77.

¹⁸⁴ Труды ТКОПОИРГО, т. IX, вып. 2, 1906. СПб., 1909.

¹⁸⁵ Там же, т. XV, вып. 3, 1912, СПб., 1914.

а из отдалённой, но родной нам по крови и языку западной страны – Чехии и Моравии”, – так начал Грынцевич свою первую статью, отправленную в отделение после отъезда из Забайкалья¹⁸⁶. Талько-Грынцевич как и в бытность свою “правителем дел” общества, старался держать его членов в курсе самых знаменательных событий, происходящих в научном мире Европы. И в далёком Кракове он оставался верен своим словам, сказанным в честь десятилетнего юбилея общества: “Да крепнет и развивается наше молодое отделение, да будет оно носителем света и истины, проникая своим влиянием в самые отдалённые деревни и улусы, внушая людям заветы правды и любви!”¹⁸⁷.

Ю.Д. Талько-Грынцевич принимал активное участие в работе Забайкальского общества врачей. В условиях отдалённости Забайкальской области от главных научных учреждений страны, ограниченной возможности заниматься в глубинке научными исследованиями в сфере медицины, отсутствия современного оборудования и новинок медицинской литературы было крайне трудно совершенствовать знания и навыки врачей. Оставался один выход из сложившейся ситуации: учиться друг у друга, обмениваться опытом и знаниями, иными словами – самосовершенствоваться. Для этой цели по инициативе доктора медицины, врачебного инспектора Забайкальской области Андрея Григорьевича Цитовича было создано Забайкальское общество врачей¹⁸⁸. В октябре 1892 года был утверждён Устав общества врачей¹⁸⁹. 14 января 1893 года члены общества собрались на своё первое заседание. Председателем был избран инициатор создания общества А.Г. Цитович, товарищем (помощником) председателя – В.Я. Кокосов, секретарём и библиотекарем – И.И. Араксимович. Целью общества являлось изучение санитарного и эпидемиологического состояния Забайкальской области, составление медицинской топографии и санитарной карты области, привлечение местной администрации к организации сельских медицинских учреждений, санитарно-просветительская деятельность. Общество планировало открыть в Чите амбулаторию или домашний приём для оказания хирургической и терапевтической помощи больным. Члены общества занимались проблемой самообразования врачей, делились опытом проведения сложных хирургических операций¹⁹⁰. В планы общества входило создание собственной библиотеки, выписка русских и иностранных периодических изданий, медицинских инструментов. Материальную базу общества составляли

¹⁸⁶ Труды ТОПОИРГО, т. XIII, вып. 1, 1910, СПб., 1911, с. 7.

¹⁸⁷ Там же, т. VI, вып. 2, 1903, СПб., 1904, с. 49.

¹⁸⁸ Календарь памятных и знаменательных дат истории здравоохранения Читинской области, Чита, 1991.

¹⁸⁹ Устав Забайкальского общества врачей в Чите, 1893.

¹⁹⁰ *Петряев Е.Д.* Из истории врачебных обществ в Восточной Сибири // Советское здравоохранение, 1960, № 3, с. 51–56.

членские взносы¹⁹¹. За период своего существования (с 1893 по 1923 год) общество издало несколько сборников, в которых были опубликованы наиболее интересные случаи из личной практики врачей-членов этого общества.

Идея создания Забайкальского общества врачей весьма заинтересовала Ю.Д. Талько-Грынцевича. К тому времени за плечами учёного был пятнадцатилетний опыт работы в практическом здравоохранении. Талько-Грынцевич также прошёл стажировку в самых престижных университетских и частных клиниках Берлина, Парижа и Вены. Будучи хорошо знаком с зарубежной научной медицинской литературой, в особенности с французской, Талько-Грынцевич применял в забайкальской глубинке новейшие достижения зарубежных коллег. Убедившись в успешности их применения на практике, Талько-Грынцевич поспешил поделиться опытом. Летом 1894 года он отправил свою статью “Случаи применения метода Лаборда” в Забайкальское общество врачей. Статья очень заинтересовала членов общества. На заседании 14 августа 1894 года было принято единогласное решение об избрании Ю.Д. Талько-Грынцевича в его члены. Статью постановили напечатать в “Протоколах” общества¹⁹².

Метод оживления, применённый на практике Грынцевичем в 1894 году, был предложен французским врачом Лабордом всего двумя годами ранее, в 1892. Талько-Грынцевич так излагает историю открытия метода: “История и способ его применения с самого начала был следующий: первый раз применил его Лаборд в 1892 году у утонувших и угоревших, о чём сделал сообщение в Парижскую медицинскую академию. Потом д-р Бильо применил его с успехом у 4 рабочих, задохшихся при очистке выгребной ямы, а ветеринар Мутеле оживил этим способом недышавшего новорожденного телёнка. В 1893 году Лаборд представил академии опять несколько случаев оживления при асфиксиях новорожденных, токсических, судорожных асфиксиях и при повешении, потом оживления 2-х утопленников и 2-х отравленных. Неудачи при оживлении новорожденных по методу Лаборда приписывались тем случаям, где было не простое прекращение функции дыхания, а черепное кровоизлияние, вызванное при родах. Способ Лаборда не действительнее, а лишь удобнее других. Вскоре потом казуистика обогатилась 5 новыми случаями оживления новорожденных, 3-х больных дифтеритом и другими болезнями. Пальо представил случай оживления взрослого человека, которому конфета попала в дыхательное горло, а Муазард в госпитале Труссо применил этот способ на трёх крупозных больных, после трахеотомии, где напрасно были испробованы все другие средства.

¹⁹¹ Календарь памятных и знаменательных дат..., 1993.

¹⁹² Протоколы заседаний Забайкальского общества врачей в Чите с приложениями за 1894 и 1895 гг., Чита, 1897.

Способ, употреблённый Лабордом, состоит в сильном вытягивании языка наружу и кверху периодически, соответственно ритму дыхательных движений (т.е. 15–20 раз в минуту. – *Примеч. автора*).

Рекомендуя свой способ для введения в инструкции оживления мнимоумерших, Лаборд объяснил его действие в начале механическим устранением закупоривания гортани, впоследствии же он полагал, что вытягивание раздражает нервные стволы: *lingualis* (язычный), *glosso-pharyngeus* (языкоглоточный) и *laryngeus superior* (верхний гортанный), а через них стволы дыхания. Но опыты, произведённые потом на животных, подтвердили это только относительно *p. laryngeus superior*¹⁹³.

Как сообщает Ю.Д. Талько-Грынцевич в своей статье “Случаи применения метода Лаборда”, он применил этот метод при асфиксии у новорожденного. 5 июля 1894 года Талько-Грынцевич был приглашён к 36-летней роженице, имевшей пятерых детей. Последняя беременность протекала у женщины тяжело, часто повторялись сильные внутренние боли, живот был увеличен сильнее, чем при предыдущих беременностях. При первичном осмотре Талько-Грынцевич обнаружил сильно гипертрофированную щитовидную железу (которая, по словам женщины, увеличилась за период беременности), отёки на ногах, варикозно расширенные вены. До приезда врача родилась девочка, однако, правая половина живота роженицы была значительно больше левой, ещё не произошло отделение плаценты. При выслушивании живота женщины Талько-Грынцевич определил сердцебиение второго плода. Врачу предстояло помочь ему появиться на свет. Прежде всего, Грынцевич произвёл ручную отделение плаценты, однако, эта манипуляция осложнилась кровотечением, так как плацента оказалась частично приращена (самое частое осложнение, встречающееся в Забайкалье у рожениц, как отмечал учёный). Определив пальцевым исследованием влагилица, что плодный пузырь напряжён и опущен, Грынцевич разорвал его, вызвав излитие огромного количества околоплодных вод. Стало очевидным другое осложнение родов – неправильное предлежание плода (левым плечиком). Талько-Грынцевич ускорил роды, совершив поворот плода на ножки.

Младенец родился с признаками асфиксии, Талько-Грынцевич применил несколько способов оживления: выпускание крови при перевязке пуповины, вдувание воздуха и искусственное дыхание по способу Шульца, однако они не привели к желаемому эффекту. Тогда Грынцевич провёл эксперимент: первый раз в своей практике применил новый метод Лаборда – вытягивание языка. Только через полчаса, после многократных вытягиваний языка, соответствующих ритму дыхания, появились слабые признаки жизни – едва

¹⁹³ Талько-Грынцевич Ю.Д. Случаи применения метода Лаборда // Протоколы заседаний Забайкальского общества врачей в Чите за 1894 и 1895 гг., Чита, 1897, с. 10, 11.

слышные хрипы. После этого Грынцевич повторил прежние манипуляции, причём ввиду трудности захватывания короткого языка новорожденного пальцами, он надавил на язык чайной ложечкой и вытянул его вперёд. Через час, после многократного повторения этих манипуляций, стали появляться слабые дыхательные движения, ещё через четверть часа младенец издал едва слышный крик, усилившийся при его погружении в ванну. Сражение за жизнь ребёнка было выиграно. Как отмечал Грынцевич, мать и младенец живы и здоровы.

Способ оживления Лаборда был также применён Талько-Грынцевичем у женщины, отравившейся китайской водкой. Испробовав всевозможные методы, не давшие результата, врач применил ритмичное вытягивание языка. Через 20 минут появилось поверхностное, а затем более глубокое дыхание, кожа лица стала покрываться румянцем, появился пульс.

Ю.Д. Талько-Грынцевич не настаивал на *абсолютной* эффективности данного метода и считал, что он должен применяться наряду с другими методами оживления, предлагая коллегам-врачам также использовать его на практике¹⁹⁴.

Несмотря на отдалённость местопребывания Ю.Д. Талько-Грынцевича от “штаб-квартиры” Забайкальского общества врачей – Читы, он всегда был в курсе тех проблем, которые решало общество. Он регулярно присылал как свои работы, касающиеся медицины и антропологии, так и протоколы заседаний Троицкосавско-Кяхтинского отделения Географического общества, на которых обсуждались вопросы эпидемиологии, гигиены, санитарной статистики. Среди работ, присланных Ю.Д. Талько-Грынцевичем обществу врачей значились следующие: “Случаи врождённой деформации черепа”, “О человеческих костях, найденных в окрестностях Усть-Кяхты”, “Климат Троицкосавска-Кяхты в гигиеническом отношении”¹⁹⁵.

Между Талько-Грынцевичем и председателем общества врачей А.Г. Цитовичем сложились тёплые дружеские отношения. Отправляя какие-либо материалы в Читку, Талько-Грынцевич не упускал случая написать сопроводительное письмо “милостивому государю Андрею Григорьевичу”¹⁹⁶. Цитович, являясь в свою очередь непосредственным начальником Талько-Грынцевича, всегда вставал на его сторону, когда над головой “гордого поляка” сгустились тучи в канцелярии губернатора.

В декабре 1906 года главный врачебный инспектор В. Анре́п обратился к А.Г. Цитовичу, сообщая, что вскоре состоится XIV Меж-

¹⁹⁴ *Эйльбарт Н.В.* Ю.Д. Талько-Грынцевич и Забайкальское общество врачей // Мир. Справедливость. Гуманизм, Чита, 2000, т. 2, с. 62–65.

¹⁹⁵ ГАЧО, 1 вр., оп. 1, д. 94, л. 114.

¹⁹⁶ ГАЧО, 1 вр., оп. 1, д. 94, л. 114.

дународный Съезд по гигиене и демографии. Он просил общество врачей в лице его председателя оказать содействие и привлечь компетентных лиц к работе по разработке намеченных съездом вопросов. Для разработки предлагалась тема “ Борьба с заразными болезнями и попечение о заболевших”. Анреп просил предоставить сведения по следующим вопросам: контроль над дезинфекцией, новейшие способы борьбы против брюшного тифа; меры защиты лиц, подвергаемых вакцинации, от возможности приобретения заразных болезней¹⁹⁷. К обращению прилагалась полная программа конференции¹⁹⁸. В свою очередь А.Г. Цитович обратился в циркулярном письме к врачам, наиболее компетентным в этих вопросах, в том числе и к Ю.Д. Талько-Грынцевичу. Сохранились врачебные отчёты, присланные А.Г. Цитовичу, большинство из них больше похоже на отписку. Отчёт Ю.Д. Талько-Грынцевича – наиболее полный и обстоятельный, в нём по пунктам даны ответы на поставленные вопросы¹⁹⁹.

Таким образом, несмотря на отдаленность центра Забайкальской области, это не помешало Талько-Грынцевичу оказывать самое деятельное содействие работе Забайкальского общества врачей, вносить свою лепту в общую копилку знаний сибирских медиков. Он являлся также активным членом врачебных обществ в Красноярске, Иркутске, Вильно²⁰⁰.

* * *

Давая оценку жизненного пути, пройденного российско-польским учёным Ю.Д. Талько-Грынцевичем, становится ясным, что он стоял на стыке двух культур, двух цивилизаций, восточной и западной. Будучи поляком по происхождению, большую часть своей жизни Ю.Д. Талько-Грынцевич прожил в России и вернулся в Польшу лишь на склоне лет. Здесь, в Забайкалье, к нему пришла научная известность, здесь он был счастлив, занимаясь любимым делом, вопреки жизненным неурядицам.

Юлиан Доминикович Талько-Грынцевич “был человеком науки” в полном смысле этого слова, науки, не знающей ни идеологических, ни географических, ни социальных, ни национальных границ. С одинаковым энтузиазмом и беззаветной преданностью делу он работал в разных уголках мира, среди людей разного мировоззрения и принадлежащих к различным культурам. В начале данной книги мы назвали его российско-польским учёным. Будучи поляком по происхождению и западным человеком по культуре, он полюбил Восток, Сибирь, Забайкалье, впитал в себя их дух, очень многое сделал как для российской, так и для польской науки. Слова, сказанные

¹⁹⁷ ГАЧО, 1 вр., оп. 2, д. 618, л. 6.

¹⁹⁸ ГАЧО, 1 вр., оп. 2, д. 618, лл. 2–4.

¹⁹⁹ ГАЧО, 1 вр., оп. 2, д. 618, лл. 7, 8.

²⁰⁰ Biografie uczonych polskich, cz. II. Nauki biologiczne, PAN, 1985, s. 393–396.

Грынцевичем в адрес градоначальника Троицкосавска, своего земляка Александра Зеновича, о том, что его имя в Сибири напишут золотыми буквами, в полной мере можно отнести и к самому учёному.

Даже в его последние дни мысли учёного были обращены к судьбе дела всей его жизни. В своей предсмертной записи в дневнике он писал : “Теперь моя глубочайшая забота о том, чтобы мой наследник с почтением относился к кафедре, которую я организовал с таким трудом. Я мечтаю, чтобы и дальше эта кафедра блестяще развивалась и стала мощной кузницей с никогда не гаснущим пламенем научной работы”²⁰¹. Талько-Грынцевич верил в то, что пламя науки никогда не погаснет, если быть преданным ей так, как был предан он.

²⁰¹ Цит. по: *Глоб Х., Шостек К.* Краткая история жизни и работы исследователя Забайкалья проф. Юлиана Талько-Грынцевича в 150 годовщину рождения // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии, т. I. Археология. Этнология: Материалы международной научной конференции, Улан-Удэ, Изд.-во БНЦ СО РАН, 2000, с. 134.

Ściągam Pani Swojemu Uściłowaniu
na pamięć, serdecznej przyjaźni
Pracodawca autor

Kraków
I/8. 1935.

WSPOMNIENIA Z LAT OSTATNICH

Титульный лист второй части мемуаров Ю.Д. Талько-Грышцевича “Воспоминания последних лет” с дарственной подписью автора на польском языке. Книга из фонда библиотеки Ягеллонского университета в Кракове

КЪ ВОПРОСУ

объ

изученіи физиологическихъ явленій половой жизни женщинъ въ Забайкальи

Ю. Д. Талько-Грынцевича.

Sur la question des recherches physiologiques de la vie
sexuelle des femmes en Transbaïkalie.

Par

J. de Talko-Hryniewicz.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія „Герольда“, Вознесенскій пр. № 3.

1903.

Титульный лист книги Ю.Д. Талько-Грынцевича “К вопросу об изучении физиологических явлений половой жизни женщин в Забайкалье”

ТРУДЫ

Троицкосавско-Няхтинскаго Отдѣленія Приамурскаго Отдѣла
Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Томъ II. Выпускъ 1 и 2. 1899.

Travaux de la Sous-Section Troitzkossawsk-Kiakhta Section du pays
d'Amour de la Société Imperiale Russe de Géographie.

Tome II, livraison 1 et 2, 1899.

МОСКВА.

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКИЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА

1900

Титульный лист "Трудов" ТКОПОИРГО, где публиковал свои работы Ю.Д. Талько-Грынцевич

Г. ТРОИЦКОСАВСКЪ.

СЪ ДОЗВОЛЕНІЯ НАЧАЛЬСТВА.

ВЪ ЧЕТВЕРГЪ, 21 ПОЯБРЯ 1902 Г.

ВЪ ЗАЛЪ ОБЩЕСТВА ПРИКАЗЧИКОВЪ;
правителемъ дѣль Троицкосавско-Кяхтинскаго Отдѣленія
Приамурскаго Отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО русскаго
Географическаго Общества

Ю. Д. Талько-Грынцевичемъ,

БУДЕТЪ ПРОЧИТАНА

въ пользу львнскаго музея

ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦІЯ:

„ПОѢЗДКА НА ЗАПАДЪ“

(путевая замѣтка и печатлбнія).

СО Д Е Р Ж А Н І Е:

Выѣздъ. Иркутскъ. Москва и Петербургъ и
ихъ научныя коллекціи. Литва. Черезъ Вар-
шаву въ Краковъ и достопримѣчательности
последняго. Карпаты. Поѣздка во Львовъ.
Проф. В. П. Дыбовскій и его книга „о Си-
бири и Камчаткѣ“.

Начало ровно въ 6 часовъ вечера.

ЦѢНА МѢСТАМЪ:

1 и 2 ряда	1 руб. 60 коп.
3 — 6 „	1 „ 05 „
7 — 11 „	80 „
остальныя	55 „
улицнага галерея	30 „

Билеты заблаговременно можно получать въ магазинѣ Второва, а въ
день лекціи, съ 4 часовъ по полудни, при входѣ въ залъ.

На основаніи Высочайше утвержденнаго 5 мая 1892 года мѣсна Государственнаго Совета и
утвержденнаго 20 Августа 1892 года правилъ взысканія сбора съ публичныхъ зрѣлищъ и уве-
селеній, со всѣхъ билетовъ взыскается сборъ, означенный цѣнами, безъ которыхъ билеты не
дѣйствительны.

Распорядитель, Кяхтинскаго Отдѣленія М. Бардашевъ.

— 1 —

Афиша лекции, прочитанной Ю.Д. Талько-Грынцевичем в пользу Кяхтинского музея.
Из личного архива краеведа Е.Д. Петряева

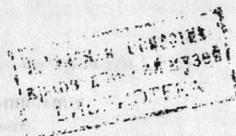
Заседание ТКОПОИРГО. Крайний справа – Ю.Д. Талько-Грышневич.
Фотография из архива Читинского областного краеведческого музея

Ю. Талько-Грынцевичъ.

ПОЛЯКИ.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

(Оттискъ изъ „Русскаго Антропологическаго Журнала“, 1901 г., № 1.)

МОСКВА.

Типо-литографія А. В. Васильева и К^о, Петровка, домъ Обидной
1901.

Титульный лист книги Ю.Д. Талько-Грынцевича "Поляки"

СУДЖИНСКОЕ
ДОИСТОРИЧЕСКОЕ КЛАДБИЩЕ

ВЪ ИЛЬМОВОЙ ПАДИ

ТРОИЦКОСАВСКАГО ОКРУГА, ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ.

НАЛЕОТНОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНИЕ

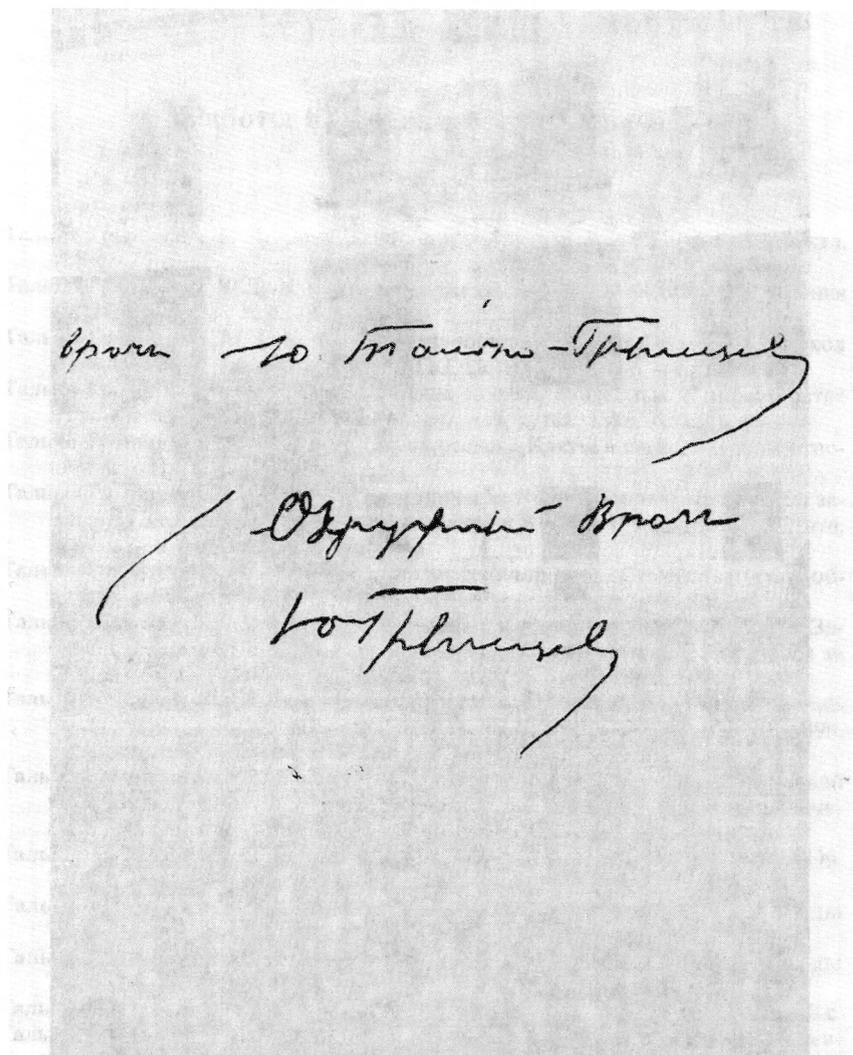
Ю. Д. Талько-Грынцевича.

МОСКВА

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИ А. П. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКИЙ ПЕР., ДОМЪ МАМОНТОВА

1899

Титульный лист книги Ю.Д. Талько-Грынцевича “Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади”

Образец почерка Ю.Д. Талько-Грынцевича (по материалам ГАЧО)

**Здание Collegium Iuridicum на улице Гродской в Кракове.
В этом средневековом здании, построенном в конце XIV века, жил и работал в последние годы Ю.Д. Талько-Грынцевич (фото автора)**

Библиография

Работы Ю.Д. Талько-Грынцевича

На русском языке

- Талько-Грынцевич Ю.Д.** Семейские (старообрядцы) в Забайкалье. – Кяхта, 1894. – 25 с.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.** К этнографии Китая // Протокол общего собрания ТКОПОИРГО. – № 4. – С. 5–25.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.** К 600-летию юбилею Марко Поло // Протокол обыкновенного общего собрания ТКОПОИРГО. – № 6. – С. 5–17.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.** О человеческих костях, найденных в окрестностях Усть-Кяхты (Забайкальской области). – Иркутск, 1895. – 5 с.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.** Климат Троицкосавска-Кяхты в гигиеническом отношении. – Иркутск, 1897. – 99 с.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.** Случаи применения метода Лаборда // Протоколы заседаний Забайкальского общества врачей в Чите за 1894 и 1895 гг. – Чита, 1897. – С. 9–12.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.** К антропологии великороссов. Семейские (старообрядцы) забайкальские. – Томск, 1898. – 52 с.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.** Продолжительность жизни русского населения в Забайкалье, вычисленная на основании записей смертности в 11 приходах за 23 года. 1869–1891. – М., 1898. – 52 с.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.** Заметки по антропологии северных китайцев. Китайцы кяхтинского и ургинского Маймачена // Труды ТКОПОИРГО. 1899. Т. II. Вып. 3. – М., 1899. – С. 1–81.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.** Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади Троицкосавского округа Забайкальской области. Палеоэтнологическое исследование. – М., 1899. – 77 с.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.** Памяти В.С. Моллесона // Труды ТКОПОИРГО. 1899. Т. II. Вып. 1 и 2. – М., 1900. – С. 1–4.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.** Древние обитатели Центральной Азии // Труды ТКОПОИРГО. 1899. Т. II. Вып. 1 и 2. – М., 1900. – С. 61–76.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.** О чумных заболеваниях в Монголии // Труды ТКОПОИРГО. 1899. Т. II. Вып. 1 и 2. – М., 1900. – С. 96–110.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.** Поляки. Антропологический очерк. – М., 1901. – 30 с.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.** К 100-летию рождения Осипа Михайловича Ковалевского (1800–1900) // Труды ТКОПОИРГО. 1900. Т. III. Вып. 1. – Иркутск, 1902. – С. 65–78.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.** Материалы к палеоэтнологии Забайкалья IV // Труды ТКОПОИРГО. 1900. Т. III. Вып. 1. – Иркутск, 1902. – С. 4–61.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.** Материалы к палеоэтнологии Забайкалья VI // Труды ТКОПОИРГО. 1901. Т. IV. Вып. 2. – М., 1902. – С. 32–60.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.** К вопросу изучения высоты стояния почвенной воды в г. Троицкосавске и его слободе Усть-Кяхте // Труды ТКОПОИРГО. 1901. Т. IV. Вып. 1. – Иркутск, 1902. – С. 68–80.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.** К антропологии Забайкалья и Монголии. – М., 1902. – 55 с.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.** Народности Центральной Азии (монголо-халхасцы, буряты и тунгусы). Антропологический очерк // Труды ТКОПОИРГО. 1902. Т. V. Вып. 1. – М., 1902. – С. 39–77.

- Талько-Грынцевич Ю.Д.** Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. – Иркутск: Типограф. газ. “Восточное обозрение”, 1902. – 35 с.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.** К вопросу об изучении физиологических явлений половой жизни женщин в Забайкалье. – СПб., 1903. – 43 с.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.** Материалы к палеоэтнологии Забайкалья VII // Труды ТКОПОИРГО. 1903. Т. VI. Вып. 2. – СПб., 1904. – С. 8–23.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.** Древние памятники Западного Забайкалья (с картою их распределения) // Труды XII археологического съезда в Харькове. 1902. – № 1. – М., 1905. – С. 492–505.
- Талько-Грынцевич Ю.Д., Моллесон М.И.** Отчёт о деятельности отделения, составленный правителем дел Ю.Д. Талько-Грынцевичем и консерватором музея М.И. Моллесон // Труды ТКОПОИРГО. 1904. Т. VII. Вып. 2. – СПб., 1905. – С. 21–65.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.** Ямаровка как курорт и будущая санатория для Восточной Сибири // Труды ТКОПОИРГО. 1904. Т. VII. Вып. 1. – СПб., 1905. – С. 36–70.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.** Памяти Фридриха Ратцеля // Труды ТКОПОИРГО. 1904. Т. VII. Вып. 3. – СПб., 1905. – С. 21–22.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.** К антропологии тунгусов. Иройские хамнеганы // Труды ТКОПОИРГО. 1904. Т. VII. Вып. 3. – СПб., 1905. – С. 66–200.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.** К вопросу о происхождении человека // Труды ТКОПОИРГО. 1904. Т. VII. Вып. 3. – СПб., 1905. – С. 8–9.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.** Памяти Элизе Реклю // Труды ТКОПОИРГО. 1905. Т. VIII. Вып. 1. – СПб., 1906. – С. 58–59.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.** Древние аборигены Забайкалья в сравнении с современными инородцами. Сравнительно-антропологический очерк // Труды ТКОПОИРГО. 1906. Т. VIII. Вып. 1. – СПб., 1906. – С. 32–52.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.** Памяти Л.Х. Хохряковой // Труды ТКОПОИРГО. 1906. Т. IX. Вып. 2. – СПб., 1909. – С. 3–6.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.** Некоторые данные о весе мозга жителей Забайкалья // Труды ТКОПОИРГО. 1906. Т. IX. Вып. 2. – СПб., 1909. – С. 51–81.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.** Карл Линней (по поводу 200-летия дня его рождения) // Труды ТКОПОИРГО. 1907. Т. X. Вып. 1 и 2. – СПб., 1909. – С. 67–74.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.** Экскурсия в Чехию и Моравию // Труды ТКОПОИРГО. 1910. Т. XIII. Вып. 1. – СПб., 1911. – С. 7–21.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.** Съезд археологов и антропологов в Праге в 1912 году // Труды ТКОПОИРГО. 1912. Т. XV. Вып. 3. – СПб., 1914. – С. 45–52.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.** Материалы к антропологии и этнографии Центральной Азии. Записки АН СССР. Вып. 1. – Л., 1926. – 96 с.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.** Население древних могил и кладбищ забайкальских // Бурятияведение. № 1–3 (5–7). – Верхнеудинск, 1928. – 85 с.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.** Сибирские страницы жизни. – Чита, 2000. – 99 с.

На польском языке

- Talko-Hryniewicz J.** Spostrzezenia objawow fizjologicznych zycia plciowego u mieszkancow powiatu Zwinogradzkiego i okolic do niego przyległych (gubernii Kijowskiej) // Zbiór Wiad. do antrop. kraj. T X. Dz. II. Akad. Umiej. Krakow, 1886, s. 15–18.
- Talko-Hryniewicz J.** Polacy jako badacze Dalekiego Wschodu // Przegląd Współczesny, 1924, Nr. 26, s. 12–48.
- Talko-Hryniewicz J.** Z przeżytych dni. Warszawa, 1930, 320 s.
- Talko-Hryniewicz J.** Wspomnienia z lat ostatnich. Warszawa, 1932, s. 7–26.

Литература о Ю.Д. Талько-Грынцевиче

На русском языке

- Глоб Х., Шостек К.** Краткая история жизни и работы исследователя Забайкалья проф. Юлиана Талько-Грынцевича в 150 годовщину рождения // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. – Т. I. – Археология. Этнология: Материалы международной научной конференции. – Улан-Удэ. – Изд.-во БНЦ СО РАН. – 2000. – С. 132–136.
- Коновалов П.Б.** По следам Ю.Д. Талько-Грынцевича. (Археологическая разведка хуннских погребений в Южном Забайкалье) // Труды Бурятского института общественных наук / БФ СО АН СССР, 1969. – С. 156–167.
- Константинов М.В., Эйльбарт Н.В.** Юлиан Талько-Грынцевич и его мемуары // Гуманитарный вектор. – 1997. – № 1. – С. 79–83.
- Орлова А.Н.** Краеведы города Кяхты // Труды Кяхтинского музея. – 1949. – С. 63–71.
- Отмановский В.Д., Ролле И.А.** Ю.Д. Талько-Грынцевич // Советское здравоохранение. – 1962. – № 8. – С. 75–77.
- Петряев Е.Д.** Исследователи и литераторы старого Забайкалья. – Чита, 1954. – С. 210–212.
- Петряев Е.Д.** Краеведы и литераторы Забайкалья: Библиографический указатель. – Чита, 1981. – С. 102–103.
- Шостакович Б.С.** История поляков в Сибири (XVII–XIX век). – Иркутск, 1995. – С. 5, 129.
- Эйльбарт Н.В.** Юлиан Талько-Грынцевич – польский исследователь Забайкалья // Роль интеллигенции в духовном развитии общества. Вторые Иннокентьевские чтения. – Чита, 1999. – С. 40–44.
- Эйльбарт Н.В.** Юлиан Талько-Грынцевич. Польша и Забайкалье // Молодая археология и этнология Сибири. XXXIX РАЭСК. Доклады. – Чита, 1999. – Ч. 1. – С. 14–15.
- Эйльбарт Н.В.** Ю.Д. Талько-Грынцевич, вклад в археологию и антропологию Забайкалья // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. – Новосибирск, 2000. – Т. 1. – С. 38–39.
- Эйльбарт Н.В.** Ю.Д. Талько-Грынцевич и Забайкальское общество врачей // Мир. Справедливость. Гуманизм. – Чита, 2000. – Т. 2. – С. 62–65.

На польском языке

- Biografie uczonych polskich**, cz. II. Nauki biologiczne. PAN, 1985. s. 393–396.
- Jasicki A.** Osrodek Krakowski // w: Sto lat antropologii polskiej. Wrocław, 1957, s. 46.
- Konopka S.** Polska bibliografia lekarska XIX wieku. T. XI. Warszawa, 1982, s. 19–26.
- Polski słownik biograficzny**, t. X/1, z. 44. PAN, 1962, s. 55–56.
- Slabczynscy W. i T.** Sownik Podroznikow Polskich. Warszawa, 1992, s. 308–309
- Slabczynski T.** Związki polskich badaczy ludow Syberii z Rosijskim Towarzystwem Geograficznym // w: Historia kontaktow polsko-rosijskich w dziedzynie etnografii, “Monografie z Dzieow Nauki i Techniki”, t. 103, 1976, s. 34.

- Stolyhwo K.** Talko-Hrynecwicz (notatka bio-bibliograficzna) // "Swiatowit", t. 8, 1907, s. 65.
- Stolyhwo K.** S.P. prof. dr. Juljan Talko-Hrynecwicz // "Przegląd Antropologiczny", t. 10, 1936, s. 3–8.
- Wrzosek A.** Juljan Talko-Hrynecwicz // "Przegląd Antropologiczny", t. 1, z. 2, 1926, s. 59–79.
- Wrzosek A.** Bibliografia antropologii polskiej, t. 1, Wrocław, 1959, s. 330–353, 400–406.
- Zarys dziejow nauk przyrodniczych w Polsce.** Warszawa, 1983, s. 624–627.

Архивные источники

- ГАЧО, ф. 1 вр., оп. 1, д. 94, лл. 7, 104, 114, 120, 128, 137, 140, 141, 149.
ГАЧО, ф. 1 вр., оп. 2, д. 627, л. 12.
ГАЧО, ф. 1 вр., оп. 2, д. 1086, л. 15.
ГАЧО, ф. 1 вр., оп. 2, д. 237, л. 9.
ГАЧО, ф. 1 вр., оп. 2, д. 215, лл. 80–81.
ГАЧО, ф. 1 вр., оп. 3, д. 82, л. 61.
ГАЧО, ф. 1 вр., оп. 2, д. 618, л. 8.
ГАЧО, ф. 1 вр., оп. 2, д. 360, лл. 212–214, 217, 219–222, 225.
ГАЧО, ф. 1 вр., оп. 2, д. 196, л. 232.
ГАЧО, ф. 1 вр., оп. 2, д. 607, л. 4, 7.
ГАЧО, ф. 1 вр., оп. 2, д. 308, лл. 7, 12, 17, 29, 33.
ГАЧО, ф. 1 вр., оп. 2, д. 286, 165 л.
ГАЧО, ф. 115, оп. 1, д. 46, лл. 151–153, 156.

Использованная литература

Справочники. Энциклопедии

- Большая Советская Энциклопедия.** – М., 1971. – Т. 25. – 615 с.
Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. – СПб., 1892. – Т. 8. – С. 369–371.
Сибирская Советская Энциклопедия. – Нью-Йорк, 1992. – Т. 4. – С. 1085.

Исследования

- Анучин Д.Н.** О людях русской науки и культуры. – М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1950. – 335 с.
Бараев В.В. Древо: декабристы и семейство Кандиных. – М., 1991. – 270 с.
Бастракова М.С., Павлова Г.Е. Наука: власть и общество // Очерки русской культуры XIX века. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. – Т. 2. – С. 329–391.
Беляев А.П. Воспоминания о пережитом и пережившем // “Русская старина”, т. XXX, 1881, апрель. – С. 819–820.
Беневоленская Ю.Д. Морфологические проявления феномена смешения на черепе человека и неандертальская проблема // Вестник антропологии. – М., 1996. – № 2. – С. 216–227.
Бибикова В.А., Классовский Л.Н. Передача чумы блохами. – М., 1974. – 187 с.
Богданов А.П. Соотношения в историческом развитии зоологических и медицинских учений. Вступительные лекции в курс зоологии для медиков, читанные в Московском университете в сентябре 1876 г. – М., 1876. – 156 с.
Богданов А.П. Антропологическая физиогномика // Антропологическая выставка. Т. II (приложение). Изв. ОЛЕАиЭ. – 1878–1879. – Т. XXXI. – С. 28–42.
Бураев А.И. Антропологический состав средневекового населения Бурятии по данным краниологии // Проблемы истории Бурятии: Тезисы и доклады научно-практической конференции. – Улан-Удэ, 1993. – С. 51–53.
Бэр К.М. Человек в естественно-историческом отношении // Русская фауна или описание и изображение животных, водящихся в Империи Российской. – СПб., 1851. – Ч. 1. – С. 389–623.
Бэр К.М. О древнейших обитателях Европы // Западно-Русское географическое общество. – СПб., 1863. – Кн. 1. – С. 2–20.
Бэр К.М. Описание черепов, вырытых из Александровского кургана // Древности Геродотовской Скифии. – СПб., 1866. – Вып. 1. – С. I–XVI.
Василевич Г.М. Эвенки. – Л., 1969. – 303 с.
Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России. – М., 1960. – 398 с.
Васильев С.В. Тригонометрия лицевого скелета ископаемых гоминид // Вестник антропологии. – М., 1996. – № 2. – С. 227–245.
Гендунов А.А. Из истории краеведческого музея // Байкал. – 1994. – № 3. – С. 8–17.
Голенкова А.И. Следопыты Байкала. – Иркутск, 1986. – 222 с.
Голубинский Е.П. О чуме в Сибири. – Иркутск, 1987. – 242 с.
Гохман И.И. Новая методика вычисления средних контуров краниологических серий // СЭ. – 1962. – 2. – С. 48–64.

- Гохман И.И.** Антропологическое изучение Забайкалья в Троицкосавско-Кяхтинском отделении Русского географического общества // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. – Л., 1977. – Вып. VII. – С. 158–164.
- Гумилёв Л.Н.** Хунну. – СПб., 1993. – 212 с.
- Данилов С.В.** Археологические памятники долины р. Джиды (поздняя бронза, раннее железо, средневековье) // Тезисы и доклады научной конференции “Банзаровские чтения”. – Улан-Удэ, 1992. – С. 59–61.
- Даревская Е.М.** А.Д. Старцев – сын Н.А. Бестужева // Сибирь и декабристы. – Иркутск, 1981. – Вып.2. – С. 132–159.
- Давыдова А.В.** Иволгинский археологический комплекс. Иволгинское городище. – СПб., 1995. – С. 5–7.
- Давыдова А.В.** Иволгинский археологический комплекс. Иволгинский могильник. – СПб., 1996. – С. 6–7.
- Дебец Г.Ф.** Палеоантропология СССР // ТИЭ (новая серия). – М., 1948. – Т. 4. – С. 56–64.
- Дебец Г.Ф.** Опыт определения веса живых людей по размерам длинных костей // VII МКАЭН. – М., 1964. – С. 115–137.
- Диков Н.Н.** Бронзовый век Забайкалья. – Улан-Удэ, 1958. – С. 68–69.
- Дубова Н.А.** Антропология белуджей Туркменистана // Вестник антропологии. – М., 1996. – № 2. – С. 53–84.
- Евдокимова С.В.** Кяхта – культурный центр Забайкалья XIX века // Тезисы и доклады научной конференции “Банзаровские чтения-2”. – Улан-Удэ, 1997. – С. 33–36.
- Забайкальские областные ведомости.** – 1900. – № 7.
- Заблудовский П.Е.** История отечественной медицины. – М., 1960. – Ч. 1. – С. 84–85.
- Заболотный Д.К.** Чума (pestis bubonica): эпидемиология, патогенез и профилактика. – СПб., 1907. – 100 с.
- Залкинд Е.М.** Общественный строй бурят XVIII и первой половине XIX века. – М., 1970. – 399 с.
- Заннер Э.П.** Путешествие длиною в три столетия. – Иркутск, 1973. – 205 с.
- Записки барона Андрея Евгеньевича Розена** // Отечественные записки. – 1880. – С. 410–413.
- Казмиров В.В.** По следам забытой жизни. – Чита, 1957. – 40 с.
- Календарь памятных и знаменательных дат истории здравоохранения Читинской области.** – Чита, 1991. – 45 с.
- Календарь памятных и знаменательных дат истории здравоохранения Читинской области.** – Чита, 1993. – 123 с.
- Ковригина В.А.** Здравоохранение // Очерки русской культуры XIX века. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. – Т. 2. – С. 395–471.
- Коновалов П.Б.** Исследования погребальных памятников хунну в Бурятии // Исследования по истории и филологии Центральной Азии. – Улан-Удэ, 1976. – Вып. IV. – 22 с.
- Коновалов П.Б.** Древние культуры Бурятии и этническая динамика // Актуальные проблемы истории Бурятии. – Улан-Удэ, 1990. – С. 3–6.
- Коновалов П.Б.** Какие археологические памятники связаны с историей бурятского народа? // Проблемы истории Бурятии. Тезисы и доклады научно-практической конференции. – Улан-Удэ, 1993. – С. 3–10.
- Константинов М.В.** Каменный век восточного региона Байкальской Азии. – Улан-Удэ – Чита, 1994. – 266 с.
- Константинов М.В.** Оракулы веков. – Чита, 1997. – С. 35–40.

- Крадин Н.Н.** Империя хунну. – Владивосток, 1996. – 165 с.
- Лебедев Г.С.** История отечественной археологии. 1700–1917 гг. – СПб., 1992. – 466 с.
- Левин М.Г.** Очерки по истории антропологии в России. – М., 1960. – 175 с.
- Лобанов В.Н.** Патологическая анатомия и патогенез чумы у человека. – М., 1956. – 176 с.
- Мазин А.И.** Быт и хозяйство эвенков-орочонов (конец XIX – начало XX века). – Новосибирск, 1992. – 154 с.
- Максимов С.В.** Сибирь и каторга. – СПб., 1871. – С. 323.
- Мамонова Н.Н.** К антропологии гуннов Забайкалья (по материалам могильника Черёмуховая падь) // Расо-генетические процессы в этнической истории. Сб. памяти Г.Ф. Дебеца. – М., 1974. – С. 51–69.
- Мамонова Н.Н., Тугутов Р.Ф.** Раскопки гуннского могильника в Черёмуховой пади // Археологический сборник. – Улан-Удэ, 1959. – Вып. 1. – С. 39–56.
- Манжигеев И.А.** Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. – М., 1978. – 125 с.
- Маргос А.И.** Письма о Восточной Сибири. – М., 1827. – С. 108–120.
- Миняев С.С.** Сюнну // Исчезнувшие народы. – М., 1988. – С. 112–127.
- Михайлов Т.М.** Из истории бурятского шаманизма с древнейших времён по XVIII век. – Новосибирск, 1980. – 320 с.
- Нацов Г.-Д.** Материалы по истории и культуре бурят. – Улан-Удэ, 1995. – Ч. I. – 155 с.
- Обыкновенное общее собрание 10 ноября** // Труды ТКОПОИРГО. 1903. Т. VI. Вып. 2. – СПб., 1904. – С. 4–6.
- Общее собрание отделения 1 декабря 1910 года** // Труды ТКОПОИРГО. 1910. Т. XIII. Вып. 2. – СПб., 1912. – С. 5–6.
- Обыкновенное общее собрание 2 ноября 1912 года** // Труды ТКОПОИРГО. 1912. Т. XV. Вып. 3. – СПб., 1914. – С. 44.
- Окладников А.П.** Археологические исследования в Бурят-Монголии // ИАН, сер. ист. и филос., 1951. Т. VIII. – № 5. – С. 440–450.
- Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. III. Глазковское время. МИА, 43. – М.-Л., 1955. – 374 с.
- Окладников А.П.** Кяхтинский музей и его вклад в археологию Забайкалья // История и культура Бурятии. – Улан-Удэ, 1976. – С. 255–276.
- Орлов А.М.** Эпидемические болезни. – М., 1974. – 175 с.
- Орлова А.Н.** Краеведы города Кяхты // Труды Кяхтинского музея. – 1949. – С. 63–71.
- Отчёт о деятельности Читинского отделения ПОИРГО за 1895 год.** – Чита, 1896. – С. 7–10.
- Отчёт о деятельности ТКОПОИРГО за 1899 год** // Труды ТКОПОИРГО. 1899. Т. II. Вып. 1–2. – М., 1900. – С. 116.
- Отчёт о деятельности ТКОПОИРГО за 1902 год** // Труды ТКОПОИРГО. 1902. Т. V. Вып. 2. – СПб., 1903. – С. 200.
- Отчёт XIII о деятельности ТКОПОИРГО за 1906 год** // Труды ТКОПОИРГО. 1906. Т. IV. Вып. 2. – СПб., 1909. – С. 100–101.
- Отчёт о деятельности ТКОПОИРГО за 1907 год** // Труды ТКОПОИРГО. 1907. Т. X. Вып. 1–2. – СПб., 1909. – С. 107–108.
- Петряев Е.Д.** Из истории врачебных обществ в Восточной Сибири // Советское здравоохранение. – 1960. – № 3. – С. 51–56.
- Привес М.Г.** Анатомия человека. – М., 1985. – 672 с.
- Празднование десятилетия отделения 19 сентября 1904 года** // Труды ТКОПОИРГО. 1904. Т. VII. Вып. 2. – СПб., 1905. – С. 1–20.

- Протокол 1894 г., августа 14** // Протоколы заседаний Забайкальского общества врачей в Чите с приложениями за 1894 и 1895 гг. – Чита, 1897. – С. 40.
- Протокол заседаний 16 декабря 1895 г.** // Протоколы и труды Забайкальского общества врачей в Чите за 1894 и 1895 гг. – Чита, 1897. – С. 60.
- Протоколы и труды Забайкальского общества врачей за 1899–1900 гг.** – Чита, 1901. – С. 5–6.
- Райгородская И.А.** Введение в антропологию. Часть I. Антропогенез. – Иркутск, 1997. – 128 с.
- Райков Б.Е.** О жизни и научной деятельности К.М. Бэра // К.М. Бэр. История развития животных. Наблюдения и размышления. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. I. – С. 400–401.
- Рижский М.И.** Из глубины веков. – Улан-Удэ, 1980. – 171 с.
- Рогинский Я.Я., Левин М.Г.** Антропология. – М., 1963. – 488 с.
- Руденко А.М.** Тарбаганья чума // Военно-медицинский журнал. – 1900. – № 12. – С. 3567–3575.
- Руденко С.И.** Культура хуннов и ноинулинские курганы. – М.-Л., 1962. – С. 6–23, 204.
- Руднев Г.П.** Клиника чумы. – М.-Л., 1940. – 278 с.
- Серова О.В.** Школа радости. – М., 1985. – 207 с.
- Скрживан О.** Наши сведения о тарбаганьей чуме // Русский архив патологии, клинической медицины и бактериологии. Т. XI. Вып. 6. 1901. – С. 608–612.
- Сосновский Г.П.** Дэрстуйский могильник // Проблемы истории докапиталистических обществ. – 1935. – № 1–2. – С. 17–23.
- Сосновский Г.П.** Плиточные могилы Забайкалья // ТОИПК ГЭ. – 1941. – Т. I. – С. 53.
- Сосновский Г.П.** Раскопки в Ильмовой пади // Советская Археология. – 1946. – С. 11–18.
- Сосновский Г.П.** О поселении гуннской эпохи в долине р. Чикоя // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. – Вып. XIV. – 1947. – С. 23–25.
- Тангад Д.** Заметки о похоронных обычаях в западных районах МНР // Традиционная обрядность монгольских народов / Под редакцией К.М. Герасимова. – Новосибирск, 1992. – С. 127–133.
- Тихонов А.Г.** Сравнение различных методов реконструкции параметров физического типа // Вестник антропологии. – М., 1996. – № 2. – С. 168–181.
- Труды ТКОПОИРГО.** Т. II. Вып. 1 и 2. 1899. – М., 1900. – 175 с.
- Труды ТКОПОИРГО.** Т. II. Вып. 3. 1899. – М., 1900. – 180 с.
- Труды ТКОПОИРГО.** Т. IV. Вып. 1. 1901. – Иркутск, 1902. – 180 с.
- Труды ТКОПОИРГО.** Т. V. Вып. 1. 1902. – М., 1902. – 165 с.
- Труды ТКОПОИРГО.** Т. V. Вып. 2. 1902. – СПб., 1903. – С. 51–53.
- Труды ТКОПОИРГО.** Т. VI. Вып. 2. 1903. – СПб., 1904. – С. 4–6.
- Труды ТКОПОИРГО.** Т. VII. Вып. 2. 1904. – СПб., 1905. – 175 с.
- Труды ТКОПОИРГО.** Т. VIII. Вып. 1. 1905. – СПб., 1906. – 215 с.
- Труды ТКОПОИРГО.** Т. IX. Вып. 2. 1906. – СПб., 1909. – 120 с.
- Труды ТКОПОИРГО.** Т. XIII. Вып. 1. 1910. СПб., 1911. – 135 с.
- Труды ТКОПОИРГО.** Т. XV. Вып. 3. 1912. – СПб., 1914. – 150 с.
- Туголюков В.А.** Следопыты верхом на оленях. – М., 1969. – 214 с.
- Хохлов А.А.** К вопросу об “особой евразийской формации” // Вестник антропологии. – М., 1996. – № 2. – С. 129–147.

Основные даты жизни и деятельности Ю.Д. Талько-Грынцевича*

- 1850, 12 августа** – в родовом имении Рукшаны Ковенской губернии в семье польского помещика Доминика Талько-Грынцевича и его жены Леокардии Фицгер родился сын Юлиан.
- 1861–1868**
1868–1869 – учеба Ю.Д. Талько-Грынцевича в Ковенской гимназии.
- 1868–1869** – учеба Ю.Д. Талько-Грынцевича во Второй Петербургской частной гимназии А.И. Беренса. Получение аттестата зрелости.
- 1870** – поступление в Петербургскую медико-хирургическую Академию.
- 1872** – переезд в Киев, поступление на медицинский факультет Киевского университета им. Святого Владимира.
- 1876, май** – окончание университета им. Святого Владимира в Киеве, получение диплома врача.
- 1876** – начало врачебной работы Ю.Д. Талько-Грынцевича в г. Звенигородке Киевской губернии. Стажировка в клиниках Парижа и Вены.
- 1884–1887** – раскопки Ю.Д. Талько-Грынцевичем скифского кургана в местечке Рыжановка близ Звенигородка, его первый опыт в антропологических и археологических исследованиях.
- 1891, 10 декабря** – бракосочетание Ю.Д. Талько-Грынцевича с Кристиной Викторовной Шабулевич.
- 1891, 29 декабря** – назначение Ю.Д. Талько-Грынцевича на должность троицкосавского окружного врача.
- 1892, 20 апреля** – отъезд супругов Талько-Грынцевичей в Сибирь.
- 1892–1908** – "Сибирский" период жизни Ю.Д. Талько-Грынцевича.
- 1894, 14 июня** – открытие Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела императорского Русского географического общества. Избрание Ю.Д. Талько-Грынцевича на должность "правителя дел" отделения.
- 1894, 14 августа** – избрание Ю.Д. Талько-Грынцевича членом Забайкальского общества врачей.
- 1896–1897** – раскопки на Суджинском доисторическом кладбище в Ильмовой пади (близ Троицкосавска). Открытие гуннских захоронений.
- 1904** – избрание Ю.Д. Талько-Грынцевича членом-корреспондентом русского Комитета Международного Союза по изучению Средней и Восточной Азии.
- 1905** – присвоение Ю.Д. Талько-Грынцевичу Русским географическим обществом большой Золотой медали за

* До 1918 года даты приводятся по старому стилю.

- исследования в области антропологии и этнографии. Избрание его членом-корреспондентом Краковской академии наук и Чешско-Славянского общества народоведения в Праге.
- 1906, 1 января** – за врачебную работу Ю.Д. Талько-Грынцевич награжден орденом Святой Анны III-й степени.
- 1908, май** – отъезд супругов Талько-Грынцевичей из Сибири.
- 1908, 12 сентября** – Ю.Д. Талько-Грынцевич утверждён в звании профессора антропологии Ягеллонского университета в Кракове.
- 1911–1931** – пребывание на должности заведующего кафедрой физической антропологии Ягеллонского университета.
- 1914–1918** – руководство лазаретом для раненых в Петрограде, а затем в Киеве, созданным Ю.Д. Талько-Грынцевичем по собственной инициативе. Преподавание антропологии на Высших польских курсах в Петрограде и в Польском университетском колледже в Киеве.
- 1917** – Ю.Д. Талько-Грынцевич становится свидетелем событий в Петрограде.
- 1920** – возвращение в Краков. Получение звания почётного профессора Ягеллонского университета.
- 1926** – Ю.Д. Талько-Грынцевич удостоен высокой польской правительственной награды – командорского креста ордена Polonia Restituta.
- 1930–1932** – опубликованы два тома мемуаров Ю.Д. Талько-Грынцевича "Из прожитых дней" и "Воспоминания последний лет".
- 1931** – Ю.Д. Талько-Грынцевич выходит в отставку.
- 1936, 26 апреля** – смерть Ю.Д. Талько-Грынцевича (г. Краков).

Список сокращений

- ОЛЕАиЭ – Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии.
- СЭ – Советская этнография, журнал.
- ТИЭ – Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая.
- VII МКАЭН – VII Международный конгресс антропологических и этнологических наук.
- ТКОПОИРГО – Троицкосавско-Кяхтинское отделение Приамурского отдела Императорского Русского Географического общества.
- ИАН – Известия Академии наук СССР, журнал.
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
- ПОИРГО – Приамурский отдел Императорского Русского Географического общества.
- ТОИПК ГЭ – Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эмитаж.
- ГАЧО – Государственный архив Читинской области.
- ЗОВ – газета “Забайкальские областные ведомости”.
- БФСО АН СССР – Бурятский филиал Сибирского отделения Академии наук СССР.
- РАЭСК – Региональная археолого-этнографическая студенческая конференция.

Содержание

Введение	5
Историография и источники	10
Жизненный путь	20
Научное наследие Ю.Д. Талько-Грынцевича	36
Медицина	36
<i>Эпидемиология</i>	38
<i>Гигиена, физиология, санитарная статистика</i>	50
<i>Анатомия и судебно-медицинская экспертиза</i>	58
Археология. Антропология. Этнография	61
<i>Археология</i>	61
<i>Антропология и этнография народов Забайкалья</i>	87
<i>Народное просвещение</i>	130
Библиография	155
Работы Ю.Д. Талько-Грынцевича	155
Литература о Ю.Д. Талько-Грынцевиче	157
Архивные источники	159
Использованная литература	160
Основные даты жизни и деятельности Ю.Д. Талько-Грынцевича	164
Список сокращений	166

Научное издание

Эйльбарт Наталья Владимировна

**Юлиан Доминикович Талько-Грынцевич –
исследователь Забайкалья.
1850–1936**

*Утверждено к печати
Редколлегией серии
“Научно-биографическая литература”
Российской академии наук*

Зав. редакцией *Н.А. Степанова*

Редактор *Е.А. Россоловская*

Художник *Ю.И. Духовская*

Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*

Технический редактор *М.К. Зарайская*

Корректор *З.Д. Алексеева*

Подписано к печати 21.03.2003. Формат 60×90 1/16
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 10,5. Усл.кр.-отт. 10,8. Уч.-издл. 11,3
Тип. зак. 823

Издательство “Наука”
117997 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

Санкт-Петербургская типография “Наука”
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

Н.В. Эйльбарт Юлиан Доминикович Талько-Грынцевич

НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Н.В. Эйльбарт
Юлиан
Доминикович
ТАЛЬКО-ГРЫНЦЕВИЧ

НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Книга посвящена жизни и деятельности выдающегося российского и польского ученого, общественного деятеля, врача, археолога, антрополога, этнографа Юлиана Доминиковича Талько-Грынцевича.

Добровольно приехав в Сибирь, Талько-Грынцевич прожил там 16 лет, изучая историю края, начиная с его морфологии и заканчивая историей как древних, так и современных народов.

На территории Забайкалья им было раскопано и изучено более 500 древних могил. Он является первооткрывателем гуннских захоронений и основоположником гуннской археологии.

Талько-Грынцевич впервые описал анатомические особенности жителей Забайкалья, структуру их заболеваемости.

В книге, впервые в отечественной истории, дана полная библиография работ Ю.Д. Талько-Грынцевича, опубликованных на русском языке и написанных им в Забайкалье.

Книга будет интересна для всех интересующихся историей отечественной науки.

ISBN 5-02-006469-6

9 785020 064690